

K 1490825

Дмитрий Ермаков

По старой
Кубенской дороге

ВЁРСТЫ, ЛИЦА, СУДЬБЫ

Дмитрий Ермаков

По старой Кубенской дороге

(ВЁРСТЫ, ЛИЦА, СУДЬБЫ)

Вологда
Вологжанин
2017

К 1490825

УДК 908(470.12)
ББК 63.3(2Рос-4Вол)
Е73

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Ермаков Д. А.

Е73 По старой Кубенской дороге: версты, лица, судьбы / Дмитрий Ермаков. – Вологда: Вологжанин, 2017. – 228 с. : ил.

ISBN 978-5-905324-30-7

В книге известного русского прозаика Дмитрия Ермакова собраны очерки о людях, деревнях и сёлах, монастырях и сельскохозяйственных предприятиях, расположенных в основном вдоль Кубенской дороги (трасса Вологда–Кириллов) на территории Вологодского района.

В книге рассказывается об истории и сегодняшнем дне Кубеноозерья, о судьбах людей-тружеников.

УДК 908(470.12)
ББК 63.3(2Рос-4Вол)

ISBN 978-5-905324-30-7

© Ермаков Д. А., 2017
© Оформление. Издательский дом
Вологжанин, 2017

Уважаемые читатели!

Вы держите в своих руках уникальную книгу, в которой переплелись воедино история и современность Вологодского района. Здесь вы не найдете сухого перечисления фактов и цифр, в этой книге рассказ о человеческих судьбах, о судьбах старинных усадеб и храмов, подвижников, которые жили на этой земле сотни лет назад и которые живут в Кубеноозерье – самом, наверное, удивительном уголке Вологодского района сегодня. Все очерки – это воспоминания простых тружеников села, ветеранов Великой Отечественной войны, работников культуры, стремящихся сохранить нашу историю.

Автор книги Дмитрий Ермаков – известный вологодский писатель, член Союза писателей России, журналист районной газеты «Маяк», в течение нескольких лет по крупицам собирал материал для книги, встречаясь с людьми разных поколений и профессий.

Кубеноозерье – действительно неповторимый и необыкновенно богатый край, давший России столько известных на весь мир имен. Это Родина преподобного Мартина Белозерского...

Здесь родились писатели В. А. Гиляровский, Н. А. Тощаков, И. В. Евдокимов, композитор В. А. Гаврилин, авиаконструктор С. В. Ильюшин, Герой Советского Союза И. А. Каберов и дважды Герой Советского Союза А. Ф. Клубов.

Надеюсь, что книга станет прекрасным подарком всем, кто любит свою Родину, кто дорожит своей историей, кому дорога память о наших предках.

Сергей Жестянников

Ода дороге

... Дорога вечно волнует, зовёт. Видно, это свойство души человеческой: ждать, что вот-вот, прямо за тем поворотом, явится счастье – рай ли земной, Беловодье ли...

Первыми большими дорогами человечества были реки – по ним всё дальше и дальше, в глубь неизведанных земель пробирался человек. Так мы, русские люди, когда-то перевалили Урал-Камень, дошли до Сибири, до Великого Тихого океана, до берегов Америки...

Вдоль водных путей торились пути земные.

Как ручьи вливаются в реки, так тропки вливаются в лесные и полевые дороги. А те – в большаки, в асфальтовые ныне шоссе, когда-то мощёные булыжником тракты, соединяющие города, стягивающие в единое целое страну.

Лесная дорога – стоялая, подёрнутая ряской вода в старых тракторных колеях; ствол павшего дерева лёг на пути, заставляя перелезть через него или же обойти лесом; деревья смыкаются над такой дорогой кронами; лес подступает – то тёмный еловый, то бликующий, осиновый; а то – пронзительно стройная, трепещущая даже в безветрии берёзка вымахнет у самой дороги. В урожайный год можно прямо на лесной дороге и грибов набрать. На такой дороге в топких местах – чёткие рубчатые следы резиновых сапог, то прошли люди на клюквенное или брусничное болото...

Полевая дорога... Раскисшая от дождя, а в ведро – в белых пролысинах, твёрдо укатана и утоптана, по краям – круглые листья подорожника, по сторонам – поле ячменя или ржи, или зелёно-пёстрое разнотравье...

Большаки, тракты, шоссе – кровеносные сосуды, питающие страну...

Мы пойдём-поедем по старой Кубенской дороге. Это всего лишь отрезок, небольшой участок дороги, берущей своё начало у стен Московского кремля и через ярославские и вологодские пределы уводящей на самый северный край Русской земли...

Но тот отрезок, что предстоит пройти нам – может быть, самый таинственный, увлекательный и прекрасный на этой дороге – ведь это ещё и путь через загадочный, священный, сакральный край – Кубеноозерье.

Мы пойдём именно по старой дороге (кое-где она совпадает с новым асфальтовым шоссе), потому что именно по этой дороге, где местами ещё сохранилась булыжная кладка, проезжали в Кирилло-Белозерский монастырь великие князья и цари; по ней прошла в Кириллов и Ферапонтово артель Дионисия, подрядившаяся расписать собор Рождества Богородицы; по этой дороге шли, ехали, брели – калики перехожие, странники, богомольцы, богатые купцы и вечные труженики крестьяне; по этой дороге шли под охраной от одной пересылки, устроенной в разорённом храме, до другой тысячи и тысячи русских и украинских «раскулаченных» к местам своей новой жизни, а для многих и многих – смерти; по этой дороге провожаемые молчаливыми матерями, голосащими жёнами, хватающими за штаны ребятишками уходили мужчины на Великую войну, по ней возвращались оставшиеся в живых; вдоль этой дороги – деревеньки, которым, может, тысяча лет, в которых рождались поколение за поколением упорные, немногословные труженики и среди них те, кто прославил в веках имя русского человека, – писатели, композиторы, лётчики, авиаконструкторы; на этой дороге – монастыри и храмы...

Вступая на этот путь, мы ещё укрепимся словом Николая Рубцова, приподнимемся, пройдем небесным отражением земной дороги... Стихотворение Николая Михайловича так и называется – «Старая дорога».

Всё облака над ней, всё облака...
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука.
Навстречу им июльские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам – качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые вечности глаза!
То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин-властелин.
То по холмам, как три богатыря,
Ещё порой проскачут верховые,
И снова – глушь, забывчивость, заря,
Всё пыль, всё пыль да знаки верстовые...
Здесь каждый славен – мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдёт через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...
Но начну я этот путь с поклона родному городу...

Золотое сердце Вологды (поклон родному городу)

– Вологда? Это где-то на севере? – нет-нет да и услышишь вдали от родной стороны...

И хочется тогда рассказать о своей родине, о лесном и озёрном крае, о светлом городе над тихой водой, отражающей древние храмы, зелень прибрежных деревьев, дуги мостов... Хочется рассказать о тихих улочках с деревянными двухэтажными домами и заросшими белоголовой кашкой двориками, где полощется на ветру свежевывстиранное пахнущее чистотой бельё... Хочется рассказать и о широких проспектах и площадях, о музеях и театрах, о заводах и фабриках. Хочется рассказать о людях, живших и ныне живущих в Вологде. О тех людях, что прославили свою малую и большую Родину вологодским маслом и вологодским кружевом, живописными полотнами и берущими за душу стихами...

Слушайте же...

Вологда – один из древнейших городов России, расположенный на четыреста шестьдесят вёрст к северу от Москвы и на пятьсот к востоку от Санкт-Петербурга. Первое летописное упоминание о ней уносит нас почти в девятисотлетнюю историческую даль – 1147 год, когда появился в глухих северных краях киевский монах Герасим, почитаемый ныне, как один из небесных покровителей города. «Лета 6655 (1147) августа в 19 день, на память святого мученика Андрея Стратилата, прииде Преподобный отец Герасим от богоспасаемого града Киева к Вологде реке, на средний посад Воскресения Христова Ленивыя площадки малаго Торжку, и создал пречестень монастырь во славу Пресвятыя Троицы, от реки Вологды расстоянием на полпоприща», – сообщает нам автор жития святого Герасима. Ныне на «ленивой площадке» установлен памятник 800-летия основания города.

К тому же достопамятному 1147 году относятся первые упоминания ещё о двух городах, сыгравших выдающуюся роль в истории нашей Родины – Великом Устюге и Москве... Так, ещё в самом своём начале, оказались, наверно Вышею волей, тесно связаны судьбы этих городов. Именно Вологда стала главным оплотом великих московских князей и царей на Русском Севере, маяком православия для финно-угорских народов, издревле населявших эти края.

Кстати, сам топоним «Вологда», скорее всего финно-угорского происхождения, и переводится, как белая или чистая вода. Хотя существует и другая, менее достоверная, но не менее поэтическая версия, происхождения названия «Вологда» от слова «волок», обозначающего узкое место между реками, где когда-то «переволакивались» речные суда или просто расстояние от одного населённого пункта до другого. Помните потрясающую лиризмом и

жизненной правдой повесть вологжанина Василия Белова «За тремя волоками»? Или звукописные строчки выдающегося русского поэта, вологжанина Николая Рубцова:

*Я долго ехал волоком.
И долго лес ночной
Всё слушал медный колокол,
Звеневший под дугой...
Хоть волки есть на волоке
И волок тот полог,
Едва он сани к Вологде
По волоку волок...
И вдруг заржал он молодо,
Гордясь без похвалы,
Когда увидел Вологду
Сквозь заволоку мглы...*

Вот это и есть знаменитый «вологодский говорок».

Слышите – как перекатывается округлое «о» из строки в строку, и вдруг – подкатывается к самому сердцу и отзывается благодарной памятью и к поэту, и к далеким предкам, давшим нашему городу такое красивое, милосердное имя...

Уже в XIII–XIV веках Вологда становится важнейшим стратегическим пунктом русской колонизации на Севере, воротами, открывающими путь к Великому Устюгу и далее к Белому морю, в Пермские земли и за Урал-камень.

Вологда – город, в котором были построены и действовали к началу революционных преобразований 59 православных храмов. Многие из них не дожили до наших дней, но многие сохранились и ныне реставрируются. Выйдите на набережную реки Вологды, посмотрите – на каждой излучке реки золотится крестами церковь... И сегодня главным зданием Вологды является величественный Софийский собор, золотой купол колокольни которого виден из любой точки города.

Построен Софийский собор был в 1568–1570 годах по личному приказанию и под постоянным присмотром Грозного государя Ивана Васильевича. Закладка собора происходила 28 апреля, в день святых Иасона и Сосипатра. Именно это событие, окрашенное впоследствии народной фантазией, дало другое название Вологде – Насон-город, известное по песням и преданиям. В качестве архитектурного образца для вологодского храма был избран Успенский собор в Москве. Существует легенда о том, как после завершения строительства

Иван Грозный посетил собор, и «нечто отторгнуся от свода и пад, повреди государя во главу, и того ради великий государь опечалихся и повеле церковь разобрать. Но затем преклонися на милость».

Народная молва, а вслед за ней многие письменные источники, сообщают о том, что хотел Иван Грозный сделать Вологду столицей всех опричных земель, а то и всего Русского государства. Помешало ли этому «нечто отторгшееся от свода» или что-то другое, нам не ведомо. Но исторический факт, что в общей сложности, за все свои приезды, прожил Иван Васильевич в Вологде около трёх лет, по его приказанию было начато строительство каменного кремля, а неподалёку от строящегося Софийского собора был расположен деревянный дворец царя... А в недрах Соборной горки – места на берегу реки вблизи Софийского собора – неоднократно пытались найти, а кто-то, наверное, и сегодня об этом мечтает, знаменитую библиотеку Ивана Грозного...

И ещё исторический факт – именно вологжанин Осип Григорьевич Непея стал первым русским послом в Англии. Ещё в июле 1556 года он был направлен Иваном Грозным в Англию в целях установления торговых отношений. Английский корабль, на котором плыл Непея, затонул у берегов Шотландии, большая часть экипажа погибла. Непее удалось спастись. Пробыв в Англии до мая 1557 года, он успешно завершил переговоры, получив ответное послание королевы царю Ивану IV.

С тех пор и установилась регулярная дипломатическая и торговая связь Западной Европы с Москвой через крупнейший в то время порт страны Холмогоры. Именно в Вологде заканчивался речной путь от Архангельска до Москвы и начинался сухопутный. Поэтому иностранцы стремились обосноваться в Вологде, обзавестись домами и дворами. Так, в Вологде на Нижнем посаде возникла своя «немецкая слобода».

Среди хорошо известных иноземцев, имевших дворы в Вологде на протяжении многих десятилетий, в первую очередь следует отметить голландских купцов Гутманов. Именно в доме купца Ивана Гутмана во время своих поездок на Север (в Вологду и дальше – в Архангельск) бывал Пётр I. Дом этот сохранился, известен всем вологжанам и гостям города как «Петровский домик», сейчас в нём находится филиал областного краеведческого музея.

Как всякий старинный город, Вологда овеяна легендами, одна из них – «легенда о бело-ризах», она связана с разорением Вологды и Спасо-Прилуцкого монастыря в Смутное время польско-литовскими захватчиками (другой вариант легенды связан с ещё более давним XV веком, временем противостояния князей Дмитрия Шемяки и Василия Тёмного). По этой легенде: «при виде подступающих к городу врагов несчастные жители Вологды вышли на поле, на берегу реки Вологды, и сразились с ними. Победа же начала преклоняться на сторону врагов, превосходивших вологжан числом и силою; но вдруг являются два

неизвестные витязя, в белые доспехи облаченные и железными палицами вооруженные, останавливают побеждаемых, начинающих спасаться бегством, и бросаются с ними на неприятелей, поражают их палицами и вырывают победу из рук их с потерей своей жизни. Часть неприятелей положена на месте сражения, а прочие бегством сохранили жизнь свою. Обрадованные сею победою и вместе опечаленные смертью неизвестных своих избавителей вологжане трупы их положили в один гроб и воздвигли над оным простой каменный памятник, а чтобы память их пребывала вечною, учредили каждый год отправлять при гробе панихиду по ним». «Часовня белоризцев» и ныне находится на окраине Вологды. Обычай их поминовения сохранялся до начала двадцатого века и вновь возрождается в последние годы.

Спасо-Прилуцкий монастырь, о котором упоминается в легенде, был расположен в нескольких километрах северо-восточнее города (ныне в черте города), в излучине или в «луке» реки Вологды. Это один из крупнейших монастырей Севера. Опоясанный могучими крепостными стенами с высокими мощными башнями монастырь особенно живописен со стороны пологого берега реки Вологды. Основан он в 1371 году одним из ближайших учеников, сомолитвенников Сергия Радонежского, святым Димитрием Прилуцким.

Первоначально все постройки обители и ограда были деревянными. Со второй четверти XVI в. в нём начинают возводить каменные здания. Начало новому архитектурному ансамблю положило сооружение большого соборного храма Всемилостивого Спаса. До конца XVI в. создаются и другие крупные каменные здания – трапезная палата с храмом и главные северные ворота с надвратной церковью.

В 1812 г., во время Отечественной войны, в стенах этого монастыря хранилась драгоценная утварь кремлёвских соборов и сокровища патриаршей ризницы.

В начале 90-х годов XX века в монастыре возродилась монашеская жизнь.

На территории Спасо-Прилуцкого монастыря нашёл последнее упокоение выдающийся русский поэт Константин Николаевич Батюшков. «О память сердца! Ты сильнее рассудка памяти печальной», – воскликнул когда-то Батюшков. Именно память сердца благодарных вологжан запечатлелась в бронзовом памятнике Батюшкову работы знаменитого скульптора Вячеслава Клыкова, установленного на Соборной горке близ Софийского собора и Вологодского кремля, где ныне находится Вологодский государственный музей-заповедник. Неподалеку и музей-квартира Батюшкова.

Литературные традиции в Вологде, заложенные народным фольклором, церковной литературой, творчеством Батюшкова и других дворянских писателей XIX века, блестяще продолжились в веке XX – весь мир узнал о «вологодской литературной школе». Имена Василия Белова, Николая Рубцова, Александра Романова, Виктора Коротаева, Ольги Фокиной,

Сергея Чухина, Нины Груздевой хорошо известны всем любителям русской литературы... У истоков создания Вологодского отделения Союза писателей РСФСР стояли Александр Яшин, Сергей Орлов, Сергей Викулов. Имена многих писателей-вологжан запечатлены в названиях улиц города.

Говоря о литературных традициях Вологды, нельзя не вспомнить хорошо известное всем вологжанам местечко Кирики-Улиты, неподалеку от города, связанное с именами великого русского поэта Сергея Есенина и его друга, уроженца Сокольского района замечательного поэта Алексея Ганина. Когда-то там стоял храм, посвящённый святым мученикам Кирику и Иулите, в котором летом 1917 года Есенин венчался с Зинаидой Райх. Ещё в семидесятых годах прошлого века старожилы вспоминали, как катила лёгкая коляска от города в Кирики и выпрыгивал из неё голубоглазый светловолосый юноша, рвал полевые цветы для своей невесты... Сейчас на месте храма стоит памятный знак-камень.

Но не только культурой славна Вологда. Это издревле крупный торговый и промышленный центр.

Одним из крупнейших в России XIX века промышленников и благотворителей был вологжанин Христофор Леденцов, сегодня его имя носит премия, учреждённая для поддержки творческих начинаний молодых учёных и предпринимателей.

Всемирную известность Вологде принесли предприятия молочной промышленности. Вологодское масло. Его традиционные рецепты сохраняют опытные мастера-технологи. Специалистов для предприятий отрасли готовят в Молочно-хозяйственной академии. Она носит имя нашего земляка Николая Васильевича Верещагина, создателя промышленной молокопереработки, ставшей благодаря ему в конце XIX века самостоятельной отраслью хозяйствования в России.

Известна Вологда удивительным кружевом. Традиции и секреты вологодских кружевниц спустя века остались неизменными, а их продукция по-прежнему пользуется огромным спросом.

В архитектурно-этнографическом музее под Вологдой уже создан Музей масла. Создан в Вологде и Музей кружева.

Впрочем, чтобы узнать, где она Вологда, да что она такое – надо в ней побывать, надо подышать её воздухом, пообщаться с её радушными жителями. Золотое сердце Вологды – купол колокольни Софийского собора светит для всех – через века и расстояния...

Прилуки – память сердца

За дымкой времени – детство... У нашей семьи был катер «Прогресс-2», в выходные мы уплывали или вниз по Вологде и дальше – на реку Лежу, или же вверх по Вологде, совсем недалеко, приставали к берегу напротив Прилуцкого монастыря.

В единую картинку счастья сливаются те дни – мама, папа, пёс Пыж... И разнотравный широкий луг, и костерок, и река, и могучие завоораживающие своей явной стариной стены и башни монастыря на другом берегу, и синее небо, и белые облака... И я, счастливый, держу в руках большую, только что пойманную отцом рыбу...

Позже я часто бывал в самом монастыре, где тогда был музей. Я ходил по древним стенам и заглядывал в башенные бойницы, с ужасом слушал рассказ экскурсовода о том, как «гулящими казаками» и поляками в «смутное время» начала XVII века были сожжены в трапезной монастыря десятки монахов, читал надписи на могильных камнях, стоял перед могилой Батюшкова...

И позже, в начале 90-х, когда уже вернулись в монастырь монахи, стоял я перед той же могилой, и звучала молитва за упокой души раба Божьего Константина... И уже знал и шептал я заветные строчки Батюшкова: «О память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной!..»

Стоял в храме над святыми мощами великих молитвенников, духовных тружеников Дмитрия и Игнатия...

Читал в книге А. Н. Муравьева «Русская Фиваида на Севере»:

«Неподалеку от Вологды, в излучине реки, в уединенном месте преподобный Димитрий решил создать первый на русском Севере общежительный монастырь. Жители Вологды и окрестностей с радостью согласились помочь святому. Владельцы земли, предназначенной под монастырь, Илья Раков и Исидор Выпряг, затоптали даже озимые нивы, чтобы храм был построен немедленно. В 1371 году воздвигнут был деревянный Спасский собор, и начала собираться братия. Многие ученики преподобного перешли сюда из Переславля. Углубленная молитва и строжайшее подвижничество сочетались у прилуцкого игумена с милосердием: он кормил нищих и голодных, принимал странников, беседовал с нуждающимися в утешении, давал советы. Преподобный любил молиться наедине. Постоянной пищей его была лишь просфора с теплой водой, даже в праздники не принимал он разрешенные уставом вино и рыбу. Зимой и летом носил один и тот же старый тулуп, до глубокой старости ходил вместе с братией на общие работы. Господь наделил Своего угодника даром прозорливости. Скончался преподобный в глубокой старости 11 февраля 1392 года.

Спaso-Прилуцкий монастырь

Пришедшие братья нашли его как бы уснувшим, келлия же была исполнена чудного благоухания. Чудеса от мощей святого Димитрия начались в 1409 году, а в XV столетии почитание его распространилось по всей Руси».

История Игнатия Прилуцкого (преподобный Игнатий Вологодский, в миру князь Иоанн Андреевич) – яркая иллюстрация той борьбы, что велась в конце XV века за создание единого Русского государства. «В 1492 г. великий князь Иоанн III посадил брата своего, князя Углицкого Андрея Васильевича, в темницу по обвинению в измене, и заточил детей его, князей Иоанна и Димитрия. Иоанн Андреевич 32 года томился в темнице, сперва в Переяславле, потом на Белом озере и в Вологде, проявляя истинно христианское терпение и отличаясь удивительно праведной жизнью. Перед смертью постригся под именем Игнатия, после кончины прославился чудесами. Память его 19 мая», – говорится в житии.

Димитрий и Игнатий – небесные заступники Вологды и, конечно же, Прилук.

И уже гораздо позже своих детских и юношеских посещений Прилук узнал, что семья Рубцовых переехала из Няндомы сначала именно в это село. Недолго тут жили, переехали в совсем близкую Вологду, но остался в русской литературе рассказ-воспоминание из детства Николая Рубцова «Дикий лук».

Николай Рубцов
ДИКИЙ ЛУК

Давно это было. За Прилуцким монастырем на берегу реки собрались мы однажды все вместе: отец, мать, старшая сестра, брат и я, еще ничего не понимающий толком.

День был ясный, солнечный и теплый. Всем было хорошо. Кто загорал, кто купался, а мы с братом на широком зеленом лугу возле реки искали в траве дикий лук и ели его. Неожиданно раздался крик: – Держите его! Держите его!.. И тотчас я увидел, что мимо нас, тяжело дыша, не оглядываясь, бежит какой-то человек, а за ним бегут ещё двое.

– Держите его!

Отец мой быстро выплыл из воды и в чем был тоже побежал за неизвестным. – Стой! – закричал он. – Стой! Стой! – Человек продолжал бежать. Тогда отец, хотя оружия у него никакого не было, крикнул вдруг: – Стой! Стрелять буду! – Неизвестный, по-прежнему не оглядываясь, прекратил бег и пошёл медленным шагом... Всё это поразило меня, и впервые на этой земле мне было не столько интересно, сколько тревожно и грустно. Но... давно это было».

...Пришёл ко мне недавно человек – Сергей Иванович Петров, уроженец Прилук (ныне живёт в Вологде), заслуженный строитель России. С юности он увлечён поэзией Николая

Рубцова, о котором впервые услышал от школьного учителя физкультуры Германа Александра (тоже интересного поэта, между прочим). Сергей Иванович увлечён идеей найти дом в Прилуках, в котором жили Рубцовы два месяца 1941 года. Может, и надёт...

...Я много раз ездил через Прилуки в салоне автобуса, в вагоне поезда, и когда проплыли за окном монастырские стены и купола, прощался с любимой Вологдой. А когда возвращался, появление этих куполов и стен было подтверждением того, что я вернулся.

И уже интересовал меня не только сам монастырь, но и место, на котором он был основан, и село, не случайно же на этом месте появившееся, и люди, жившие здесь когда-то и живущие сегодня (а среди них есть и мои добрые знакомые).

Прилуки – государство в миниатюре. У этого «государства» есть своя история, тесно связанная с большой историей государства Российского, есть общерусская святыня – Спасо-Прилуцкий монастырь. Есть и «святыня» светская – могила великого русского поэта Константина Батюшкова. А главное, были и есть люди, именно Прилуки считающие своей малой родиной, без любви к которой не может быть и истинной любви к большой Родине – России.

Впервые село Прилуки упоминается в 1371 году. Название оно получило от Спасо-Прилуцкого монастыря, который назван по главной соборной Спасской церкви и местоположению – изгибу (луке) реки Вологды.

Название «Прилуцкое» или «Прилуки» закрепилось за селом лишь в конце XIX века. На территории современных Прилук в XVI в. существовали селения, принадлежавшие Спасо-Прилуцкому монастырю: сельцо Выпрягово на берегу реки Вологды и село Коровничье, располагавшееся восточнее обители (названо по наличию монастырского коровьего двора). В XVI веке в Выпрягове насчитывался 31 двор. Население составляли ремесленники, работавшие на монастырь: кирпичники, плотники, кузнецы, иконники, часовники, оловянные сапожники, портные, квасовары.

В XVIII веке в селе Выпрягово, по дороге на Кириллов и Белозерск, на берегу реки Вологды построена тёплая каменная церковь Николая Чудотворца, что на Валухе, на месте деревянной церкви того же названия. С западной стороны к тёплой церкви примыкает высокая, со шпилем колокольня, украшенная в несколько ярусов колоннами, наружными арками и нишами. Колокольня построена в более позднее время взамен первоначальной шатровой. В настоящее время энтузиасты пытаются восстановить эту полуразрушенную церковь.

Прилуки издавна имели важное «стратегическое» положение – там была переправа на дороге в Вологду (до строительства новой дороги на современное Заречье), отсюда началась важная уже в государственном масштабе дорога на Кириллов и далее на Каргополь (старая Кирилловская дорога), отсюда же и сегодня начинается магистраль на Север – до самого Архангельска.

Чего и кого только не видело это село за века своего существования! Никак не могли обойти его белозерские дружины, направлявшиеся в Москву к князю Димитрию и далее – на Куликово поле. А проходя через село, разве же князя Белозерские и всё православное воинство могли не помолиться в монастыре? И разве мог не благословить их на подвиг ученик и сополитвенник Преподобного Сергия Радонежского Димитрий Прилуцкий (сам святой Сергий, как известно, благословил Дмитрия Донского)?

Спасо-Прилуцкий монастырь, став одним из крупнейших духовных, да и хозяйственных центров Русского Севера, конечно же, оказал влияние и на жизнь села. Известно, что в Коровничьем находилась пристань и водяная мукомольная мельница Спасо-Прилуцкого монастыря, были постоянные дворы для паломников.

Каждый год из Вологды в монастырь шёл крестный ход к мощам святых Димитрия и Игнатия. В монастырской ограде находили упокоение многие вологжане.

А в двадцатые годы монастырь стал крестьянской Голгофой. Тысячи раскулаченных украинских и русских крестьян томились в устроенной в монастыре пересыльной тюрьме, многие там и умирали. Об этом, с силой гения, написал великий крестьянский заступник Василий Иванович Белов в эпопее «Час шестый». (Останки несчастных в 90-е годы собирали монахи по всей территории монастыря и погребли в братской могиле).

Позже в монастыре были военные склады, затем музей, наконец снова монастырь.

В 1898 году через Прилуки прошла железная дорога Вологда–Архангельск, а через реку Вологду был построен временный, с деревянными устоями, мост. В 1913 году его заменили постоянным с металлическими фермами на каменных устоях.

Кстати, есть предположение, что мост в Прилуках построен по проекту знаменитого архитектора Шухова. «Шуховская башня», построенная по образцу знаменитой московской башни, находится на железнодорожном вокзале Вологды.

26 марта 1938 года в Прилуки был пущен один из первых в Вологде автобусных маршрутов: «Вокзал–Прилуки».

До 80-х годов прошлого века в Прилуках преобладали частные дома деревенского типа с приусадебными участками. В 1980–1990-х годах появились «городские» многоквартирные дома и современные коттеджи.

Ещё не так давно Прилуки находились в Вологодском районе, в 1993 году «адрес прописки» посёлка поменялся, теперь это один из микрорайонов города Вологды.

Однажды мы поехали с Сергеем Ивановичем Петровым, о котором я уже упоминал, в Прилуки, остановились перед переездом, за которым уже монастырь и село, он указал на низину справа от дороги:

– Вот здесь магазин был, «ямка» называли, продовольственный. По мосткам над лужами в «ямку» эту, бывало, зайдём, закупимся – и на валы...

Валы вдоль стен монастыря остались и спустя столетия, а магазина нет. Но и магазин – тоже история. И те молодёжные посиделки «на валах» – история, и кузня, которую ещё помнит Петров, и здание сельсовета... – всё это тоже история, память, которую нужно хранить и передавать.

Меняются внешние приметы жизни, но остается нечто неизменное, как знак из вечности – небо, река, монастырь, уводящая в пространство и время дорога...

Тянется эта дорога, как нить волшебного клубка, вдоль загадочного Кубенского озера, а в нём (с дороги кое-где видно), как белый кораблик – душа Кубеноозерья, тайный остров-монастырь – Спас-Камень... На этом пути мы уже миновали Прилуки... Дальше-дальше... Как говаривали авторы старинных романов: «За мной, читатель!»

Живая память о Герое (деревня Ярыгино)

За Прилуками река Вологда остаётся левее, там, дальше по берегу – Чашниково, Кувшиново... А старая дорога устремляется к Кубенскому озеру...

«Агрофирма «Красная звезда» – встречает нас знак. Дорога долго будет вести нас по землям этого знаменитого сельхозпредприятия, старейшего в области, созданного ещё в 1922 году «для обеспечения нужд Красной Армии», которое сегодня возглавляет заслуженный работник сельского хозяйства РФ и почётный гражданин Вологодского района Николай Владимирович Логинов. Хозяйство это, между прочим, дало Родине двух Героев Социалистического Труда – доярку Антонину Анатольевну Иванову и бригадира Александра Владимировича Уханова, который и сегодня живёт в Чашникове...

Но мы сначала свернём по указателю к деревне Ярыгино.

Что-то весёлое, разгульное в этом названии. И сильное, как во всех словах с древним корнем «яр». Сразу вспоминается «ярость», «яркий» и даже «ярмарка»... В словаре Даля: «Ярыга, ряз. вологодск., работник, батрак, казак, живущий по чужим дворам. Ярыжки по торгам и ярмаркам шатаются. Поговорки: «Кто с ярыжкой поводится, без рубахи находится. Гори кабак с целовальником – а ярыжки на берег!» То ли жили тут какие-то ярыги в давние времена, то ли ещё почему, теперь уж вряд ли узнаем – такое вот яркое название у, в общем-то, незаметной, обычно проезжаемой мимо, деревеньки...

По переписи 2002 года население деревни составляло 22 человека – довольно и много по нынешним временам.

Власов

..... *Михаил Константинович*

Наш «уазик» (машина районной газеты «Маяк») въезжает в деревню по кажущемуся не слишком надёжным мосту через речку Пудежку, впадающую в реку Вологду где-то за Прилуками.

Пудежка лишь на подробной топографической карте кажется серьёзной рекой, на самом же деле – ручей, змейкой вьющийся между болотистых берегов, где довольно высоких, а где пологих.

Деревня оказывается не такой уж маленькой, как кажется с дороги, дома в ней в основном новые, живут в них по большей части дачники, наезжающие из совсем близкого города. Но есть и старые дома: большие, высокие, потемневшие от времени – они напоминают о былых, минувших временах... Удалось мне найти и старожилов, которые и указали мне домик, в котором жила семья Героя Советского Союза Власова. Правда, дом уже перестроен, и живут в нём давно уже другие люди.

Да, вот из этой пригородной деревеньки Герой вышел...

...И вот я беседую с живущим в Вологде подполковником в отставке Олегом Михайловичем Власовым, сыном Героя Советского Союза Михаила Власова. Случайность ли, что встреча наша произошла в канун 70-летия подвига? Я вот верю, что случайностей не бывает, всё закономерно...

«Власов Михаил Константинович – заместитель командира 370-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона по политической части 286-й стрелковой дивизии 21-й армии Ленинградского фронта, капитан.

Родился 24 октября 1910 года в деревне Ярыгино ныне Вологодского района Вологодской области в крестьянской семье. Русский. Член ВКП(б). Окончил среднюю школу № 1 в городе Вологде. Учился в Ленинградском финансово-экономическом институте, а по его окончании работал в Вологде.

В Красную Армию призван в 1933 году Вологодским райвоенкоматом Вологодской области. В период прохождения действительной военной службы в артиллерийских частях ему было присвоено первое офицерское звание «младший лейтенант».

После армии Михаил Власов работал начальником планового отдела центрального рабочего кооператива, а затем – директором Вологодского городского торга.

В ноябре 1939 года младшего лейтенанта запаса М. К. Власова вторично призвали в ряды Красной Армии.

Участник советско-финляндской войны 1939–1940 года. После окончания боевых действий вернулся в Вологду.

Когда началась Великая Отечественная война, офицер запаса Власов, не дожидаясь призыва по мобилизации, пошёл на фронт добровольцем и оказался под Ленинградом, где

провоевал два года. Сначала командовал взводом, а затем – батареей противотанковых орудий.

Заместитель командира 370-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона по политической части (286-я стрелковая дивизия, 21-я армия, Ленинградский фронт) капитан Михаил Власов отличился в Выборгской операции советских войск.

Личным примером вдохновлял бойцов дивизиона на выполнение боевых задач. 26 июня 1944 года при отражении вражеской контратаки севернее города Выборга отважный офицер заменил раненого командира орудия и лично подбил танк. Пал смертью храбрых в этом бою.

Похоронен с воинскими почестями в Ленинграде на Большеохтинском кладбище.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм капитану Власову Михаилу Константиновичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Награждён орденом Ленина, орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды».

Это текст взят с сайта «Герои страны». Примерно такой же текст и на других сайтах в интернете, в книгах «Твои герои – Ленинград» и «Вологжане – Герои Советского Союза».

Поэтому-то так важна каждая деталь, позволяющая понять человека, совершившего подвиг ради Родины. А в случае с Михаилом Власовым неизвестными остаются не только «детали», а и весьма значительные жизненные эпизоды.

Например, дата смерти в извещении, направленном из части в Вологодский военкомат, стоит другая – 20 июня. Я сам видел это извещение в архиве Власовых. Какую же дату считать подлинной?..

– ...А ведь отец сидел, – неожиданно говорит Олег Михайлович.

– За что? Как же он политруком был на фронте? – сразу же возникают у меня вопросы.

– Ещё раньше забрали его отца, моего деда Константина Николаевича, – продолжает рассказ Олег Михайлович. – Это было в 1938 году. Позже, работая в прокуратуре, я видел их «дела». Дед, крестьянин из Ярыгина, служил в Гражданскую у Колчака, был офицером – (наверное прапорщиком – это низший офицерский чин в то время, многие выходцы из крестьян оканчивали школу прапорщиков во время Первой мировой войны – Д. Е.) – Но позже он полностью принял Советскую власть, на момент ареста жил вместе с нами в Вологде на Советском проспекте, 56, работал бригадиром каменщиков. Я 1936 года рождения, поэтому деда не помню. После ареста его жена, моя бабушка Агния Ивановна, носила ему переда-

чи в тюрьму. Не видела его, но знала: раз передачи берут – значит, жив. Однажды передачу не взяли. Потом сообщили, что он умер. Это был февраль 1941 года...

Олег Михайлович кладёт на стол большую папку с семейным архивом. Находит справку из НКВД о смерти деда. Показывает документ о его полной реабилитации уже в 1993 году. Через пятьдесят с лишним лет внук добился снятия с деда всех обвинений.

– Отца тоже в 1938 году посадили, после деда, – говорит сын героя. – Он после окончания финансово-экономического института в Ленинграде приехал в Вологду и работал в управлении торговли, был заведующим «горторгом». Организовал торговые точки прямо на предприятиях. Властям это показалось подозрительным, и его арестовали. Отец просидел целый год, но был оправдан и освобождён. В 1939 году уже принимал участие в советско-финской войне.

После ареста отца нас выселили из дома на Советском проспекте и дали комнатку в четырнадцать квадратных метров в деревянном двухэтажном доме на Малой Сибирской. Мы жили там впятером. Мама, Галина Васильевна, перед его арестом работала директором обкомовской столовой. Её оттуда уволили и послали работать в чайную. В общем, все пострадали! Я только не пострадал.

Олег Михайлович улыбается, детство, наверное, вспоминает, а оно ведь каким бы тяжёлым ни было – всегда самое счастливое время в жизни человека...

И, вновь посерьёзнев, продолжает рассказ:

– Отца я помню смутно. Мне было пять лет, когда он уходил на фронт... В палисаднике у дома сидели мама, её брат Александр Васильевич с женой и мой отец. Это они провожали его на фронт... И ещё помню, когда он приезжал в отпуск весной 1944 года, перед гибелью. Шинель у него была обгорелая. Я не помню, что он там говорил, но был какой-то раздражённый. Когда уезжал – меня на руки поднял, обнялись мы с ним...

После паузы Олег Михайлович добавляет:

– Он был уже капитаном, заместителем командира полка по политчасти, несмотря на то, что побывал до войны в тюрьме. В июне 1944 года пришла телеграмма с сообщением о смерти... Он погиб около станции Мга Ленинградской области. Непосредственно стоял у орудия и вёл огонь, поскольку весь расчёт погиб. И похоронен сначала был там, около станции Мга, потом его перезахоронили в Ленинграде на Большеохтинском кладбище. Мать ездила на похороны, а через год, в сорок пятом, она меня туда взяла. Позже, в 1956 году, когда я уже учился в военном училище, получил приглашение от Леноблгорсовета на установку памятника. Ездил. Памятник установили на могиле – большой, гранитный...

И вот главная семейная реликвия Власовых – письма с фронта. Сначала от самого Михаила Власова – жене и сыну, а потом уже и от его сослуживцев. Письма завернуты в газету

«Правда» от 22 июля 1944 года с Указом о присвоении звания Героя Советского Союза. Среди награждённых и капитан Михаил Власов.

Многие письма написаны карандашом. Почерк мелкий (может, бумагу экономил), но каллиграфический, чёткий. И только там, где писал в поезде, буквы будто покачиваются вместе с вагоном (и за это автор письма извиняется!). Даже в этих мелочах (почерк, перечисление родственников) – какое уважение друг к другу и к письменному слову, какой такт! Кажется мы, нынешние, так уже не умеем...

– Вот письмо отца лично мне. Я ему тоже писал... – Олег Михайлович бережно подаёт лист бумаги, на котором красивыми крупными буквами (чтобы ребёнок мог сам прочитать) написано: «Здравствуй, мой дорогой Олег, крепко-крепко тебя целую и обнимаю. Твоё письмо я получил. Очень рад, что ты меня не забываешь и часто пишешь. Баба Геня тебя хвалит, что ты растёшь очень послушный и умный мальчик. За это я тебя ещё больше люблю. Скажи маме Гале, чтобы она тебя больше отпускала гулять. Лялик, поцелуй за меня маму и бабу Геню, и бабу Женю. Передай привет деду Васе, тёте Марусе, дяде Саше и тёте Леле. До свидания, мой дорогой, крепко тебя целую. Пиши».

Ещё письмо: «Здравствуй, мой дорогой Олег. Лялик, письмо с рисунками я получил. Спасибо, что папу не забываешь. Рисунки твои мне очень понравились. Твоя мама мне пишет, что ты очень загорел, целые дни гуляешь на улице, это хорошо. Лялик, я скоро снимусь на своей лошади и фотокарточку пришлю тебе, посмотришь, какая у меня хорошая лошадь. А таких лошадей в моей батарее много-много. Поцелуй за меня маму, бабу Геню, бабу Женю, деду Васю. До свидания, крепко тебя целую, твой папа».

И подобных писем много...

Вот, видимо, одни из самых первых писем жене, матери Олега Михайловича: «Галя, здравствуй. Очевидно, сразу видишь мой плохой стиль письма, потому что сильно качает вагоны, не даёт сколько-либо правильно писать. Сегодня утром погрузились и выехали на фронт по направлению к Ленинграду... 9 сентября 1941 года».

А вот последнее письмо Михаила Власова от 7 июня 1944 года: «Здравствуй, дорогая Галя, с фронтовым приветом! Всех вас крепко обнимаю и целую. Галя, твоё письмо от 28. 05 получил, спасибо. Собирался тебе написать пять дней спустя, но из-за невозможности отправить не смог. О подробностях сообщать не могу. Читая твоё, я вижу, что отдыхать тебе тоже нет времени. Галя, я отлично тебя понимаю, как тяжело почти три года жить, постоянно в напряжении ждать, но что сделаешь. Я полагаю, что конец войны не так уж далёк, победа теперь находится в руках Красной Армии... Посылаю вам фотокарточку. Фотографировался для удостоверения, так вышло вроде ничего. Чтобы не был в обиде Олег, пошлю и ему. Несколько дней пройдёт, тогда смогу прислать коллективные фотокарточ-

ки... Олегу напишу письмо днями. Скажи Олегу, пусть он на меня не обижается. Вот всё, что могу тебе сообщить о себе. Мысли заняты у меня сейчас одним делом. Передай привет родным. Крепко целую...»

Писем много. Они нуждаются в расшифровке (за давностью многие плохо читаются) и перепечатке.

– Раньше в канун Дня Победы часто ко мне приходили корреспонденты и школьники, из Ленинграда приезжали. Меня часто приглашали выступать. Помню, как открывали мемориальную доску на школе в Семёнове, я выступал там, был полный зал людей, я волновался, – рассказывает Олег Михайлович. – А в позапрошлом году ехал по улице Чернышевского, увидел, что вешают баннер: «Вологодчина – родина Героев». Гляжу – на фотографии отец. Я остолбенел, остановил машину. Стоял и плакал. Потом подошёл к рабочим, рассказал. Они сделали мне уменьшенную копию баннера...

Рассказал Олег Михайлович и о своей судьбе:

– Я был один ребёнок в семье. В 1953 году после окончания десяти классов пошёл в военкомат и попросил направить меня в одно из военных училищ. Предложили Сталинградское инженерно-авиационное училище, куда я и поступил. Через год училище перевели в Мичуринск. В 1957 году я с отличием его закончил и был направлен в Энгельсское авиационное училище имени Марины Расковой, оно находилось в Тамбове. Служил там командиром аэродрома.

А в 1960 году в стране произошло сокращение Вооруженных сил. Олег Михайлович был демобилизован и вернулся в Вологду. До 1974 года работал в Вологодском аэропорту начальником базы аэродромного обслуживания. В 1974 году по решению партийной организации был направлен на должность заместителя начальника управления тыла УВД Вологодской области. В 1987 году стал начальником управления тыла. После увольнения из УВД Олег Михайлович возглавлял отдел обеспечения и эксплуатации зданий и транспорта области областной прокуратуры.

В 1998 из-за серьёзной болезни жены О. М. Власов оставил службу. В 2000 году жена умерла.

– И тут мне позвонил председатель областного спорткомитета Виктор Николаевич Некрасов и предложил создать федерацию физкультуры и спорта инвалидов. Мы были хорошо знакомы. Виктор Николаевич узнал, что в Московской области создана такая организация, и загорелся. Создали федерацию, я её десять лет возглавлял.

Нужно сказать, что Олег Михайлович Власов – мастер спорта, много лет занимался лёгкой атлетикой, бегал на длинные дистанции. Даже на супердлинные – 100 км! Марафон для него, по его словам, дистанция несерьёзная.

- Всего у меня десять «соток». Лучший результат на ста километрах – 8 часов 41 минута. Сейчас Олег Михайлович не бегает на столь длинные дистанции, но каждый день по 8–10 километров пробегает.

- Сегодня уже бегал, – смеётся.

У Олега Михайловича два сына – Михаил, который живет в Тольятти, и Алексей – майор полиции в отставке: служил в вологодском СОБРе, за участие в чеченской кампании награжден орденом Мужества... Что ж – достойный внук у деда-Героя...

«На жизнь не жалуясь...»

Зинаида Николаевна Михайлова – сегодня старейший житель деревни Ярыгино. Правда, встретились мы с ней в городской квартире её дочери, Валентины Леонидовны, но уже на майские праздники старожилка собирается в родной деревенский дом.

Зинаида Николаевна родилась в многодетной крестьянской семье. До колхоза была у них своя мельница, которую, конечно же, пришлось передать в коллективное пользование. Правда, отец, так мельником и остался.

Колхоз назывался «Активист», а позже, после слияния нескольких мелких хозяйств – имени Сталина. Теперь всё это земли «Красной звезды».

Мельница была на речке Пудежке, у деревни.

Ярыгино расположено на слиянии двух речек – Пудежки и Чернавки. Пудежка ныне более ручей напоминает, а когда-то называлась Пудега, о чём говорит такое же название деревни вверх по течению речки.

Чернавка, по словам Зинаиды Николаевны, получила своё название от мутной черноватой воды. Теперь не сразу и найдёшь ложбинку, которой протекала речка – исток её был в болотах, осушённых мелиораторами. А когда-то, со смехом вспоминает Зинаида Николаевна (её дочь Валентина и сегодня ещё, кажется, не знает – верить или нет в это), в тихих омутах речки Чернавки жили русалки. Видели их люди – длинноволосых, с рыбьими хвостами...

Победил технический прогресс в виде мелиорации сказку, не стало русалочьих речек, извелись русалки... А ведь они одного корня с «Русью»...

Помнит Зинаида Николаевна, как ходила маленькой девочкой в Спасо-Прилуцкий монастырь и в церковь Николая Чудотворца на Валухе, также расположенную в Прилуках чуть не доходя до монастыря. Помнит колокольный звон, помнит и то, как сбросили колокола...

Зинаида Николаевна окончила пять классов Прилуцкой школы:

– Потом заболела, пропустила много, а родители и не настаивали, чтобы училась, на всё ведь деньги нужны, а откуда... Так с пятью классами и осталась, – рассказывает она.

Хорошо помнит, как в первый же день войны в Ярыгино привезли повестки... Потом стали приходиться похорожки. Всего из деревни ушел на фронт двадцать один мужчина, вернулись пятеро...

– Погибли самые молодые. Те, что постарше, вернулись, они по возрасту не на передовой служили.

Отца Зинаиды Николаевны на войну уже не призывали, он умер в конце войны, а вот старший брат воевал, вернулся живым.

А Зинаида Николаевна, как многие и многие женщины и девушки той поры, полной ложкой хлебнула тягот тыловой жизни.

Жизнь в то время, прежде всего – работа. Приходилось и пахать, и боронить, и работать на огороде...

– Пахали и боронили на коровах. Лошадей оставалось в колхозе всего две – не годных уже для фронта. На одной возил воду для огорода Костя Зимин, ему лет десять было, после меня теперь старейший житель Ярыгина... Я пахала немного, больше боронила... На сенокосе меня поварихой поставили. Председатель колхоза у нас была женщина, эвакуированная ленинградка – очень толковая, заботилась о нас... Был ещё и свой огород, и корова. Везде успевали. Да грех жаловаться – неплохо мы жили в войну, – рассказывает Зинаида Николаевна.

И даже о том, как в тюрьму попала, теперь уже с улыбкой вспоминает, а тогда-то не до улыбок было...

– Я ведь и в тюрьме побывала. Четыре месяца. Хорошо, что был знакомый «в органах» – в Вологде оставили, в тюрьме на Чернышевского, а могли бы и по этапу отправить...

А случилось вот что: девушку из Ярыгино направили работать на деревообрабатывающее производство в Сокол.

– Сказали: на три месяца, я три месяца отработала да и вернулась домой.

Так домой торопилась, что и разрешения не спросила, и никакой справки не взяла. И вскоре была арестована. Время было суровое, военное...

– Председатель за меня заступалась, говорила, что это она виновата – ничего не послушали...

А ещё довелось Зинаиде Николаевне и другим девушкам зимой чистить снег на дороге к построенному за Бориловым аэродрому, летом у деревни Чашниково доставать из воды и выкатывать на берег сплавлявшийся с верховьев Вологды лес – тяжеленные скользкие стволы. А ещё, работая на лесозаготовках в районе Устья-Вологодского, она заболела тифом...

И всё-таки молодость своё брала. Вскоре после войны познакомилась Зинаида со своим будущим мужем Леонидом, в то время солдатом-срочником одной из ближних воинских частей. Родных он во время войны всех потерял, поэтому и остался в Ярыгине...

Так всю жизнь там и прожили. Зинаида Николаевна работала в аэропорту, Леонид Иванович – на железной дороге. Вырастили и воспитали четверых детей. Несколько лет назад Леонида Ивановича не стало...

- Дети у нас хорошие. Их фотографии на Доске почёта висели. И добрые...
У Зинаиды Николаевны семь внуков, пять правнуков.
Скоро вся семья вновь соберётся в родовом доме в Ярыгине.
- На жизнь не жалею, я бы и ещё пожила! – говорит Зинаида Николаевна, познавшая за свою долгую жизнь и войну, и тюрьму, и тяжёлый труд, и горе, и радость.

А деревья растут...

(деревня Чашниково)

Деревня Чашниково расположена на берегу реки Вологды, между Прилуками и Кувшиновым. Здесь, в своём доме с обширным приусадебным участком, живут Александр Владимирович и Ангелина Николаевна Ухановы.

Хозяева встретили меня приветливо (так, наверное, и всех встречают). В доме чисто, уютно, тепло. В комнате на окне уже подрастает рассада перцев и томатов, за окном остовы теплиц, а ещё дальше, за огородом, высокие хвойные деревья рядами выстроились (о них речь позже)... Во всём чувствуется спокойная основательность, желание по-хорошему обустроить мир вокруг себя... Чувствуется всё это – мир, покой, доброжелательность – и в самих хозяевах дома, в их голосах, глазах, в том, как смотрят они друг на друга и на гостя.

– Мы родились в Чёбсарском районе, а теперь те деревни – это Вологодский район, – рассказывает Александр Владимирович. – Моя деревня Селище (это в Уткинской стороне), а она из деревни Обухово, где был совхоз «Стризневский»...

– Широгорский приход, – добавляет Ангелина Николаевна. – В пятьдесят третьем году поженились. Раньше в деревне как? На лошади в сельсовет съездили, расписались... Седьмого января шестьдесят лет было, как вместе живём.

Оба они – дети военного лихолетья. Отец Александра Владимировича прошёл три войны – Первую мировую, Гражданскую, Великую Отечественную, на которую, в силу возраста и плохого здоровья, был призван уже в нестроевую часть и демобилизован в конце 1944 года. Отец Ангелины Николаевны оттрубил Великую Отечественную с первого до последнего дня, к счастью, тоже вернулся живым...

– Отец в колхозе был конюхом, – вспоминает Александр Владимирович. – Когда его призывали в армию, конюхом стал я, было мне тринадцать лет. Восемнадцать лошадей, для которых каждый день нужно было привезти корм... Но конюхом я недолго был. Летом 1942 года приходит бригадир: «Шурка, нет у нас машиниста, косилка стоит». Я говорю: «Дядя Вася, не знаю, чего у меня получится-то». – «Получится», – говорит. А косилку ещё собрать надо было. Кузнец на войну ушёл. Павел Михайлович Корягин, который косил уже много лет, да из другого колхоза кузнец косилку мне собрали, показали, как включать – выключать, где чего мазать в первую очередь. Пару лошадок мне дали, запряг и поехал. За тот сезон окосил двадцать девять гектаров. Это мало, – усмехается Александр Владимирович, – маловато... Но бригадир дядя Вася говорит: «Молодец. Будем жнейку осваивать». Жнейка – тоже пара лошадей, немножко пошире захват у неё, чем у косилки, сверху колпак, под

Александр Владимирович
и Ангелина Николаевна
Ухановы

ним вал и шестерни, грабли ходят, жито захватывают, на педаль нажал – сзади снопик. Начал я жать. Вижу, чего-то тяжело идёт, лошади устали... Я к бригадиру: «Дядя Вася, чего-то у меня неладно...» Вызвали кузнеца из соседнего колхоза. Тот прискакал на лошади, посмотрел, поменял втулку. И

дело пошло, да и неплохо, а, пожалуй, хорошо. Управился. Председатель Александр Александрович Протасов, говорит: «Съезди-ка в Коренево, помоги...» У нас колхоз был «Огиболовский», а тот «Кореневский» – по названиям деревень. Я туда приехал, а уже осень, начало октября, к бабке поселили, она варила, я работал. Дней пять, наверное, жал там овёс...

Напомню: всё это говорится о мальчишке, ребёнке тринадцати лет. Сам этот «мальчик» и рассказывает, давно выросший, уже до девяноста почти доживший, много повидавший и поработавший на своём веку.

– Школы я четыре класса только закончил. В пятый-то пошёл в Янгосарь. Много нас, ребят, пошло учиться, а как война-то началась – надо работать, не до учебы уже. Ангелина Николаевна, получается, более ученая – семь классов закончила...

В 1946 году восемнадцатилетнего Александра Уханова назначили бригадиром, и четыре года он работал в этой должности. Потом ещё три года кузнецом.

– Кузнец у нас раненый был, тяжело ему стало, позвал, мол, пойдём, научу тебя работать. Всё вручную, конечно: один меха качает, чтобы древесный уголь нагреть, другой молотом машет...

А в 1955 году молодая семья Ухановых переехала в «Красную звезду»...

– Тут уже работал мой знакомый, он и посоветовал. Приехали мы, сняли в Пудеге комнату. У нас уже была дочь, в пятьдесят четвертом родилась, а в пятьдесят шестом сын родился. Комнатка была – столик да две табуретки. Потом нам дали в бывшем барском доме квартиру. Совхоз был маленький, центр его был здесь, в Чашникове. В совхозе были коровы, свиньи, лошади, парниковое хозяйство. Теплички вон там на берегу стояли, – вспоминает Александр Владимирович.

Так стал он сначала кузнецом, а затем и бригадиром в совхозе «Красная звезда», почти сорок лет трудовой жизни отдал этому хозяйству. Ангелина Николаевна до пенсии работала в областной психиатрической больнице в Кувшинове.

В 1961 бригаду Уханова укрупнили – вплоть до Краскова раскинулись её угодья: полторы тысячи гектаров. Выращивали картофель, капусту, морковь, зерновые, корма заготавливали. Работали много, безотказно, в любое время, когда это было необходимо...

Ударный труд отмечался и наградами. Всевозможных наград у Александра Владимировича очень много – все и не перечислишь: грамоты, дипломы, благодарности, медали... Самую первую медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» получил в 1948 году, а потом были и несколько медалей ВДНХ СССР, и два ордена Октябрьской Революции, и главная награда – Золотая Звезда Героя Социалистического Труда и орден Ленина.

– «Героя» мне присвоили в семьдесят третьем за высокие урожаи картофеля и зерновых, – вспоминает Уханов. – Орден Ленина и Звезду Героя вручал Анатолий Семенович Дрыгин на областном партийном собрании.

Александр Владимирович с особым уважением вспоминает об А. С. Дрыгине, первом секретаре обкома КПСС:

– Он в Чашниково не раз приезжал, парники смотрел, он ведь по специальности-то агроном. Как-то раз я ему и говорю: «Анатолий Семёнович, уже нигде так не работают, как мы – «по-пластунски». Он отвечает: «Сейчас проект готовим, деньги отпущены – будем строить новый тепличный комбинат, тогда уж вам не придётся теплицами заниматься». Ещё был случай: мы убирали в поле картошку и складывали в бурты (складских помещений не хватало). Бурт – это небольшой котлован сантиметров тридцать глубиной, в середине канал для воздуха, на канал – доски или хворост, и закладывается картофель, закрывается соломой и землей, наверх для вытяжки выводятся трубы. Уже буртов двадцать сделали... Гляжу, идёт прямо по полю Дрыгин, в резиновых сапогах. «Что делаете?» – спрашивает. – «Буртуем». Оказывается, он доехал на машине до Чашникова, а дальше, так как дороги не было, решил пройти до Дубровского пешком. Я сказал, что лучше идти на Семёново. Пока-

зал дорогу... А весной Дрыгин присутствовал на районном собрании, в перерыве подходит ко мне: «Ну, как, Герой, живете?» – «Помаленьку». «А как картошка хранится?» Я говорю: «Картошки один бурт запрет, пришлось разобрать, свезли на свинофабрику». – «Картошку, – говорит, – храни, с семенами нынче будет туго». Всё помнил!

На пенсию Александр Владимирович ушел в 1993 году. Но продолжает переживать и за свой родной совхоз «Красная звезда», и за сельское хозяйство в районе, в области да и за всю страну...

– Переживаю сильно – они ж, ёлки зеленые, такое государство развалили!.. Сейчас такая техника появилась, а не поздно ли, кому работать-то? Такие хозяйства развалились: «Северная ферма», «Стрижевский», «Прожектор»... Это ж беда! А Янгосарь! Места-то там везде какие! И люди везде жили. А теперь кто там жить будет, если работы нет? Вот и переживаю. Конечно, есть и хорошие хозяйства, дай Бог, чтобы не всё плохо-то было... Вот восстановили звание Героя Труда. Обязательно бы надо кого-то из нашего района выдвинуть, ведь хорошие труженики есть всегда. Это бы и других поддержало, – рассуждает Александр Владимирович. – В школах надо бы проориентацию ввести. Раньше сельский школьник умел и машину, и трактор водить, а теперь в Кубенском училище группу механизаторов набрать не могут. Куда это годится?..

Многое видит и понимает ветеран, о многом душа болит. Но унывать Уханову некогда, у него и сегодня своё хозяйство, да и немалое; дом нужно содержать в порядке.

– В этот дом мы перешли в шестьдесят седьмом году. Сами его строили. Тогда многие на селе строились, ведь государство давало беспроцентную ссуду на строительство. С материалами, правда, было туговато, всё приходилось доставать, а с деньгами проблем не было. Вот как государство заботилось о селянах!

В доме есть водопровод, а вот газ приходится заказывать в баллонах. Отопление от своего котла. Топят углём.

Вот и задумаешься невольно – гонят газ с севера России через Вологодскую область. Куда? Почему наша область до сих пор газифицирована лишь на 60%, а наши старики, даже такие «геройские», как Ухановы, должны думать о дровах или угле?

Держали Ухановы и скот, как и большинство деревенских людей.

– Моложе-то были, так держали и двух коров – он доит одну, я вторую, – говорит и смеётся Ангелина Николаевна. – И бычков на мясо держали, и овец.

– Овец выгодно было держать, – говорит Александр Владимирович, – сдавали и шерсть, и мясо. А в девяностые годы ничего не надо стало государству... Теперь и корову-то в деревне не увидишь. Куры да пчёлы остались...

Оказалось, что пчеловод Александр Владимирович с многолетним стажем.

– С отцом ещё в детстве начинал. Я дымлю, а отец в улье работает. Это ещё лет пять мне было. А пришли к нам пчёлы от материного отца. Дедушка тоже мне про пчёл объяснял. Я помню, ещё колоды были: осина, наверное, метровая в диаметре, с одной стороны стесано и выдолблено... Потом уже домики появились. Когда мы сюда переехали, я и сюда две семьи перевёз. Порода изначально русская, но уже смешалась с карпаткой. И пчёлы у нас получились очень умные, спокойные, ходить-то рядом с ними – удовольствие... Но сейчас, конечно, трава не та. Раньше-то на лугах, когда цветёт – ароматом захлебываешься, а сейчас этого не услышишь – не прокашивают, бурьян забивает...

Когда-то бывало в хозяйстве Ухановых и до двадцати пяти ульев, сейчас – девять.

– Тяжело уже, – говорит Александр Владимирович.

Конечно, тяжело, ведь девятый десяток... Но выглядит Александр Владимирович Уханов очень хорошо для своего возраста. Да и Ангелина Николаевна тоже.

– А я солнцу и ветру брат! – смеётся Александр Владимирович.

Да уж... И солнцу брат, и ветру, и кузнечному молоту, и тысячам гектаров обработанной земли, и пчёлам, и деревьям, посаженным своими руками...

Мы вышли во двор:

– Тут у нас яблони, тут вишни, – показывают хозяева. Но прежде всего обращают на себя внимание посаженные рядом с домом кедр и пихта... А ещё – можжевельник, жасмин, туя...

– А вон там у нас парк, – показывает рукой на дальние деревья хозяин. – Около сотни растений. Когда внук родился, начал сажать. В то время это не принято было. Обратился в сельсовет – там подумали и разрешили. Землю трактором разровняли и стали сажать. Соседи помогали. Сперва сосенок посадили два ряда, потом прикупили лип, пять кедров, лиственницу...

Сейчас деревья уже большие, стройные – им тридцать с лишним лет. Хорошая память и внукам, и правнукам (у Александра Владимировича и Ангелины Николаевны два внука и внучка, два правнука).

– А там-то не банька у вас? – спрашиваю я.

– Банька! Это мы любим... Я и в молодости парился хорошо!..

Солнце светит ярко, но воздух морозный, морозный и чистый, как спирт... Земля на грядках ещё промёрзшая, но вот уже скоро, скоро она оттаёт, и Ухановы примутся за свою любимую работу на земле...

Святыни бывшими не бывают.. (Заоникиевская Владимирская пустынь)

Возвращаемся из Чашникова на Кубенскую дорогу и едем через поселок Семёнково, который по указателю – в километре от Ярыгина, а на самом деле почти сразу же тут и начинается своими домиками, домами, заборами. Это «столица» Семёнковского сельского поселения. Впрочем, многие говорят по-старому – «сельсовет»; мне тоже «сельский совет» нравится гораздо больше, чем «поселение»...

В «столице», как и положено – власть в лице администрации, школа, Дом культуры, почта, магазины, контора агрофирмы «Красная звезда». Дома в основном городского типа, но есть и коттеджи, и старые деревянные избы...

До 2001 года Семёнково имело статус деревни. По переписи 2002 года население – 1233 человека.

За Семёнковым пересекаем широкую окружную дорогу и сразу же оказываемся в деревеньке Борилово. Встречает эта деревенька железными заборами, каким-то складами, дачными домами. Но видно, что деревня старая, стоит она на пригорке, на берегу всё той же Пудежки... Особенно нравятся мне два крайних по правой стороне дороги дома – старые,

но крепкие, в красивой резьбе. Так и представляешь, как на пути в Прилуцкий монастырь или в Вологду издалека был виден путникам дом, что стоит повыше. Может быть, здесь останавливались, чтобы испить колодезной воды, перекинуться словом со стариком, сидевшим у крыльца в тени дерева... Берёзе с широкой кроной, облепленной по весне грачиными гнёздами, думается, не менее ста лет...

..... Дом в деревне Борилово

Минуем лётное поле аэроклуба и бывший танкодром напротив него... И снова поля, и здесь в полях без всякого указателя – отворотка направо (асфальтированная дорога). Это дорога, ведущая к святыне.

Проезжаем деревеньку Вертлово, и за ней опять поля, обсаженные тополями, а впереди – башенки, остатки стен, руины собора... Это Заоникиевская Владимирская пустынь, расположенная в болотистой низине между деревнями Лучниково и Обухово. И хотя монашеская жизнь здесь давно нарушена, храмы разрушены – это святое место. Святыни бывшими не бывают, как не бывает поругаем Бог...

«Заоникиевская Владимирская пустынь, общежительная, в 15 верстах от города Вологды. Основана пр. Иосифом в 1588 году. Мощи его покоятся под спудом в Троицком храме, в приделе его имени; над гробницей преподобного – высеребрянная рака чеканной работы и образ его во весь рост; здесь же гробницы двух сподвижников его – Антония и Иоанникия. В монастыре находится явленная пр. Иосифу Владимирская икона Божией Матери, известная под именем Заоникиевской. Ежегодно 23 июня в монастырь совершается крестный ход из церкви святого Василия Великого, находящейся в 7 верстах от монастыря; 21 сентября бывает крестный ход из монастыря в часовню, находящуюся в деревне Обухове, где родился пр. Иосиф. При монастыре школа (с 1889 года) и богадельня». (Из книги С. В. Булгакова «Русские монастыри в 1913 году»).

«В монастыре имеется два красивых каменных храма. Главный храм во имя Св. Троицы с приделами во имя св. Алексея, человека Божия, и препод. Иосифа, основателя монастыря. Второй храм, так называемый скитский, освящен во имя Александра Невского.

В главном храме обращают на себя внимание два напрестольных креста с частицами св. мощей, а также небольшой овальный камень, на котором утверждён перламутровый крест: этот камень есть часть от того камня, на котором преп. Серафим Саровский молился 1000 ночей... Для паломников имеется большой каменный двухэтажный корпус; для странников – странноприимный дом с пищей и кипятком. Из Вологды в пустынь ведёт хорошая шоссе́нная дорога». (Из книги «Православные русские обители», 1910).

«В течение XVIII в. обитель не отличалась особенным благосостоянием, а в 1764 г. была оставлена за штатом. Со второй половины XIX столетия монастырь стал быстро возрастать и развиваться. Он украсился новыми каменными строениями и окружил себя даже красивой каменной оградой с башнями...

Чудеса от Заоникиевской иконы Пресвятой Богородицы и от мощей преподобного Иосифа не прекращались до последнего времени.

Последние и самые значительные изменения в Заоникиевской пустыни относятся ко времени служения о. архимандрита Серафима (примерно 1900 г.). Его заботами на терри-

*В Заоникиевской
пустыни*

тории храма были построены три двухэтажных здания напротив каждой из стен. Там находились братский корпус, гостиница, братско-настоятельская церковь, действовала основанная о. Серафимом церковно-приходская школа для детей местных крестьян. Но самой великолепной частью монастырского комплекса являлся Владимирский храм, богатый по замыслу и исполнению. На территории пустыни был оборудован пруд с мостиком и беседкой над водой».

Я привёл эти цитаты, чтобы стало понятно, что мы потеряли.

Вот сообщения более позднего времени: «...В 1930-х годах в монастырских стенах располагалось спецпоселение, где жили крестьяне, сосланные с западнорусских земель, которых местное население называло «крестоватики». С питанием было очень плохо, «крестоватики» пухли от голода и тихо умирали, находя покой в общей могиле в «веретье», неподалеку от пустыни. На свою родину ни один из них не вернулся. Местные жители, которые пытались им помочь, подвергались репрессиям. Позже в обители разместился дом-интернат для умственно-отсталых детей, находящийся там и по сей день...»

А вот сведения из исследовательской работы учеников Дубровской школы (Виктория Барышева, Анастасия Петрова, Кристина Мешкова; руководитель – учитель биологии И. Н. Новожилова): «С началом Великой Отечественной войны на территории монастыря расположилась воинская часть, 740-й лётный отряд. Рядом было построено лётное поле. Сооружена железнодорожная ветка от железной дороги на Архангельск. Здесь ремонтировали, собирали и обкатывали самолёты для отправки на фронт. В 1944 году во время испытания разбился самолет, погибли пять лётчиков: лётчик-испытатель Василий Хомусько, лётчики Хоренко, Цветаев, Литвененко, Ляночевский. Их могила находится около дороги Дубровское – Фетинино.

В 1964 году было решено организовать на территории монастыря вспомогательную школу для детей-сирот и умственно отсталых ребят. Первым её директором стал Алфей Дмитриевич Смирнов. Сын позолотчика куполов внёс большой вклад в восстановление и благоустройство территории. Его заботами ремонтировались заброшенные, полуразрушенные здания, были пристроены переход и столовая, был проведён водопровод. Им был заложен великолепный сад и огород, подсобное хозяйство.

После безвременной смерти Алфея Дмитриевича в школе-интернате один за другим сменялись директора. Постепенно был разрушен Владимирский храм, там находится кочегарка и гараж, завален шлаком и углём алтарь, безвозвратно утрачена роспись купола.

Неизвестно точное местонахождение мощей преподобных Иосифа, Антония и Иоаннкия... Рушатся стены монастыря, почти упали боковые башни, неумолимо разрушается

храм. Лишь редкие службы, которые проводят монахи Спасо-Прилуцкого Дмитриева монастыря, напоминают о великой истории».

Ну, а я ещё добавлю, что с внучкой Алфея Дмитриевича Смирнова, талантливой молодой журналисткой Александрой Смирновой, я два года работал в газете «Маяк». Саша рассказывала о деде...

Мы возвращаемся на старую Кубенскую дорогу. Проезжаем крупный посёлок Дубровское – тут и школа, и свой Дом культуры, и дома каменные...

Если из Дубровского свернуть с Кубенской дороги, то километрах в пяти будет деревня Красково. Сейчас она практически «дачная», а когда-то здесь находилась усадьба родителей жены замечательного русского писателя Всеволода Гаршина. Классик русской литературы, уже больной, жил здесь.

В советское время в усадьбе был организован детский дом. Именно в него в 1942 году, после смерти матери, из Вологды привезли двух братьев Рубцовых – Николая и Бориса (Аркадия взяла тётка). Затем Николая отправили в детский дом в село Никольское Тотемского района, а Бориса (по неподтверждённым документами воспоминаниям) – в детский дом в село Погорелово Вологодского района.

...Как всё на самом деле близко – Рубцов, Гаршин...

За Дубровским кончаются угодья «Красной звезды». Тут уже фетининские поля...

Когда-то «Фетинино» было самостоятельным совхозом, ныне это отделение СХПК «Комбинат «Тепличный», контора которого располагается в посёлке Фетинино, поглотившем в свое время две деревени – Фетинино и Клочково.

Минуем Фетинино. Кончается асфальт и продолжается выщербленная бетонка...

И уже видны купола с крестами и ажурная стройная, но ещё без креста колокольня храма Василия Великого на реке Едке.

Земное и небесное

(храм Василия Великого на реке Едке, д. Кулемесово)

*«...Здесь все века и каждого из нас
Хранит, как память, русская дорога.
А это поле и река у стога –
Немеркнувший, живой иконостас».*

Евгений Юшин

Когда выезжаешь за город, горизонт раздвигается...

Пологие холмы, поля, перелески, крыши деревенек, речушки и снова поля... И всё это плавно и необратимо уходит в небо. Наш русский, вологодский пейзаж...

Итак, мы минуем фетининские поля. Когда-то это были болота, кормившие ягодами не только окрестные деревни, но и добрую половину Вологды. Их осушили в годы «сплошной мелиорации» (невольно вспоминается и «сплошная коллективизация»). И теперь именно оттуда чаще всего, из-за Фетинина, тянет летом на город едкий дым торфяных пожаров.

Что нужнее – поля или болота? Сегодня однозначно не ответишь, время покажет...

А время на этой дороге становится совсем условным понятием, потому что очень близко тут всё – звёздочки (уже ржавые) на избах и могилах, кресты на могилах и храмах. Герои войны и «герои духа» – монахи, трудники, священники храмов и мо-

----- Храм Василия Великого

настырей, будто благословляющие в веках этот путь; герои мирного труда и безымянные наши предки-крестьяне – великие труженики, возделывавшие земли вдоль этой дороги, и на века вглубь намозолившие, утоптавшие и укатавшие эту дорогу лаптями да тележными колёсами...

Всё здесь рядом, всё накрепко стянуто дорожной нитью.

Впереди виден храм Василия Великого на реке Едке...

Я вспоминаю, как несколько лет назад впервые побывал тут. Совхоз «Фетинино» тогда объединился с комбинатом «Тепличный», и вот председатель «Тепличного» В. Л. Зинин пригласил главу района А. В. Гордеева и меня посмотреть этот храм.

По дороге В. Л. Зинин рассказывал то, что успел узнать сам:

– Некоторое время назад сложилась инициативная группа по восстановлению храма. В состав этой группы входят разные люди, в том числе один из бывших жителей этих мест, отец Василий. У него уже есть опыт восстановления храмов, он и подключил к работе архитекторов и бригаду строителей. Было получено благословение архиепископа Максимилиана. Игумен Дионисий, наместник Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря, отслужил молебен. Нашлись и благотворители. В их числе и «Тепличный» – помогаем техникой, помогаем питанием для строителей... Сейчас идёт восстановление алтарной части, причём свод восстанавливают по старинной технологии...

В старой книге писалось: «...первоначально стояла здесь церковь деревянная. По преданию, в этом храме в 1588 году страдавшему от тяжелого недуга крестьянину Илариону было явление св. Космы Бессребренника, после чего Иларион излечился, и на месте, указанном святым, основал Владимирскую Заоникиеву пустынь. С тех давних времен ежегодно в память о чудесном явлении совершался крестный ход от храма Василия Великого к Заоникиевой пустыни...»

На месте старой деревянной и возникла каменная церковь, которую видим сегодня. Согласно описанию, составленному в 1851 г., она «...построена во время Елизаветы Петровны и епископа Вологодского и Белозерского Пимена, а освящена в 1747 г. (возможно, это дата освящения верхней Троицкой церкви). Каменная, двухэтажная, пятиглавая. Престолы в честь: свт. Василия Великого, архиепископа Кесарийского, – главный, Святой Троицы, Свт. Николая Мирликийского (освящен 26 ноября 1867 г.). 16 мая 1876 г. освящен возобновленный храм во имя Св. Духа».

Дорога, ведущая к храму и дальше – в деревню со звучным названием Кулемесово, была в тот день проезжей, но легко можно было представить, какой она становится в дожди...

Огромный храм впечатлял. Он даже со сбитыми крестами и главками, с пробоинами в крыше и стенах был прекрасен... «И храм старины, удивительный, белоколонный...»; «... Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..» Обе строчки из знаменитого стихотворения Николая Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» будто об этом храме и написаны. Храм, вернее колокольня, действительно украшена колоннами, придающими всему зданию ещё большую устремленность ввысь, в небо... И, конечно, от жалости за такую красоту сердце сжималось. А ещё горше было оттого, что очень серьёзные разрушения этой красоте нанесены уже в недавние, последние годы... Но красота, как и Бог, поругаема не бывает! К тому же храм – это не только (и не столько) объект любования, это, прежде всего, дом молитвы, Дом Бога.

Маленькая церковка или большой собор, золочёный купол или краской крашенная маковка, увенчанные крестом, – это давно уже (больше тысячи лет!) неотъемлемая часть русского пейзажа. Они будто стали частью самой природы. Они, даже помимо нашей воли, даже, казалось бы, заброшенные, пустые, полуразваленные влияют на душу. Попробуйте-ка (фантастическое допущение) изымите все храмы, что стоят на каждом повороте реки Вологды, – и вы не узнаете город; уберите сельский храм с его места на взгорке или, иногда бывает и так, из той низинки, в которой он неожиданно открывается глазу, – и вы не узнаете этих мест.

И всё же «изымали». Известный литератор, знакомец Пушкина, московский профессор Степан Шевырёв насчитал в середине позапрошлого века вдоль старой Кирилловской дороги (тогда она не была «старой») по пути от Спасо-Прилуцкого монастыря до Кубенского озера семнадцать храмов (один храм на каждые полторы версты получается!) Где они, много ли осталось? Теперь уж можно только представить, какая красота была.

Мы вошли в храм... Картина, представшая нам, к сожалению, обычная, одним словом – разруха. И судьба храма в советские годы тоже обычная – содержали там и заключенных, использовали под склад...

Подобный – красивейшей архитектуры и разрушающийся без пригляда – храм есть в Янгосари. Может, найдутся и там люди, которые возьмутся за его восстановление? (Умиряющее село Янгосарь – не расплата ли за разоренную святыню? Да и все-то недавние и нынешние потрясения, выпавшие на долю России, – не расплата ли?)

А здесь, в храме Василия Великого, кое-где ещё просматривались на стенах фрески – взывающие лики. Поднимешь глаза вверх, а там, образом Неба, весь наполненный живым светом подкупольный свод... Но и пробоины в этом своде, пробоины в стенах... В душах наших пробоины...

Спустились с холма, на котором стоит храм, в деревню Кулемесово. Дачных новоделов не увидели – настоящие, в основном ещё и довольно крепкие северные избы. В Кулемесове и сегодня тридцать домов, а когда-то это, наверное, большое село было.

Название, думается, старинное, языческое. Ведь «кулемесить» – это дурачиться, беситься... И «не дурачились ли и бесились», с точки зрения первых в этих местах христиан, люди, справлявшие свои праздники на горе, у почитаемого источника, на берегу реки? Ведь когда-то наши предки не были и христианами.

Язычество – это наша история, от которой не уйдёшь, и не нужно уходить. Ныне нам, русским и православным, только и можно относиться к язычеству, как Гоголь писал в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Что может быть, например, уже сильнее того упрека, который раздаётся в душе, когда разглядишь, как древний человек, своими небольшими орудиями, со всем несовершенством своей религии, позволявшей даже обманывать, мстить и прибегать к коварству для истребления врага, с своей непокорной, жестокой, несклонной к повиновению природой, с своими ничтожными законами, одним только простым исполнением обычаев старины и обрядов... дошел до того, что приобрел какую-то стройность и красоту поступков... и кажется, как бы действительно слышно в нем богоподобное происхождение человека? А мы, со всеми нашими огромными средствами и орудиями к совершенствованию, с опытом всех веков, с гибкой, переимчивой нашей природой, с религией, которая именно дана нам на то, чтобы сделать из нас святых и небесных людей, умели дойти до какого-то неряшества и неустройства, как внешнего, так и внутреннего, умели сделаться лоскутными, мелкими, опротивели до того друг другу, что не уважает никто никого».

К русскому язычеству мы должны относиться как к детству нашего народа – и светлому, и жестокому, и наивному. Воспринимать детство, как неизбежность. Но, оставаясь детьми в душе, умом и духом подниматься над язычеством. И, как укор за своё несоответствие званию православного христианина, – вспоминать «языческое детство»...

...Но вернёмся в деревню Кулемесово.

А. В. Гордеев поговорил тогда с местными жителями (постоянных жителей в деревне шесть человек, но летом, конечно, больше). Главный вопрос для них – дорога. По-своему прав был один из жителей: «Для кого восстанавливать храм, если дороги нет?» Хотя стоит сказать, что храм – самоценен, над алтарем всякого, даже до основания разрушенного храма вечно стоит Ангел... Храм осеняет, крестит округу... Хотя кто же спорит – нужна и дорога. Кстати, глава района А. В. Гордеев взял на заметку этот вопрос. Да и В. Л. Зинин обещал содействие.

...Так было несколько лет назад. С тех пор многое изменилось: дорогу-отворотку к храму и деревне Кулемесово сделали, восстановили купол храма, установили кресты...

– Всё это только молитвами нашего батюшки, отца Василия. У него корни отсюда. Он родом из Фетинина, протоиерей, служит в Свято-Успенской Вышенской пустыни в Рязанской области. Он настоящий подвижник, постоянно к нему идут паломники, у него очень много духовных чад. Не забывает он и свою малую родину, здесь, на кладбище у церкви, похоронена его мать. Благодетель в Москве, который даёт деньги на этот храм, тоже духовное чадо отца Василия. Всё только батюшкиными мольбами, – говорит женщина, назвавшаяся Татьяной. – Мой прапрадед был здесь церковным старостой, – ещё рассказывает она. – Жил в деревне Колпино. Бабушка здесь крестилась, венчалась, мама крестилась... А мы в детстве только безобразничали здесь...

Ну, да детские «безобразия» – не самое страшное из того, что пришлось пережить этой церкви, как и тысячам других в нашей стране в двадцатом веке.

Вот что писал в своей исследовательской работе ученик Кубенской школы Иван Мизяков: «...храм помнит запрещение колокольного звона и снятие колоколов, разборку ограды для покупки трактора для колхоза, появление «чёрных воронок» и исчезновение попа с попадъёй из д. Подсосенное, которых с 1935 г. никто никогда больше не видел. Три сильнейших пожара пережила Васильевская Едковская церковь. Один из них был вызван сильнейшей грозой, а два других произошли по вине человека... В церкви содержали заключенных, пленных во время Великой Отечественной войны, были в ней склад комбикормов, картофелехранилище, и, наконец, здание церкви стало бесконтрольным и лакомым куском для дачников, которые растаскивали кирпич, плиты, не заботясь о последствиях своего вандализма. И это несмотря на то, что на церковном кладбище похоронено не одно поколение замечательных людей-тружеников, участников войны... Увезены плиты с надписями, вырваны плиты из полов, выбиты окна, оторваны дверные полотна, крест валяется на втором этаже церкви...»

Слава Богу – всему этому положен конец. И слава Богу, что наши дети заботятся о храме и пишут вот такие работы... Но и укор нашей совести – ведь те, кто вырывал плиты и кирпичи из полов и стен храма для своих дач, тоже не с Луны свалились...

Рядом с храмом восстановлен источник, такой же есть выше по течению Едки, по отворотке в сторону Куркино. Про эти родники, почитаемые в народе, говорят, что здесь прошла Богородица...

Мы пьём из источника чистойшую, холодную воду, набираем этой живой воды с собой в дорогу...

Со старой Кубенской оглядываюсь на храм, и сами собой шепчутся слова: «О, вид смиренный и родной! Берёзы, избы по буграм, и, отраженный глубиной, как сон столетий, Божий храм...» И уже невольно всё стихотворение, как молитва захватывает душу:

*«...О, Русь – великий звездочёт!
Как звёзд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечёт,
Не тронув этой красоты...
Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлён
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времён...»*

***

Осенью 2016 года ушёл из жизни Владимир Леонидович Зинин. Он часто бывал в храме Василия Великого, чем мог помогал реставраторам. Творческий человек – он пробовал себя в литературе. И один из его последних рассказов посвящён этому храму и этой дороге. Вспомним...

Владимир Зинин
ДОРОГА К ХРАМУ

Серый солидный джип тормознул у обочины, мокрый столб пыли быстро упал на намокший песок, последняя капля дождя тихо сбежала по лобовому стеклу...

На минуту машина встала как вкопанная, спустя мгновение ожила и хозяин её – седовласый важный мужик – шевельнул рукой, открыл окно, и тяжело вглядываясь в тёмную низкую тучу, с силой упёрся в баранку. Тупая боль, давно ставшая привычной, вдруг резанула под сердце.

Глядя вперёд, вдыхая озон середины августа, вяло посасывая спасительную пилюлю, он оживал, прогоняя мгновенье минутного страха. Синяя туча висела над капотом, как будто он въехал в море слёз. Они сползали вниз смиренно и неизбежно, ожидая хоть какого-то солнышка, чтоб вместе с ним взвиться вверх.

Упёртый взгляд мужчины рассмотрел серые разрывы в тучах, редкие проблески в облаках, отметил скромный, тихий, пока не яркий лучик, спускающийся вниз, на жёлтое поле, по последней струйке дождя.

Всё оживало: и только что оставшийся сзади посёлок, голубоватое поле капусты, подстриженные луга, заросшее, так и «недомелиорированное» болото, а за ним ближний край главного местного озера. Луч солнца полз над ними и вонзился в плотные, гадкие, вредные заросли борщевика, пробить дебри которого не было сил даже у него.

Вяло вглядываясь в движение замирающего луча, водитель встрепенулся и резко вышел к обочине. В зарослях на горизонте начало всходить солнце, солнце второе – солнце светлое, яркое, медное – рукотворное – новый главный купол старого разрушенного храма.

Вновь укололо за лопаткой, мелкая дрожь пробежала по шее, освежая воспоминания... Тридцать лет назад молодой инженер-гидротехник с юга приехал сюда поднимать земли Нечерноземья. Их было много: одного возраста, умные и brave, строили дамбу, кроили карты, возводили ферму, сушилку, холодильник, стройцех и РММ... и счастливо жили. Дома были кирпичные, добротные двух-трёхэтажные, детсад, школа, библиотека, клуб – ну всё, как у людей. Вот так строили-строили, да и недостроили...

Судьба раскидала всех. Он пошёл вверх, но тянуло, всегда тянуло увидеть детище рук своих, и потому этот небольшой крюк по старой Кубенской дороге был не случаен.

Он знал горькую судьбу храма – тюрьма, кузня, мастерские, склад и вечное разорение. Лично видел горящий от молнии последний уцелевший свод колокольни, а к утру поникший, накренившийся к земле, но не повергнутый крест.

Пройдя десяток метров вдоль дороги, пытаясь рассмотреть спуск к церковному ключу, он увидел, стоящее под кустом старое, обветшавшее кресло, неведомо откуда взявшееся здесь, а вниз – тропку.

Вот с этого-то места храм был виден во всём его великолепии. Всматриваясь вдаль, рассматривая: пять главок храма, покрытых яркой медью, крашенные золотистой охрой «стаканы», отдающие белизной орнаментов, новые светлые окна за чуть чернеющими ажурными решётками и вновь восставшую святыню храма, сердце храма – алтарь в честь Василия Великого и Николая Чудотворца.

Василий Николаевич, Николай Васильевич – других имён по мужской линии в их крестьянском роду не бывало... Присел в кресло, откинулся на спинку, задумался...

А рано утром Серёга-грейдерист заметил на обочине дороги, идущей к храму, мирно стоящий серый солидный джип.

Светлые аллеи усадьбы Спасское-Куркино

От храма Василия Великого на реке Едке прямая дорога на Куркино, всего несколько километров. Там сохранилась усадьба дворян Резановых-Андреевых. Свернув со старой Кубенской дороги, мы едем в Куркино...

Я хожу по дорожкам парка, по его ещё различным аллеям...

И задолго до меня здесь гуляли, вздыхали, смеялись и плакали, жили... Кроны могучих лип смыкаются надо мной. Лучи солнца, просеиваясь сквозь листву, золотят зелень травы. Крупные голубые колокольчики, посаженные руками ещё крепостного садовника (кажется, тронь их – тоненько зазвенят), теперь растут не на клумбах, а вдоль тропинок, у какого-то нелепого дощатого забора...

Выхожу к пруду, дно которого, говорят, выложено булыжником и засыпано песком. Когда-то в этом пруду плавали лебеди, а сейчас зелёная ряска, похожая на лягушачью икру, затянула его. Этот пруд перетекает в следующий, а тот – в запруду, сделанную на речке Дери-нога.

За речкой на холме, за какими-то сараями и дачными домиками-скворечниками, ещё видны остатки елового леса, называемого «оленик». Владельцы усадьбы запускали туда оленей...

Усадьба Спасское-Куркино

Возвращаюсь к большому барскому дому, к печальному пепелищу на месте одного из двух флигелей. Я думаю о той давней и славной жизни, свидетельства которой вызывают к нашей памяти и совести...

1.

Вологда в ожерелье дворянских усадеб... «Ожерелье» рассыпано, «жемчужины», составлявшие его, в большинстве утеряны. Некоторые усадьбы давно уже слились с городом и почти растворились в нем – Осаново, Ковырино... От других остались внезапные аллеи лип или дубов посреди поля, а то и в лесу, затянутые тиной пруды, кое-где – кирпичная россыпь фундаментов.

На их фоне сохранившиеся до наших дней усадьбы Покровское в Грязовецком районе и Спасское-Куркино в Вологодском (обе в 20–30 км от города) – просто чудо.

С усадьбой Покровское, принадлежавшей дворянам Брянчаниновым, в которой прошло детство будущего святителя Игнатия (Брянчанинова), произошло и чудо возрождения...

Недолго уже и там оставалось до полной потери главного здания, в котором в советские годы был туберкулезный санаторий (благодаря этому и сохранилась усадьба). После советской власти санаторий стал, видно, не нужен, всё уже пустело, рушилось...

Но в 1999, юбилейном для святителя Игнатия году, в Покровском захотел побывать сам Алексей II. Рассказывают, что Патриарху сначала сказали, что, мол, туда не доехать, дороги нет. «Ну, тогда я пешком дойду», – будто бы ответил Патриарх. Разумеется, дорога до Покровского была восстановлена в кратчайшие сроки. Нача-

---

В парке усадьбы

лось и восстановление усадьбы, контролировал его сам губернатор. В 2007 году Патриарх вновь побывал в Покровском. В 2009 году ремонтно-реставрационные работы были полностью завершены. Кроме главного здания, где воссозданы великолепные интерьеры, восстановлена церковь, некоторые хозяйственные постройки, приведён в порядок великолепный парк. Теперь там музей.

В усадьбе Спасское-Куркино, расположенной в посёлке Куркино, такого чудовосстановления пока не случилось...

Слава Богу, главный усадебный дом в Куркино ещё жив (благодаря тому, что до последнего времени в нем находилась «контора» сельхозпредприятия. Жив один из флигелей. Два их было – как два крыла, второй сгорел совсем недавно. Жив и парк, деревья в котором были высажены в форме двуглавого орла. Сохранился и каскад прудов, и здание бывшего «музыкального павильона»...

Сумеем ли сохранить?

2.

19 августа – Преображение Господне, традиционный в Куркино праздник с давних времён. Сейчас местные энтузиасты пытаются возродить его. На праздник приезжают и потомки последних владельцев усадьбы дворян Андреевых из Санкт-Петербурга и Вильнюса. Была на празднике летом 2013 года и Татьяна Александровна Ватсон, представительница рода Брянчаниновых, внучка последнего владельца усадьбы Покровское.

Чудо восстановления Покровского произошло на её глазах да и при её непосредственном участии. Хотя живет Татьяна Александровна в Австралии, уже много лет каждый год приезжает на Вологодчину – землю своих предков.

Её приезд в Спасское-Куркино тоже не случаен. Конечно же, дворяне одной губернии были знакомы между собой, а Брянчаниновы и Резановы-Андреевы ещё и дружили, более того – были крестными на крещении детей в обеих семьях.

Так вот, Татьяна Александровна Ватсон, осмотрев усадьбу Спасское-Куркино, сказала:

– Поздравляю вас с праздником Преображения. Мне повезло, что я в этом году смогла приехать на этот праздник. Какие же вы счастливые, что у вас ещё остался усадебный дом, что у вас парк, и что вы строите церковь... Когда в Покровское приехали архитекторы – я их спросила, сколько усадеб в России осталось, где есть усадебный дом, парк и церковь, и они сказали, что десять. Значит, ваша усадьба, когда вы восстановите церковь, будет одиннадцатая. Во всей России! Конечно, ещё много нужно восстанавливать, но ваша усадьба такая красивая! Я знаю, что со временем она снова будет цветущей.

Внук последнего владельца усадьбы Анатолий Владимирович Андреев инженер (ныне пенсионер) из Санкт-Петербурга более осторожен: «Важно сохранить главное здание. Не будет его – не будет усадьбы, никакие субботники в парке уже не помогут». Чёрная дыра и остовы печек на месте флигеля, замыкавшего композицию усадебного двора – серьёзный повод для беспокойства.

...Тогда, летом, в главном здании усадьбы ещё располагалась контора сельхозпредприятия, здание худо-бедно (действительно – и худо, и бедно), но содержалось. Осенью контора переехала в соседнее здание Дома культуры. Огромный усадебный дом пустует. Что бывает с пустыми домами, мы знаем.

Сейчас дом передан в пользование одному из энтузиастов возрождения усадьбы Николаю Алфеевичу Сайкину. Но много ли может Сайкин, хозяин небольшого валеночного производства и бизнеса? Содержать такое здание – дело дорогое. Пока содержит, просит помощи добрых людей. Добрые люди есть, в большинстве своём небогатые.

Зато церковь уже почти построена. Да, внутри ещё много работы, ещё и алтарь не освящен, но крест-то уже вознесён над округой.

К счастью неравнодушных людей, таких, как братья Сайкины, как учителя местной школы Ирина Николаевна Соколова, Любовь Анатольевна Шавилова (они ведут большую краеведческую работу со школьниками), много. Поэтому и есть надежда, что уникальную усадьбу Спасское-Куркино удастся спасти.

Но без поддержки власти, «государства» надежда на спасение может так и остаться лишь надеждой... Мало ли примеров, когда на месте чего-то бывшего, дорогого, родного ставим «памятный знак», что вот, мол, тут было то-то...

Но ведь есть и пример Покровского. Когда сказали «надо», и из пепла возродилась усадьба. Да, там жил будущий святитель Игнатий. Спасское-Куркино такими знаменитыми именами похвастать не может. Но разве же только ради великих имён нужно хранить свою историю, свою родину? История и её сохранившиеся свидетельства – самоценны.

Но надо сказать, что ведь и Резановы, и Андреевы, строители и владельцы усадьбы – представители славных дворянских родов, немало сделавших для России. Вспомним о них.

3.

В грамоте 1630 года значится: «...за недорослем Степаном Игнатьевым сыном Чалеевым... отца его поместье сельцо, что была деревня Куркино». А в 1666 году уже вдова бывшего «недоросля» Степана Чалеева передала поместье «зятю ее Юрию Матвеевичу сыну Резанову...» Так Резановы стали владельцами и строителями усадьбы Спасское-Куркино.

Известно, что происходит этот древний род из Польши, но уже во времена Ивана Грозного Резановы верой и правдой служат России. Из этого рода вышли стольники, стряпчие, воеводы... Позднее были Резановы офицерами, предводителями уездного и губернского дворянства. Один из Резановых – Алексей Федорович Резанов (1819–1848) оставил по себе уникальный литературный труд «Арабески моей жизни».

Полностью прочитать его можно на сайте Вологодской областной библиотеки, я же приведу лишь небольшой отрывок, как подтверждение незаурядного литературного таланта автора и яркую картинку жизни усадьбы в первой половине XIX века.

«... День же Троицына дня, или лучше сказать последние два дня заговенья перед Петровым постом праздновались в нашем селе под качелями. С самого утра из всех окрестностей села кругом верст на 20 сходились поселяне и поселянки разряженные, что называется в пух. Мы всегда любовались с китайской беседки нашего сада на пестреющие с разных сторон группы крестьян с их семействами. Все тропинки полей кипели народом, стекающимся со всех сторон и походили на ленты всевозможных цветов, колеблемые ветерком, и солнце, озаряя их, отражало в них свои лучи подобно как в радуге. Подобно ручейкам, текущим с снеговых гор от весеннего солнца и образующим под низом водяное поле, толпы народа с шумом валили в наш двор из всех его ворот, и он захлебывался разноцветными волнами гуляющих.

Посреди этой толпы несколько человек гигантского роста в самых странных костюмах, возвышаясь на сажень подобно Тифонам посреди этого людского моря, расхаживали с лицами Галиафа и пугали мальчишек, бегая за ними и сдергивая с них огромными шестами шапки, оставляя по следам своим писк и визг поселянок...

Качели с скрипом поднимали людей, и родная песня русская, вторя свисту и скрипу качелей, раздавалась в воздухе, то исчезая, то снова являя свои звучные перекаты, сопровождаемая игрой на кларнете и хлопками в ладоши, символами, означающими изливание чувств наслаждения и радости русского мужичка, который, подгулявши в меру, в синем кафтане, в красной рубахе с пуховой шляпой набекрень, ходя под качелями, пощелкивает орешки, вытаскивая их из своих полосатых штанов и махая белым своим платком, приплясывал под лад песенников и музыкантов...»

В конце XIX века мужская линия Резановых прерывается. Последним владельцем усадьбы являлся Николай Николаевич Андреев. Между прочим, был он членом Первой Государственной Думы по выборам от Вологодской губернии, избирался губернским предводителем дворянства.

Еще один представитель рода, Александр Олегович Андреев, живущий ныне в Вильнюсе, также приезжал летом 2013 года в Куркино, на краеведческих чтениях, организованных в

местной школе, он демонстрировал родословное древо. «Я всегда думал, что я чисто русский человек. А когда стал разбираться в родословной, оказалось, что среди предков есть итальянцы, немцы, датчане, татары, поляки...», – говорил он. В ветвистом древе рода Андреевых есть имена, известные и дорогие всякому русскому человеку: М. И. Кутузов, И. С. Тургенев (родня, правда, весьма отдаленная)... И множество менее известных или совсем неизвестных людей, служивших отечеству, строивших усадьбы, честно исполнявших свой долг перед родиной, разделивших вместе с Россией все горести и тяготы.

4.

Известный в свое время искусствовед и литератор Иван Евдокимов в 20-годы прошлого века предпринял попытку описания вологодских усадеб, труд остался незавершенным, но статья о Куркине была написана.

Давайте же посмотрим, какой видел усадьбу Евдокимов. «Спасское-Куркино – одна из наиболее примечательных художественно вологодских усадеб, она полна редкого очарования прошлого. Революционные события последних лет порою нещадно коверкали и ломали вековой ансамбль ее убранства, но многое еще осталось целым... Перед нами... типичная помещичья обстановка, типичное архитектурное строительство усадебной России.

Беседки, павильоны, пруды, населённые разнообразными породами рыб, огромный господский дом в колоннаде, ворота с остатками лежащих на них львов, огромные службы, церковь, парковые перспективы, аллеи, кружала – вот современный облик Куркина.

Особенно важно отметить в этом облике, заслуживающем самого пристального внимания, удивительную для России сохранность и цельность первоначального устройства...

Всё так, как, видимо, было когда-то, только кое-что покривилось, перекрашено, да другие поколения идут и едут мимо прекрасных зданий, да другие люди живут в них.

Ценность Куркина, нам кажется, увеличивается ещё оттого, что перед глазами воочию встает мелкопоместная усадьба всех этих Лариных, Ленских, Онегиных, Петушковых, живая отдалённая Россия пушкинского времени... Право же, знаменитая сцена объяснения Онегина с Татьяной должна была происходить в одной из таких аллей, сбегających к прозрачной речке, текущей на границе Куркинского парка...

Первым и, кажется, единственным строителем усадьбы был Фёдор Дмитриевич Резанов, родившийся 22 сентября 1768 года и умерший 8 марта 1838. Так гласит надпись надгробной плиты в Куркинской церкви...

После октябрьского переворота Куркино переходило из одного ведомства в другое, оставаясь на продолжительные сроки без всякой охраны... В последние два года процесс раз-

рушения остановился: Куркино перешло в трест, оставшиеся на месте вещи учтены, есть гарантия, что их сохраняют, хотя, находясь в общем пользовании, они должны будут значительно износиться...

Из огня революции Куркино вышло всё же архитектурно вполне благополучно. В этом наше утешение...

По тракту входите в длинную и широкую берёзовую аллею, напоминающую по форме букву «Г»... Берёзовая аллея подходит к каменным воротам с высоким флагштоком Николаевских времён...

Направо от ворот, рядом, со стороны берёзовой аллеи, небольшой деревянный особнячок, по прямой линии в ста саженях от него другой такой же особнячок, между ними остатки деревянного палисадника с белыми круглыми столбами, в середине расстояния между домами, отступая вглубь на несколько сажен, расположен главный дом...

Особнячки, ставшие от старости какими-то сизо-серыми, положительно интересны, изящны своими крошечными пропорциями. Три окна по фасаду, фронтоны с полукруглым слуховым окном, две пары пилястр – скромная незатейливая архитектура, но особняки выполнены со вкусом, умело.

«Музыкантский павильон» боковым фасадом выходит в парк. Архитектура и природа здесь соединились в очень красивом сочетании. От большого пруда ведёт к нему длинная узкая аллея из сиреней, замыкаемая полуротондой из колонн.

Главный дом полукаменный. Все деревянные части сделаны из лиственницы... Центральная часть фасада – портик о шести деревянных колоннах дорического ордена, опирающихся на отступившую каменную террасу. Немного сплюснутый лёгкий фронтон лёг на колоннаду. В тимпане фронтона красиво вырезанное слуховое окно, с внутренней резной решёткой. Каменный низ рустирован. Каменная четырехугольная лестница ведёт с земли под колоннаду...

На верхней террасе между колоннами красивая чугунная зелёная решетка линейного и растительного орнамента.

Простота переднего фасада при великолепно найденных пропорциях создаёт самое выгодное впечатление о художнике-архитекторе, компоновавшем здание...

Задний фасад разбит на три этажа: третий, верхний этаж получился из чердачных помещений, в которых сделаны маленькие, низенькие комнаты, когда-то населённые дворовыми. Фасад выступает двумя пилонами, между которыми широкая с белой балюстрадой терраса на шести грубых ионических колоннах. Тридцать три окна заднего фасада придают ему какой-то весёлый, жизнерадостный вид, чувствуется за ними свет в комнатах, чувствуется простор, воздух, люди. Низ фасада рустован.

Весь дом кажется огромным, крепким, каким-то литым, простоявшим столетие без всяких изменений...

Всего комнат в доме, не считая коридоров, передних, нежилых помещений – двадцать семь: внизу – семь, во втором этаже – четырнадцать, сверху – шесть.

До 1918 года всё это множество комнат было переполнено обстановкой александровского и екатерининского времени. Единственной внутренней отделкой за столетие была переклейка в трёх комнатах обоев, произведённая Н. Н. Андреевым.

В настоящее время весь дом очень загрязнён, кое-где в хаотическом беспорядке стоит мебель... Весь второй этаж заселён канцелярскими служащими треста. В закопчённом донельзя зале – примитивная сцена Куркинского театрального кружка, в гостиной – канцелярия. Пожалуй, наиболее уцелела гостиная с плафоном и росписью стен...

Роспись прекрасной сохранности, сделана каким-то безымянным художником, обладавшим тонким декоративным чутьем...

С террасы заднего фасада открывается вид на внутренний двор, чрезвычайно интересный и оригинальный. В ста саженях от дома, через зелёный ровный луг протянулось длинное деревянное здание так называемого «государственного коннозаводства». Направо и налево от дома, в середине расстояния до «государственного коннозаводства», по бокам встали два больших дома одинаковой архитектуры, населённые рабочими треста и служащими коннозаводства. В пролёты между этими основными зданиями, ограничивающими внутренний двор, видны другие сооружения усадьбы – амбары, службы.

Такие ансамбли, как внутренний двор Куркина, конечно, создаются только подлинными художниками. Картина декоративной цельности, законченности архитектурного замысла, налицо. Впечатление торжественное, строгое, серьёзное, важное выносит всякий, видавший этот архитектурный пейзаж...

Сильнейшее впечатление производит левый каменный флигель-особняк, даже по окраске белое (пилястры) с жёлтым (стены) александровского времени. Большое, могучее и строгое по линиям здание стоит, сросшееся с землёй как бы корнями пилястров, не тронутое никакими реставрациями и переделками, отвратительные деревянные крыльца просто не замечаешь... В старину дом населялся дворовыми Резановых-Андреевых...

Позади здания коннозаводства, параллельно ему, развернулось громадное деревянное здание скотного двора. Снова дорические портики, фронтоны, слуховые полукруглые окна, следы наличников, стройность отдельных частей и безукоризненные пропорции не вызывают сомнения в давности постройки...

Жилой дом, конюшня, амбар, скотный двор, забор одинаково были ценны в смысле приложенного художественного умения для тогдашних мастеров и требовательных заказчиков.

С каким-то неуловимым чувством вкуса они умели совмещать практические задания в хозяйственных постройках с требованием красоты, умели подчеркнуть какой-нибудь одной деталью специальное назначение здания, выражая архитектурные идеи посредством одних и тех же общих форм в жилых и нежилых постройках.

Куркинский обширный парк полон самых неожиданно красивых уголков. Особенно прекрасное место у прудов: высокая насыпанная площадка, по сторонам которой растут две грандиозные липы, внизу – ясный большой пруд, еще ниже за ним другой, березовые аллеи спускаются с площадки до ручья Дери-нога, через ручей перекинут деревянный мостик (бывшая плотина), за ручьем поднимаются пики сосен и стена елей.

Когда-то Резановы-Андреевы весной посредством плотины поднимали воду в ручье на несколько сажен, наполняли пруды и заливали всю нижнюю часть парка, становившуюся прелестной по живописности. В прудах водилось много рыбы, привозимой в бочках из Кубенского озера за двадцать-тридцать верст...

Старый быт навсегда пережит. В наше время Куркино потеряло прежний его замкнутый характер, в нем теплится другая жизнь, и пусть, но памятники архитектуры должны остаться неприкосновенными, ибо они представляют самодавлеющую художественную ценность, единственным владельцем их является русское искусство!»

5.

Ещё и сегодня в основном сохранился главный дом, внутренняя планировка его осталась прежней: лестницы, анфилады комнат, большой зал. Конечно, утеряна внутренняя отделка тех помещений, но, например, литая решётка на балконе, описанная в очерке, и сегодня на том же месте. До неузнаваемости переделано, но стоит на своём месте здание «музыкантского павильона», цел левый флигель (по мнению Евдокимова, наиболее ценный в художественном отношении), но состояние его удручающее. Парк жив, по возможности за ним ухаживают местные жители. На своём месте и пруды – их только почисти, и хоть карпов да лебедей запускай.

На месте так подробно и даже с некоторым восторгом описанных Евдокимовым конюшни и скотного двора – Дом культуры, глядя на который, невольно думаешь, что об эстетическом воспитании конюхов дворяне думали гораздо больше, чем архитекторы 70-х-80-х годов прошлого века о культурном развитии колхозников.

Но зато, пусть и не в самой усадьбе, сохранилась библиотека Резановых-Андреевых, она стала основой создававшейся в 1918 году первой советской губернской библиотеки, ны-

нешней областной. Наталья Николаевна Фарутина, заведующая отделом редкой книги областной библиотеки, рассказывала:

– В 1918-19 годах в Вологодскую публичную библиотеку поступили девять стародворянских библиотек, среди них и библиотека Резановых-Андреевых. Она была большая – три тысячи томов, много книг на иностранных языках, много переводной литературы, много путеводителей. Каждая книга содержит владельческую запись, на сайте нашей библиотеки размещён электронный каталог этих книг. Все шесть прижизненных изданий Пушкина, хранящиеся сегодня в областной библиотеке – из библиотеки Резановых...

А вдруг да и вернутся хотя бы некоторые книги в свой родной усадебный дом?..

В усадьбе Спасское-Куркино ещё есть, что сохранять, есть, что восстанавливать. Дом, видевший всяких людей, старый парк – будто бы затаились сейчас и ждут.

6.

...Но задержимся ещё в старом усадебном парке. И в советские (для нескольких поколений благословенные) времена в парке звучали музыка, смех, всё ещё жило. Я приведу отрывок из воспоминаний жителя Куркина Николая Михайловича Соколова. Итак, 1960-й год: «Излюбленным местом отдыха жителей и гостей села, конечно же, оставался старинный парк бывшей помещицкой усадьбы Спасское-Куркино. Деревья, хоть и старые, но стояли прочно, не падали даже при сильных порывах ветра, поэтому летом он выглядел особенно густым и тенистым. Здесь можно было найти уединение в любое время года, в жаркие летние дни окунуться в прохладу, во время дождя отыскать укрытие, а при сильном ветре – тихий, спокойный уголок.

В парке, напротив окон старого детского сада, располагавшегося в деревянном флигеле, было оборудовано место для игры в волейбол, а далее, метрах в 100, слева от центральных аллей возведена танцевальная площадка. Во время танцев завклубом выставляла рядом с площадкой стол, на котором размещалась аппаратура. Затем этот стол с проигрывателем и динамиками стали устанавливать на самой танцплощадке. Через несколько лет было построено помещение, куда стационарно перенесли аппаратуру, вмонтировали усилители, два динамика, установили более мощные светильники, увеличив и их количество, сделали более удобным и эстетичным ограждение. У ведущего танцевальных вечеров появилась своя комнатка.

Под липами, рядом с сохранившимся до наших дней кружалом появлялся киоск, где продавались напитки, лимонад, шоколадные конфеты, карамель, ириски, кондитерские изделия и выпечка. В народе киоск прозвали «Голубая ночь», потому что выкрашен он был в

голубой цвет, выделялся среди зелени, был заметен издалека и работал в праздничные и выходные дни по вечерам. Позднее его перекрасили в зелёный цвет, но название прочно закрепилось прежнее.

К 12 часам дня парк постепенно наполнялся гуляющими... Народ толпился у клуба, магазина с вывеской «Сельмаг», занимавшего несколько помещений каменного флигеля на первом этаже, у «Голубой ночи», танцплощадки, прохаживался по центральным аллеям парка...

Зазвучала знакомая мелодия. Это заведующая клубом Надежда Васильевна Бокова пригласила всех на танцплощадку... Только что отцвели лесные ландыши, поэтому не удивительно, что песня про этот душистый цветок в исполнении Гелены Великановой пригласила отдыхающих на танцы...

Вот произошла небольшая задержка с музыкой. Паузой быстро воспользовался гармонист, который со своими друзьями стоял поблизости и явно ждал случая, чтобы развернуть меха своего музыкального инструмента. Это был Василий Смирнов, муж заведующей клубом. Сделав несколько громких аккордов, он с присущей только ему улыбкой буквально впорхнул на площадку, как бы давая понять собравшимся расступиться, сделать шире круг, и пальцы его быстро и ловко забегали по басам и кнопкам двухрядки. Молодёжи всё было понятно: нужно на какое-то время уступить место более старшему поколению выплеснуть свои эмоции, свою энергию заливчатским коленом или ядрёной частушкой.

Гулянья продолжались. В программе значились игры в волейбол, футбол, концерты художественной самодеятельности. В эти часы людские потоки разливались в более отдаленные уголки Куркина...

В 12 часов ночи замолкала музыка, гас свет на площадке, молодёжь расходилась по разным направлениям.

Но ещё долго то там, то здесь раздавались громкие голоса парней, задорный смех девушек, чередовавшийся со словами всё тех же песен, звучавших на танцевальной площадке: «Светлана», «По ночной Москве», «Ландыши»...

Постепенно и эти, последние отзвуки прошедшего праздника становилось все тише и все реже. До начала рабочего утра оставалось совсем немного времени, а до восхода солнца еще меньше. Ничто уже не нарушало установившуюся тишину. Лишь легкий ветерок пошевелил задремавшую листву на кустах сирени, поиграл тонкими ветвями берез, пошелестел оберткой от мороженого, оставленной кем-то на скамье, как последнем напоминании о прошедшем празднике. Вскоре и он стих, чтобы не мешать отдыхать уставшим, но довольным молодым и пожилым жителям и гостям Куркино...»

...Я подхожу к морщинистому неохватному стволу, трогаю его ладонью и вдруг, будто бы слышу всплески далекой музыки, детский смех, чьи-то шаги, шёпот, лёгкое дыханье...

Учитель Емельянов

«Для того чтобы научная работа совершенствовалась и приносила пользу, она должна быть в тесном единстве с практикой, ибо наука без практики нежизненна, а практика без науки бесперспективна».

А. С. Емельянов

Уехать из Куркино, не вспомнив об Алексее Степановиче Емельянове, было бы неправильно. Вспомним. Расскажет о нём Нина Николаевна Забегалова, старший научный сотрудник, заведующая отделом кормления СЗНИ (Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства), заслуженный зоотехник РФ, награждена несколькими медалями ВДНХ СССР, работала в институте (сначала опытной станции) с 1964 по 1995 год.

Ей слово...

– Я родом из деревни Комарово Кубено-Озерского в то время района, родители колхозники... Семь классов заканчивала в Несвойской семилетней школе, которая была в Рождестве, там ещё церковь была разрушенная. А с 8 по 10 класс училась в Кубенском. Закончила школу и в 1954 году поступили в институт. Хотела-то быть врачом, но для этого надо было ехать в Ленинград, а какой там Ленинград – денег-то у колхозников не было. Мама и сказала: «Поступай в Молочное, туда и пешком дойдёшь». Пешком и ходили, километров пятнадцать, правда, только на выходные и с выходных, а жили в Молочном, в общежитии. Поступила я на зоофак, прошла конкурс в шесть человек на место.

Пять лет училась Нина Николаевна в Молочном институте. Там впервые и встретилась с Алексеем Степановичем Емельяновым.

– Он заведовал кафедрой кормления... Приходил, начинал читать, говорил не громко, на доске писал нормы, рационы. Казалось, что его не касается, слушают его или нет. Я-то, конечно, слушала, мне было интересно, нравилось. На экзаменах он особо не придирился, оценки неплохие ставил. Иногда принимала экзамены и доцент этой же кафедры Мария Ивановна Володина...

Надо сказать, что именно Мария Ивановна настоятельно рекомендовала старательной студентке продолжать учебу в аспирантуре. В дальнейшем это и произошло, но до того были пять лет работы на производстве...

– В 1959 году, после института я пошла работать в родной колхоз «Север», тогда же замуж вышла, – вспоминает Нина Николаевна. – Наш колхоз располагался по обе стороны реки Вологды в сторону Остахова. Центральная усадьба колхоза «Север» была в деревне

Андроново. Год я работала главным зоотехником, а потом колхоз распался на две части. Часть отошла к совхозу «Остахово», другая – к «Заре коммунизма». Я оказалась в «Заре коммунизма», а там были главные специалисты, и я три года работала осеменатором, а потом ещё год бригадиром животноводства на ферме в Гончарке...

А потом Нина Николаевна поступила в аспирантуру Молочного института и была принята на работу на Вологодскую государственную опытную сельскохозяйственную станцию (так тогда назывался будущий СЗНИ) старшим научным сотрудником...

– Все ещё удивлялись: как это, мол, он тебя взял-то сразу «старшим»?.. Не знаю. Так я стала у него работать и заочно училась в аспирантуре. В Комарове мы дом продали и переехали в Поповку – это через реку от Молочного. Потом Алексей Степанович дал квартиру в посёлке. Тринадцать лет я с ним работала, с 1964 по 1976 год...

А. С. Емельянов и сам трудился не покладая рук (и как учёный, и как организатор производства, и как педагог) и своим ученикам и коллегам «скучать» не давал...

– Он всё время писал статьи или проверял наши работы. Всё время нас подгонял, чтобы мы побыстрее заканчивали опыты, обрабатывали материалы и писали диссертации... Я только пришла работать. А он мне сразу: «Пишите статью». А я ещё ничего толком не знаю... Ну, что-то я написала. И он отправил меня выступить с докладом на совещание в Сыктывкар... В Сыктывкаре, кстати, занимались внедрением борщевика. Оттуда и пошёл борщевик по стране. Видимо, какая-то установка «сверху» была на борщевик. А теперь вот не знаем, что с этим борщевиком делать, – рассказывает Н. Н. Забегалова.

Впрочем, Емельянов, по воспоминаниям знавших его людей, если считал нужным, шёл и против «установок сверху»...

Вот и Нина Николаевна вспоминает, что Алексей Степанович не сеял на полях опытной станции кукурузу в то время, когда это было чуть ли не обязательным для всех хозяйств.

– Это было начало шестидесятых, я ещё в колхозе работала, видела остаховские поля, засеянные кукурузой. Клевер такой прекрасный распахали и посеяли кукурузу... Года три бились с кукурузой, да так ничего толкового и не добились. А Алексей Степанович никакой кукурузы не сеял. Он мог и обкому возразить, если нужно было. Но был он очень скромный человек, абсолютно честный...

Вот несколько эпизодов, которые вспомнила Нина Николаевна, характеризующие А. С. Емельянова:

– В то время он изучал карбамид (это минеральное удобрение, где очень много азота), влияние его на животных. Требовал, чтобы сотрудники контролировали внесение карбамида в закладываемый силос... И вот однажды я в воскресенье на ферме Дитятьево, там рядом и траншеи силосные были, вношу карбамид. И вдруг приходит Емельянов и скром-

но так просит: «Я не успел выписать карбамида, не дадите ли вы мне немножко на дачу?» А карбамид лежит свободно – бери сколько надо. Ещё случай: поехали мы как-то зимой в командировку во Всесоюзный институт животноводства (ВИЖ) – несколько сотрудниц и Емельянов. ВИЖ располагался в поселке Дубровицы Московской области. Нас устроили ночевать в общежитии для аспирантов. Мы зашли к Алексею Степановичу в комнату, а у него окно разбито, мороз, холодища. Мы говорим: «Как вы тут будете спать?» – «Да ничего, пальто натяну и буду спать». Мы пошли к коменданту, сказали, что это профессор, член-корреспондент ВАСХНИЛ... Емельянова переселили в другую комнату.

Алексей Степанович Емельянов не только сам был разносторонне развитым человеком – писал статьи, играл на скрипке, увлекался живописью, но хотел, чтобы и руководимые им молодые ученые тоже были людьми образованными, культурными...

– Мы, его сотрудницы, в основном все были деревенские, не ахти какие развитые. И вот, однажды, он нас, восемь человек, взял в большую поездку по опытным станциям. На двух «Волгах» почти три недели ездили. Опытные станции были в Новгородской, Ярославской, Псковской, Калининградской, Смоленской, Ленинградской областях, и везде мы не только поля и фермы осматривали, но и памятники культуры. В Калининграде были на могиле Канта, в Карабихе посетили музей Некрасова, в Новгороде – памятник тысячелетия Руси. Побывали тогда и на родине Емельянова в Смоленской области, ночевали в его маленьком деревенском домике...

А. С. Емельянов обладал удивительным даром – помогать людям, заботиться о них... Не только о научных сотрудниках, но и о самых простых работниках.

– Он очень любил простых людей, – вспоминает Нина Николаевна. – Каждую доярочку знал по имени-отчеству, с каждой, бывало, поговорит, спросит, как дома дела. Очень уважительно разговаривал всегда с пастухом Ильей, хоть тот и выпивал иногда... Он и свой юбилей отмечал сначала в институте, а потом в Дитятьеве – пригласил всех животноводов, работников растениеводства, всех до единого...

Впрочем, не только животноводов знал Емельянов. Но и каждую корову из своего стада, каждый участок пастбища...

– Емельянов был приверженцем беспривязного содержания. Беспривязное содержание он внедрил на ферме в Куркино. Комплекс в «Заре» построил тоже с беспривязным содержанием... На пастбищах знал каждый загончик, когда где подкосить, где подкормить траву. Он бы, наверное, с ума сошел, если бы узнал, что сегодня коров не пасут! Он считал: то, что животные недополучили в зимних кормах, они получают на пастбищах из зелёной массы и восстанавливают свое здоровье за летний период... Говорят, что трудно качество получить на летней дойке. Да, грамотная организация пастбищного содержания – дело непростое. Нужен и уход за

пастбищем, нужны твёрдые площадки для доения. Емельянов именно такого пастбищного содержания добивался. Самое главное при пастбищном содержании – технологическая дисциплина и правильный уход за пастбищем и за животными. Конечно, если в грязи доить – какое там качество! – рассуждает Нина Николаевна. – Нынче выигрывают в продуктивности коров, потому что животных кормят комбикормами, различными добавками. Всё это теперь легко можно купить. Но сколько живут-то эти коровы? Тёлку 27 месяцев растят, потом доят два года, выжимают из неё все соки и отправляют на мясокомбинат. Как к станку к животному относятся... А у Алексея Степановича был девиз: «Корова должна жить пятнадцать лет».

Опыт и авторитет Алексея Степановича Емельянова позволили добиться того, чтобы в 1968 году Государственная опытная станция была преобразована в Научно-исследовательский институт. Разработками СЗНИ: рационами кормления животных; новыми технологиями заготовки кормов (добавки в силос, сенаж, травяная мука, плющенное зерно) и сегодня пользуются сельхозпредприятия Вологодской области и России, по научным работам Емельянова учатся студенты.

– Я счастливый человек, потому что работала под руководством Алексея Степановича, – говорит Нина Николаевна Забегалова.

В 2006 году (тридцать лет со дня смерти А. С. Емельянова) Н. Н. Забегалова написала и зачитала на совещании доклад «А. С. Емельянов как личность, ученый и руководитель».

Приведём здесь фрагменты этого доклада.

«Алексей Степанович Емельянов родился 22 февраля 1902 года в деревне Кущино Издешковского района Смоленской области. В 1923 году окончил сельскохозяйственный техникум, получил специальность агронома-животновода. В 1928 году после окончания Московского зоотехнического института работал младшим ассистентом отдела животноводства Западной областной сельскохозяйственной опытной станции. В 1929 году был назначен заведующим Школой скотоводства молочного хозяйства, находившейся при отделе животноводства опытной станции в селе Крюково Смоленской области Издешковского района. В том же году Алексей Степанович был зачислен аспирантом на кафедру крупного рогатого скота Московского зоотехнического института. Окончив аспирантуру в 1931 году, он был назначен на работу в качестве учёного специалиста по животноводству в бюро животноводства при Президиуме ВАСХНИЛ. Постановлением Президиума ВАСХНИЛ 20 марта 1931 года был направлен в город Вологду (п. Молочное) заместителем директора по научной части Северного научно-исследовательского института молочного хозяйства. Северный НИИ был создан в ноябре 1930 года...

С приходом Емельянова вновь созданный институт приобрёл учёного, безмерно любящего науку, прекрасного организатора, способного к широкомасштабному и творческо-

му подходу при выполнении любого исследования. Кроме того, Алексей Степанович вёл огромную работу как пропагандист. С 1933 года при институте издается своя газета – «За овладение агрозоотехникой». Главным редактором и основным корреспондентом этой газеты был сам А. С. Емельянов.

В 1936 году на Первом Всесоюзном совещании передовиков Алексей Степанович награждается первым орденом Ленина.

С созданием в каждой области своих опытных станций за институтом остаётся методическое руководство, а сам институт в 1936 году преобразуется в Краевую опытную станцию по животноводству. В качестве экспериментальной базы для станции выделяется из совхоза «Молочное» ферма «Дитятьево».

В 1938 году к задачам станции добавились племенное овцеводство и племенное свиноводство. Кроме того, было 16 лошадей, 12 рабочих волов; кроликоферма, птицеферма (куры, гуси, утки).

Стадо молочных коров фермы «Дитятьево» с 1936 года совершенствовалось как продуктивное и как племенное. Продуктивность увеличивалась из года в год: 1700 кг в 1936 году и 4082 кг в 1941 году. К 1950-му году продуктивность составила 5805 кг молока от коровы в год. Потребность в кормах обеспечивалась за счёт собственного производства.

С 1944 года Опытная станция переименована в Вологодскую областную станцию по животноводству и её директором становится А. С. Емельянов. По совместительству он читает курс «Кормление сельскохозяйственных животных» в Молочном институте.

В 1946 году А. С. Емельянов защищает диссертацию на учёную степень кандидата сельскохозяйственных наук, а в 1954 году – докторскую диссертацию. В этом же году ему присвоено звание «Заслуженный зоотехник РСФСР». В 1955 году он получает звание профессора, а в 1956 году избирается членом-корреспондентом ВАСХНИЛ. В 1956 году проводится объединение Вологодской областной станции по животноводству и Государственной селекционной станции, созданной в 1939 году на базе совхоза «Куркино», и образована Вологодская государственная опытная станция. В 1968 году на базе станции создан Северо-Западный НИИ молочного и лугопастбищного хозяйства.

С 1960 года А. С. Емельянов – член коллегии Министерства сельского хозяйства СССР. Он принимал участие в работе международных конференций по животноводству в ЧССР, ГДР. С 1960 по 1973 год являлся председателем секции кормления отдела животноводства ВАСХНИЛ и членом Всесоюзной аттестационной комиссии по защите диссертаций...

Коллектив института работал на идею учителя и руководителя, которая была высказана им так: «Рацион – это узел, который и увязывает земледелие и животноводство».

Заслуги Емельянова отмечены двумя орденами Ленина (1936, 1966 гг.), тремя серебряными и золотой медалью ВДНХ, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Октябрьской Революции и многими другими наградами, среди которых, например, грузовой автомобиль (в 1950 году), который он, конечно же, отдал в хозяйство.

А. С. Емельянов умер 13 октября 1976 года».

Учителем называет Н. Н. Забегалова в своём докладе Алексея Степановича Емельянова. И в разговоре так она его называет. Ну да – учитель...

«Вот и вся наша жизнь...»

(деревня Долгово)

Движемся по старой Кубенской дороге дальше... Зима... Присыпало снежком (и не мокрым, тяжёлым, а лёгким, искрящимся) поля, деревья, дома деревенек... Сворачиваем вправо...

К Долгово дорога расчищена, а вот в саму деревню с трудом въехали, дальше к красивому, крепкому жёлтому дому дорога более-менее накатана. Видно, что техника в этом доме есть...

А вон и хозяин на крыльцо вышел.

– Павел Алексеевич? – уточняю, выходя из машины.

– Да-да...

Входим в дом.

Живут здесь, в тихой по зимнему времени деревне, в собственном доме Павел Алексеевич и Нина Константиновна Тужилковы. Вместе они уже полвека, а в этом доме более сорока лет...

Павлу Алексеевичу летом исполнится семьдесят пять, родом он из соседней деревни Кулемесово.

– всю жизнь работали – она дояркой, я трактористом... После войны, в сорок седьмом, пришлось и гнилой картошки поесть – голодно было, – вспоминает Павел Алексеевич. – Работать после четвёртого класса пошёл, сначала на ХТЗ. (ХТЗ – трактор, выпускавшийся еще в довоенное время на Харьковском тракторном заводе, работал на керосине. – Д. Е.) Помню, как «за палочки» работали, считай, что бесплатно...

После окончания училища в Шухободи Череповецкого района (в Кубенском училища ещё не было) пересел Павел Алексеевич на трактор ДТ-54...

– У нас тогда, – вспоминает давние годы ветеран, – не было и мастерских-то, съездим один раз в год в РТС в Песочное, а после только сами и ремонтировались. Или у дома в зауке, или у скотного двора... Ни паяльной лампы, ничего. Зимой костерок разведёшь, руки погреешь, – да и отремонтируешь...

– Вот руки-то теперь и болят, – добавляет Нина Константиновна.

То, что руки эти немало дел переделали, да и сегодня не отдыхают – видно сразу, пальцы – что сучки еловые, ладонь широкая, сухая, крепкая...

Павел Алексеевич помнит все свои трактора. Довелось немало поработать и на зерноуборочном комбайне. А работал всегда хорошо, ответственно.

– Сколько у меня грамот да дипломов – все стены можно бы оклеить, – смеётся ветеран. А когда по состоянию здоровья с трактора пришлось уйти, работал механиком.

– Редкозубов, в то время директор «Передового», хотел меня управляющим отделения сделать, да я отказался. Куда – с четырьмя-то классами! – рассказывает Павел Алексеевич.

В последние годы, уже и на пенсии, работал П. А. Тужилков в котельной в деревне Морино. Нина Константиновна работала дояркой в совхозе «Передовой».

– Начинала, когда ещё вручную доили. Меньше 2, 5 тыс. кг на корову тогда выходило... Так всё дояркой и работала, пока по состоянию здоровья не пришлось перейти работать в садик в Морино, – рассказывает Н. К. Тужилкова.

Вспомнили они и молодые свои годы, хоть и трудные, а счастливые...

– Раньше Кулемесово большая была деревня. Мы из Кулемесова в клуб (ещё старый был деревянный в Морино) пойдём – нас двадцать пять человек. Это только молодёжи, только с одного Кулемесова... В одной «куфайке» и работал, и гулял. Больше нечего надеть было., – вспоминает Павел Алексеевич.

– Зато и весело было, и интересно, – добавляет Нина Константиновна. – А сейчас дак... Все будто в подполье ушли...

А ведь точное определение нынешнего нашего бытия! «Будто в подполье». Причём каждый в своём...

– В армии не служил – «браковка», – опять Павел Алексеевич, с добродушной усмешкой над самим собой, рассказывает. – Продуло в детстве ухо, а медицина тогда какая была... Вот и не пошёл в армию. Так на одно ухо и не слышу.

Впрочем, хоть и не сходил в армию Павел Тужилков, но, и сейчас это чувствуется, парень был с характером и силой, наверное, не обижен...

– Вот мы и поженились, в Кулемесове пожили, потом купили вот этот дом. Я его отремонтировал... Самое лучшее время было! А народу-то, как муравьёв в каждом доме...

У Павла Алексеевича три дочери. Две первые – двойняшки. Четверо внуков, есть и правнук. Все живут в Вологде, но и в Долгово часто приезжают, по хозяйству помогают.

– Потом молодёжь-то повзросла, вот как наши дочери, десять классов в Кубенском кончили – все в Вологду, кто куда поступать. Так вся молодёжь и стала уходить, никого и не осталось. Сегодня в Долгове средний возраст жителей 74 года, – невесело смеётся Павел Алексеевич. – А и жителей коренных всего пять человек. Дачная деревня стала. Сейчас хоть автобус сделали – ходит до Кубенского по нашей дороге через Морино. А было – хоть реви! А сейчас каждый день утром и вечером автобус ходит, а в воскресенье ещё и в обед...

И опять память в давнее уносит...

– В пожнях было сколько осоки накашивали! – кивнул за окно в сторону озера Павел Алексеевич. – А теперь никто там и не косит. Мы косили и на колхоз, и на себя. Это были 60-е годы. Тридцать процентов от накошенного колхознику оставалось. Скот-то ведь почти у всех был... А косить-то надо было до работы – вот в четыре утра и встаёшь, чтобы в восемь-то уже на трактор сесть. А с работы придёшь вечером, кусок хлеба схватишь – и побежали огребать да метать. Вот как косили... Свою корову три года только как не держим. Всю жизнь держали, теперь трудно стало. Но поросёнка и сейчас держим.

Есть в хозяйстве Тужилковых и трактор «Беларус»: «Немножко моложе меня», – смеётся Павел Алексеевич; старенькая «пятёрка», гараж, баня, большой дом – всё требует и примотра, и рук... А руки-то, как, опять же смеясь, сам Тужилков говорит, у него «из того места растут»...

Павел Алексеевич ещё и пчеловод. Девять ульев – вроде бы невелика пасека, а тоже ухода и заботы требует. Зато и мёда всей семье хватает, да иногда и на продажу остаётся...

– Я пчеловод-самоучка., – рассказывает он. – Была одна женщина в Кулемесове, всё время у неё пчёлы были. Она мне и говорит как-то, мол, сделай домик, я тебе дам рой. Я домик сделал, рамки сделал... Вот с тех пор у меня поехало, поехало и до сих пор едет...

– Как прилип к пчёлам, так и не отлипнет, – добавляет Нина Константиновна.

Об одном Павел Алексеевич жалеет – пока что не видит, кому пасеку передать. «Внуки пчёл, как огня боятся»...

Так может правнуку? Семь месяцев бабушкиной да дедушкиной радости. «Уже вставать пробует!» – счастливо сообщает Нина Константиновна...

– Пятьдесят лет мы вместе, – говорит Нина Константиновна. – В прошлом году приезжали нас поздравлять из ЗАГСа, медаль нам вручили, звание «Золотая пара» присвоили... Всё память – будем беречь...

«Вот и вся наша жизнь», – сказал в разговоре Павел Алексеевич... А ведь хорошая жизнь-то, честная, трудовая, долгая... Слава богу, дети и внуки не забывают. Ещё бы и «государство», которому всю жизнь, весь труд свой отдали наши ветераны, о них не забывало. Лекарства, расчищенная дорога, подарок на праздник – это ведь не много... И очень много.

Кубенское – бойкое село

«Кубенское село торговое, бойкое, полное жизни и движения».

Н. А. Богословский

1.

Здесь и раньше всегда были остановки. Путешественники и не могли не остановиться в богатом рыбацком и купеческом селе, где и постоянные дворы имелись, и трактиры, и магазины, и храмы Божьи.

Задержимся в Кубенском и мы, тем более, что любая дорога остановками да беседами и интересна.

Историки считают, что Кубенский городок (так раньше называлось село) был основан примерно в XIX–XX веках новгородцами по пути их движению «встречь солнцу» – на Урал. Почти наверняка городок был основан на месте уже имевшегося поселения, археологи смогли открыть ряд стоянок на территории села, которые датируются I веком до н. э. Кубенский городок был столицей небольшого удельного княжества, присоединенного в XV веке к Великому Княжеству Московскому. Здесь неоднократно бывали великие князья – Василий Тёмный, Иван III, Василий III. Царь Иван Грозный, проезжая из Вологды в Кирилло-Белозерский монастырь, останавливался в версте от Кубенского – там по преданию был его дом и при нём церковь, называвшаяся «что у государя на сеньях» (Воскресенская Подкубенская). В Смутное время Кубенское неоднократно (1612, 1614, 1615) подвергалось нашествию литовцев, поляков и казаков из Запорожской Сечи. В XVII веке село было пожаловано царем Михаилом Фёдоровичем боярину Михаилу Михайловичу Салтыкову. В 1692 году Кубенское едва не стало местом основания русского флота: царь Пётр I искал место для строительства кораблей, но, осмотрев озеро, не нашёл его подходящим для этих целей, по преданию сказав: «Хороша лужа, да мелковата будет». Салтыковым Кубенское принадлежало вплоть до 1785 года и позднее перешло к графам Орловым.

Вот как описывал Кубенское уже в конце XIX века священник Николай Богословский: «Кубенское село торговое, бойкое, полное жизни и движения. Внешний вид его производит очень выгодное впечатление: в центре села расположены храмы; около них торговая площадь, окружённая разнообразными торговыми заведениями, указывающими на торгово-промышленный характер села. Постройка в селе хорошая, особенно на главной улице, расположенной по обеим сторонам Кирилловской дороги. Для окрестных жителей на значительное расстояние Кубенское служит торговым и административным центром.

Село Кубенское

Здесь становой пристав, волостное правление, почтовое отделение с сберегательной кассой, фельдшерский пункт, два училища: мужское и женское, а также разные торговые заведения, постоянно привлекающие в село множество окрестных жителей. Базарные дни (четверги) особенно отличаются многолюдством и оживлением; сюда едут и для покупки, и для продажи, и просто погулять. Кубенский рынок устанавливает цены на предметы домашнего обихода и на продукты сельского хозяйства... Кроме еженедельных базаров, бывают в селе две ярмарки: в Вознесенъев день и в Ильин день. В торговом движении принимают деятельное участие и крестьяне окрестных деревень, промышленный дух оживляет всё прибрежное население.

Большой Кирилловский тракт, проходящий Кубенским, придаёт ему немало оживления; движение по этому тракту почти непрерывное; в Кубенском большинство проезжающих делают остановку: здесь станция и для земских, и почтовых лошадей делается смена...»

Село Кубенское входило в Вологодский уезд, было в советские годы «столицей» самостоятельного Кубено-Озёрского района до присоединения в 1961 году к Вологодскому району...

2.

В Кубенском находится районный краеведческий музей, и кто же лучше музейщиков расскажет о селе. К ним и обращаюсь.

Открыт музей 18 февраля 1971 года (первоначально в другом здании). В музее есть зал народных промыслов, зал боевой славы. Широко представлены материалы о жизни и деятельности авиаконструктора С. В. Ильюшина, летчика-асса А. Ф. Клубова, композитора В. А. Гаврилина.

Работают в музее две замечательные женщины: Надежда Сергеевна Рыбина – смотритель музея и Лариса Владимировна Хайрова – директор. Хотя бы несколько слов нужно сказать здесь о них (я убеждён, что о каждом человеке можно написать и книгу).

– Я местная, из деревни Потанино, это совсем рядом, – рассказывает Н. С. Рыбина. – Все корни оттуда – деды, прадеды. Училась в Кубенской школе все десять классов, закончила Кирилловское культпросветучилище...

Много лет Надежда Сергеевна работала библиотекарем: в областной детской библиотеке, в районной библиотеке, в школе... «Потом уговорили меня в музее поработать, так всё и работаю...», – просто говорит она. Добавлю, что была Надежда Сергеевна и директором музея, свой пост передала Ларисе Владимировне Хайровой.

Семью Хайровых судьба забросила в Кубенское в 1994 году аж из Узбекистана. Тогда, после распада СССР, многим русским пришлось не по доброй воле оставлять бывшие республики.

– В Майской школе уже работала моя подруга, поэтому и приехали мы в Вологодский район, – вспоминает Лариса Владимировна. – У нас уже было двое детей, я работала в школе учителем русского языка. Поначалу было тяжело – ведь я городской житель. Училась топить печь, сажать и полоть картошку...

В Кубенском Хайровы прижились. Дети их уже выросли и считают Кубенское своей малой родиной. Лариса Владимировна работает директором районного музея, её муж трудится на очистных сооружениях, занимается пчеловодством.

3.

Л. В. Хайрова и проводит меня по маршруту, разработанному для туристов в Кубенском. Начинается он рядом с музеем, у самой молодой церкви села – Успенья Пресвятой Богородицы.

Это кладбищенская церковь, решение о строительстве которой было принято на сельском сходе в 1901 году, большую часть денег на храм дала купчиха Александра Алексеевна

Буракова (о ней отдельный рассказ), руководил строительством архитектор Алексей Скрябин из Вологды, строили каменщики из Прилук (села при Спасо-Прилуцком монастыре), а кузнечные работы выполняли кубенские кузнецы. В 1905 году новый храм был освящён.

В советские времена церковь была разорена. Купол снесён, в стенах храма располагалась мастерская МТС. Было уничтожено и кладбище вокруг храма.

В 1994 году по благословению архиепископа Максимилиана началось восстановление этой церкви. Сейчас она восстановлена, в ней проводятся службы. Искали и надгробия разорённых могил. Целым найдено и установлено рядом с храмом надгробие с могилы той самой благотворительницы А. А. Бураковой. Легендарной Бурачихи... Можно сказать «леди Макбет села Кубенского».

Вот что рассказывают о ней...

4.

Александра Буракова работала в одном из постоянных дворов, которых в селе было несколько. Во время Ильинской ярмарки, на церковные праздники они наполнялись, да и в другое время в большом проезде селе не пустовали. И вот остановился на подворье богатый купец, выпил лишка, стал деньгами хвастаться. Буракова со своим сообщником его убила и ограбила. Тело куда-то ночью вывезли, деньги поделили пополам. Сообщник вскоре обанкротился или пропил свою долю, а она деньги приберегла сначала, а через два года начала скупать кружево у местных кружевниц. Вся округа на неё плела, а кружева продавала Бурачиха не только в Вологде, но и в Санкт-Петербурге, и за границей. Построила в селе три двухэтажных кирпичных дома, стоящих и поныне – себе и двум сыновьям. Кроме того, на её деньги были открыты первые в селе общественные бани, женская богадельня, а затем и церковь (грехи, мол, замаливать)... На одной из фотографий в музее запечатлено знаменательное событие – открытие в селе памятника Александру II Освободителю (сейчас на этом месте памятный знак в честь «основателей» села). Среди собравшегося народа на старинной фотографии можно увидеть и купчиху Буракову.

Умерла она в 1914 году, на сохранившемся памятнике с задней его стороны (спереди имя и даты жизни) надпись: «От любящих сыновей».

Правда ли то, что рассказывают о происхождении богатства Бураковой или поклеп завистников – теперь уж не узнать. Дыма, говорят, без огня не бывает, да ведь и: не пойман – не вор...

– Кстати, когда нашли надгробный памятник Бураковой, его устанавливал мой муж с мужем ещё одной учительницы, батюшка Александр Беляков благословил, – говорит Лариса Владимировна.

А пока мы движемся к следующему пункту туристического маршрута – Троицкому храму. Она рассказывает о священнике отце Александре, к сожалению, умершем не так давно.

5.

Именно отец Александр Беляков начал в 1994 году службы во вновь открывшихся Троицком храме и Успенской церкви.

Он был местный уроженец, закончил в молодости СПТУ 42...

– Такой большой был, сильный, настоящий батюшка. Когда устанавливали ещё самый первый небольшой колокол на Троицком храме, он позвал помогать моего мужа, – рассказывает Л. В. Хайрова. – До лестницы-то они колокол вдвоём дотащили, а дальше двоим на узкой лестнице было не повернуться. Тогда батюшка взял колокол за язык и так, на одной руке, поднял его вверх...

Мы подошли к Троицкому храму, видимому из любой точки села. Основан он предположительно в 1282 году. Разумеется, первоначально был деревянным. Точное время строительства каменного храма неизвестно. В 1931 году храм был закрыт. В здании находились пионерский клуб, швейная мастерская, мельница, хотели даже сделать баню... В 70-х годах разместили там трикотажный цех, парикмахерскую, приёмный пункт по ремонту телевизоров.

В 90-х годах храм восстановлен. Первым его настоятелем и был отец Александр Беляков, после его ухода на покой – священник Александр Козлов.

По правую руку от храма (если смотреть от входа) – деревянный крест. Это братская могила – при проведении земляных работ вблизи собора стали находить останки людей, отец Александр собрал их и перезахоронил.

А по левую руку, за алтарем, могила самого отца Александра. Я подошел к ней. После оттепели кружок фотографии на кресте заледенел, я осторожно оттаивал ладонью и снимал лёд, и открывался, действительно, образ русского богатыря. «Настоящий батюшка».

А с новым, «молодым» батюшкой поговорить не довелось – на учёбе. Он хоть и молодой, хоть и не столь силен физически, по всему, что знаю о нём, тоже – настоящий...

– Лет пять назад уже при батюшке Александре Козлове были установлены новые колокола, и на Вербное Воскресенье на всю округу перезвон разливался. Это было чудо, радость!.. – восклицает Лариса Владимировна. – А в этом домике, – показывает на дом напротив входа в храм, – жил священник Любомиров, его внучка рассказывала, что его в 1937 году арестовали, бабушка, его жена, была больная, её вынесли прямо на кровати на улицу. Добрые люди её приютили, но через три дня она умерла.

Что это были за люди, выселявшие престарелых священников, выносившие им смертные приговоры?.. А кто в церкви баню собирался открыть? Кто на алтарях рыбу коптил, валенки катал?.. Инопланетяне?.. Жить нам и помнить, жить и каяться... И пока в Ильинском храме села Кубенского находится библиотека, а в храме Димитрия Солунского Дом культуры – не может быть душа спокойна. Не может. Не должна быть спокойна. Кто-то скажет, мол, библиотека это же не баня. Не имеет значения! Храм – это храм. До тех пор, пока в нём находится библиотека – унижается и храм, и библиотека...

6.

Так думая и подошёл в сопровождении директора музея к этим самым храмам...

Здесь и сейчас центр села. Раньше на этой именно площади проходила Ильинская ярмарка. Разумеется, поблизости, на этой же улице и дома кубенских купцов, дошедшие до наших дней. Купеческие фамилии помнят в селе и по сей день: Моташкины, Лыковы, Борисовы...

Вот, правее Ильинского храма дом купца Воеводина. На первом этаже его был магазин, а на втором жила семья. В советские годы здесь был районный суд, в котором, в частности, судили мать будущего великого композитора Валерия Гаврилина. А позже тут поместили аптеку. Здесь она и сейчас.

Вот три дома из красного кирпича, построенные Бураковой, дальше по улице два дома купца Борисова.

Перед Ильинским храмом – памятник дважды Герою Советского Союза А. Ф. Клубову. Между Ильинским и Дмитриевским храмами, там, где раньше была колокольня (ансамбль этих храмов с колокольней был оригинален и красив, он описан в книге священника Ильинской церкви Н. А. Богословского) – памятник погибшим в Великой Отечественной войне... Так всё перемешалось в нашей истории, в нашей жизни – советское и русское, коммунистическое и православное... Ведь и участок Кирилловского тракта (Кубенской дороги), на котором стоят эти дома и храмы, называется улицей Ленина...

– Вот в том деревянном доме, – указывает Л. В. Хайрова, – и жил священник Богословский, а теперь там снова живёт священник с семьей. Именно в этом доме первоначально был создан музей. Основала его Валентина Мартиновна Лукина – женщина очень интересная. Родом она из Архангельской области, сюда была направлена на работу. Встречалась в Москве с Н. К. Крупской. На недавнем юбилее библиотеки я так и сказала, что у нас с библиотекой один источник – В. М. Лукина, потому что она и библиотеку организовала, и музей.

Справедливости ради надо сказать, что библиотека в селе была основана задолго до появления здесь замечательной подвижницы В. М. Лукиной.

О священнике Н. А. Богословском тоже надо сказать здесь. Он представитель старинного вологодского рода Непеиных-Богословских, ведущего своё начало от легендарного Осипа Непеи (первого русского посла в Англии). Николай Богословский служил в Кубенском в 1892–1927 годах и принимал большое участие в общественной жизни села. При его содействии было открыто двухклассное училище, работала чайная, библиотека, он автор книги «Церковь святого пророка Ильи в селе Кубенском Вологодского уезда Вологодской Епархии». В 1938 году Н. А. Богословский был арестован и расстрелян. Уже несколько лет в Кубенском проводятся посвящённые ему Богословские краеведческие чтения.

7.

И ещё одно знаменательное место села Кубенского нельзя не упомянуть – деревня Воскресенье (ныне практически слившаяся с селом), где находилась Воскресенская Подкубенская церковь. Деревянный храм был построен в XVI веке, каменный – в 1762 году. В старину церковь называлась «что у государя на сеньях». Именно там располагался дом, в котором останавливался по пути в Кирилло-Белозерскую обитель Иван Грозный. Именно в том храме находилась чудотворная икона «Богоматерь Подкубенская», написанная в XIV веке (приписывалась кисти преподобного Дионисия Глушицкого), спасённая в 20-е годы известным вологодским реставратором Федышиным (ныне хранится в Вологодском музее-заповеднике).

Остальные иконы богатого храма, по рассказу Н. С. Рыбиной, ожидала тяжкая участь – сначала их перевезли в часовню в недалекую деревеньку Погорелово, а когда в часовне решили сделать магазин – вырыли яму и скинули туда иконы. Часть икон погибла, часть разошлась по домам местных жителей.

Мы едем в Воскресенье (в народе ещё называют Поповкой), на место бывшего храма.

От Воскресенской церкви, окончательно разрушенной в тридцатые годы, ничего не осталось. Похоже, правда, что сарайчик вблизи того места, где стоял храм, из церковного кирпича и построен.

Но сохранилась так называемая «сторожка». Большой дом, возраст которого оценивают в двести лет. Наверное, здесь, действительно, церковные сторожа жили, но, думается, главная цель этого дома была – давать приют многочисленным паломникам, приходившим и проезжавшим помолиться перед чудотворной иконой.

После разгрома церкви дом остался, и по сей день в нём живут люди.

Тамара Алексеевна Корёгина, жительница «сторожки», нас и встречает. Ей принадлежит половина дома, в другой половине зимой не живут, приезжают лишь как на дачу летом.

А домина матёрый – иначе и не скажешь. Брёвна в кладке будто литые. Дверь в избу низкая, толстая. Половицы – широченные, прибиты, судя по виднеющимся шляпкам, огромными коваными гвоздями. А порожек на входе в избу стоптан чуть не до пола, сразу видно, что многие ноги его касались.

Тамара Алексеевна приглашает нас присесть за стол у окна, напротив печки-кормилицы, рассказывает...

– Мы с мужем в 61-м году поженились и купили эту половину дома. Я работала тогда в Алёшине, это самая ближняя тут деревня, в конторе совхоза «Передовой». Денег было мало, а надо было теми деньгами заплатить 1600 рублей. В совхозе дали мне 500 рублей беспроцентной ссуды (из зарплаты сразу высчитывали), свекровь корову за 350 рублей продала... Так и насобирали. Я родом из Сумарокова, с тридцать восьмого года, а муж с тридцать седьмого. Он был родом из Росликово. Муж в «Передовом» трактористом работал, депутатом сельсовета был, грамот, значков много получал... Одиннадцать годов будет скоро, как нету.

Тамара Алексеевна сидит, сложив много поработавшие руки на коленях, стесняется, когда я прошу разрешения сфотографировать её.

– Папа мой был рабочий, мама доярка. От неё и я доить научилась. Сначала козу... Жили-то как – не было ничего еды-то, голодом сидели. Мама, бывало, в кармане с фермы принесёт укратчи (так и говорит – «укратчи», видимо – украдкой. – Д. Е.) колоб – корм скоту, его и едим. Часто мама на ферме и ночевала, чтобы телёнка новорождённого сохранить, за телёнка-то трудодни дополнительные давали. А у нас коза была, доить-то бывало маме некогда, так вот она и говорила: «Ты, Тамара, возьми да почиркай у козы-то, да молоко-то и выпей...». Так я и научилась, потом и корову доила...

Обычная, самая обычная судьба русской деревенской женщины. Нелёгкая. Но не жалуется Тамара Алексеевна. Она делится. Делится радостью...

– Трое детей у меня, пять внучек, один внук, два правнука, я богатая! Живу очень хорошо, никто не обижает. Оба сына и дочь в Кубенском живут, так что часто навещают, все ко мне хорошо относятся. Сходили ребята на рыбалку, наловили окуней – мне несут. Я и сыта. Слава богу!

Мы прощаемся с нынешней хозяйкой церковной «сторожки» и возвращаемся в село.

8.

А в селе, заеду-ка я в контору совхоза «Передовой» (пусть это будет пора заготовительной страды)...

... От того, сколько и какого качества будет заготовлено кормов для скота, зависит количество и качество главного продукта большинства наших сельхозпредприятий – молока,

на котором в основном и держится финансово-экономическое благополучие предприятий, а значит, и отдельных работников. Всё взаимосвязано в природе и в жизни... В народе такая взаимосвязь выражается простой и мудрой поговоркой: «Как потопаешь, так и полопаешь». Так что «топать», то есть работать, добрые хозяева начинают вовремя и делают это с полной отдачей.

Вот и механизаторы СХПК «Передовой» выехали на заготовку кормов. Об этом рассказывает мне председатель кооператива Сергей Александрович Сибиряков.

– Сейчас уже всюю косим. Заготовить нам нужно 30 тысяч тонн зелёной массы с 2 тысяч гектаров площадей. Работаем одним звеном – две косилки, два комбайна, на отвозке до шести единиц техники. И два трактора работают на трамбовке травы. Вчера 650 т массы скосили, чтобы утрамбовать такое количество, частично приходится работать и ночью. Сейчас закладываем две ямы по тысяче с небольшим тонн для быстрого приготовления, чтобы подкормить скот свежим силосом, хотя и «переходящий» силос остался с прошлого года. Часть старого силоса будем давать, часть свежего, – поясняет Сергей Александрович. – Силос в прошлом году сделали неплохой, «неклассного» не было, постараемся и в этом году получить хороший силос.

За последнее время в «Передовом» сильно обновился машинно-тракторный парк. В прошлом году была куплена новая косилка «Макдон», подборочный комбайн «Полесье» – сейчас они и работают на заготовке. Кроме того, уже в этом году приобретены в кредит: миксер для приготовления кормов, автобус ПАЗ, самосвал ГАЗ, кормораздатчики, прицепы, два трактора МТЗ, два микроавтобуса «Газель» – всё нужная в хозяйстве техника. Кроме того, в планах и строительство новой фермы с беспривязным содержанием животных и доильным залом.

С главным агрономом хозяйства Юрием Мишенёвым мы едем на поле, где идёт заготовка кормов. Мы знакомы с Юрием уже несколько лет. Молодой парень, а уже опытный агроном. И, что важно, уходить и хозяйства не собирается.

– Заготовку нормально начали, раньше, чем в прошлом году, погода позволила. Сейчас в основном убираем козлятник и люцерну – ранние травы, – рассказывает Юрий. – Обычно мы берём два укоса. Но вот люцерну первый год посеяли, а с неё, говорят, можно и три укоса взять – посмотрим, опыта работы с ней ещё нет у нас, – делится он заботами.

– Как организовано питание механизаторов? – интересуюсь я.

– Кормят обедом и ужином прямо в поле. За обед платят 50%, ужин – полностью за счет хозяйства.

Вот и отворотка на Мартьяново. Едем мимо фермы, рядом яма и на ней трамбуемый зелёную массу трактор, по дороге навстречу нам и впереди нас торопятся трактора от-

возчики с полными и уже пустыми телегами. А вскоре видим поле, на котором работают косилка и подборщик.

На силосном комбайне-подборщике работает молодой механизатор Дмитрий Балабанов. Человек он, по словам С. А. Сибирякова, старательный, дисциплинированный, отлично разбирается в технике. В общем, абы кого на новую технику не посадят. А с Юрием Мишенёвым они ещё, оказывается, и бывшие одноклассники.

– Как на новой технике работается? – спрашиваю я у Дмитрия.

– Хорошо! Отличная техника, – бодро отвечает он. – До этого работал на кормоуборочном «Доне», на зерновом комбайне «Полесье».

В хозяйстве Дмитрий работает уже восемь лет, родом из Кубенского, заканчивал СПТУ 42, женат...

Смотрю на молодого агронома, на молодого механизатора и думаю: не преувеличены ли разговоры о том, что молодёжь не идёт работать в сельское хозяйство?

Но, узнав, что из их класса больше никто в сельском хозяйстве не работает, что большинство их сверстников уехали в город, понимаю, что так и есть – мало молодёжи в наших сельхозпредприятиях, и это плохо... Но верю в лучшее будущее. Будут молодые работать на своей земле. Потому что так было всегда, на этом мир держится.

9.

Получил письмо от жительницы села Кубенского:

«Когда я приехала в Кубенское, я обратила внимание, что у одного из прудов растёт сосна, прямо у воды. Возник у меня вопрос – откуда она здесь появилась? А потом я познакомилась с жительницей дома, расположенного напротив этого пруда, и она мне сказала, что сосну эту посадила она. Когда-то давно она ездила за клюквой на болото, и там ей пришлось выбираться из воды на кочку, она схватилась рукой за маленькую сосенку, а сосенка вырвалась с корнем и оказалась у неё в руке. Она её не выбросила, а привезла в Кубенское, а так как сосна росла на болоте, то и посадила её около воды, у пруда. Сейчас это большое дерево, с той поры прошло около 30 лет. Нет в живых уже этой жительницы Кубенского. Пруд и сосна находятся на улице Школьной, справа от дороги, если ехать из Кубенского. Вот такая история у одного из деревьев в Кубенском».

А ведь это тоже история, которую тоже надо помнить. Когда мы говорим о «корнях» человека, не будем забывать, что это и корни посаженных нами, нашими родными и близкими деревьев, и они нас, людей, на этой земле держат... И никак нам без этих корней, никак...

Но мы ещё не покидаем село Кубенское...

У самого синего моря

«Жили-были старик со старухой у самого синего моря»

А. С. Пушкин

...Только Михаил Харитонович Тавалинский не тридцать лет и три года, а сорок лет ловил рыбу из синего Кубенского моря-озера...

Дом их стоит в селе Кубенское на улице Ленина. Вообще-то это старая Кубенская дорога и есть (он же Кирилловский тракт)... Домик за аккуратным забором, небольшой, да и немаленький. Когда-то, говорят, было это конторское здание, а потом поселилась семья директора Кубенского рыбзавода. Здесь выросли все шестеро детей Михаила Харитоновича и Ольги Сергеевны Тавалинских, сюда и теперь приезжают или звонят из Вологды и других городов России дети, внуки, правнуки.

Вот уже и за девяносто перевалило Михаилу Харитоновичу Тавалинскому. Большая, неординарная жизнь. Взять хоть тот факт, что родился и учился он в Москве, а большую часть жизни прожил в небольшом селе на Вологодчине – уже судьба. А была ещё и война, и годы работы на Сахалине, и строительство завода...

Война опалила их обоих. Ольга Сергеевна родом – брянская. В начале войны с военным заводом она и её мать были эвакуированы, а после войны оказалось, что живой родни на Брянщине у них не осталась. Тогда-то и решили поехать на Сахалин, где и свела её судьба с будущим мужем.

– Я родился в Москве, – вспоминает Михаил Харитонович. – А корни мои – астраханские... Учился я в 623-й школе (замечательная школа!), это район Крестьянской заставы: Крутицкий переулок, Алёшинские казармы, Таганка... Мечтал о многом. Мама, конечно, хотела, чтобы я поступил в институт. Война всё перепутала. Сначала после школы я работал на заводе ЗИЛ, на испытании двигателей. Когда стукнуло 18 лет, меня взяли в армию. Сначала

послали в военно-пехотное училище. Но доучиться там мы, курсанты, не успели – как раз была Сталинградская эпопея, и нас бросили под Сталинград. Мы туда приехали, когда там почти всё закончилось. Своими глазами видел я кучи трупов, эшелоны, набитые пленными немцами...Кругом раненые, холод, голод... Всё это страшно вспоминать...

Михаил Харитонович остановил рассказ, будто погрузился в те далёкие страшные годы. И сказал неожиданно:

– А мы ещё были такие молодые!..

Из-под Сталинграда подразделение, в котором служил М. Х. Тавалинский, перебросили на Западный фронт под Смоленск, затем был Воронеж, Украина...

– Через Дон переехали, нас высадили на какой-то станции. Мы все были в зимней одежде, а там уже тепло. Мы шли через какую-то снежную равнину. Впереди ехал на лошади наш капитан, и на лыжах шёл какой-то проводник. Мы впряглись и тащили сани с пулемётами. Шли почти полночи. Пришли в деревню. Автоматы нам дали, а патронов нет... Вымылись там, побрились, постриглись... А потом начались бои. У них танки, а у нас даже гранат нет – вот как было...

Тут он вдруг обрывает рассказ и заводит разговор о том, что так беспокоит всех нас сегодня:

– Меня удивляет то, что сегодня творится на Украине. Я был рядовым солдатом, пешем протопал по тем местам. Трудное было время, но всегда украинцы встречали нас хорошо. Что же такое произошло?

Да, что-то произошло со всеми нами, если на земле, обильно политой русской и украинской (родной!) кровью, вновь война, но не с иноземными захватчиками, а между своими же...

В районе Харькова в 1943 году Михаил Харитонович Тавалинский был ранен в ногу и в руку (рука осталась искалеченной на всю жизнь). После долгого мытарства по госпиталям он был комиссован и вернулся в Москву.

Заканчивая рассказ о военных годах жизни М. Х. Тавалинского, добавлю, что он награжден орденом Славы, орденом Отечественной войны, многочисленными медалями.

– Я приехал в Москву, – продолжил он рассказ. – Мама работала на вредном производстве – краски, лак. Я ей говорил: «Бросай, уходи...» А она: «Как я уйду, там зарплата, добавочные карточки». Так там она и подорвала здоровье. При Министерстве рыбного хозяйства было тогда организовано Высшее экономическое училище, в него я и поступил (мысли об институте пришлось оставить – надо было поскорее начинать зарабатывать, не мог я на иждивении матери жить). Училище я закончил в 1946 году и поехал на Сахалин. Когда у тебя одни штаны и шинель, а обещают хорошую зарплату, жильё... Поехал!

– Мы там восемь лет жили, – вставляет слово Ольга Сергеевна. Ой, сколько там рыбы было! Горы рыбы!

– Южный Сахалин был освобождён от японцев в 1945 году. Работали мы на базе в Холмске, которую оставили японцы. На самом берегу моря, без конца шум прибоя в ушах. Русских там было мало, много японцев и корейцев. Рыбаки они были замечательные, хорошо работали, по-русски мало говорили. Рыбы там было очень много, крабов! Ешь – не хочу... Там мы и встретились, – кивает он на жену, верную спутницу жизни на протяжении уже почти 70 лет.

– А потом в Министерстве рыбного хозяйства предложили на выбор – Каспий или Вологодскую область. Вот так мы здесь и оказались в 1954 году. Никакого завода не было. Было примитивное артельное хозяйство: деревянные бараки, старые деревянные лодки. Там, где сейчас завод – паслись колхозные бычки... Всё с нуля начинали, с оформления бумаг. Очень помогал мне первый секретарь Вологодского райкома партии Владимир Иванович Верейкин. Денег у нас не было ни копейки. И пока не занялись мы копчением океанской рыбы – жили бедно. На озерной рыбе много не заработаешь. Например, плотва стоила 30 копеек за килограмм, щука – 70 копеек, судак – рубль. А затраты большие – катера надо было новые покупать, невода... И вот мне подсказали, и стали мы строить коптилки деревянные, примитивные – в Кубенском, в Березниках, в Нефёдове. Ленинград отпускал нам селёдку по дешёвой цене. Возникла необходимость строить пятидесятитонный холодильник и коптильный завод. Это тоже было трудно пробить. В то время как раз начали строить птицефабрики – «Сельстрою» не до нас было. Но помогло личное указание Анатолия Семёновича Дрыгина.

После строительства холодильника и коптильного цеха завод стал выпускать до тонны копчёной продукции в сутки. Появилась прибыль, стала приобретаться новая техника, строилось жильё...

– Потом к нам присоединили озеро Воже. Там был рыболовецкий колхоз, но дела в нём шли плохо. Там тоже много было сделано – полностью обновили флот, завезли туда судака, сделали там коптилки... Ой, сколько там скандалов было! – Михаил Харитонович качает головой, машет рукой. Продолжает рассказ:

– Судака в Воже забрасывали вертолётами. Не хотели вертолётчики возить живую рыбу, и опять слово Дрыгина помогло. Катера рыбаков подходили с неводами в Ельму. Там на берегу опускался вертолёт. В него ставили брезентовый чан, наливали озёрную воду. Рыбаки черпаками вытаскивали судака килограмма на два-три и перебрасывали в этот чан, когда он наполнялся, вертолёт летел на Воже, там рыбу выпускали. Сегодня судака в озере Воже больше, чем в Кубенском.

Теперь уже нет, по словам Михаила Харитоновича, организованного рыбного лова на озере Воже, практически нет его и на Кубенском озере. А лов – не браконьерский, а организованный, контролируемый – озеру нужен.

– Ёрш – самый страшный хищник, он съедает икру. А его сейчас никто не ловит. Конечно, это же не выгодно. И нам было не выгодно, но мы нашли выход – вылавливали ерша и делали из него фарш (в Березниках был цех), который покупала у нас «Красная звезда» для кормления свиней... Вообще, рыбы было очень много, до трёхсот тонн в год ловили. И зимой тоже. Сети ставили. Но около Каменного острова и устья реки Кубены сети ставить было нельзя, потому что туда попадала нельма, а её вылов был лимитирован... Ездили по озеру зимой на лошадях с санями. У нас было двенадцать лошадей. Летом несколько рыбаков снимали с промысла, и они косили для лошадей осоку. А потом стали покупать «Бураны»...

И сегодня Михаил Харитонович отлично помнит, где какой рыбы было больше:

– В Пучкасах много щуки, окуня, а леща больше было в районе Уфтюги. Нельма у Каменного острова... Нельма ведь морская рыба, поднялась когда-то в озеро по Сухоне, а плотиной её заперли, очень мало, где ещё в мире она живёт в пресных водах. А теперь её не стало у нас совсем...

Здесь приведу справку из книги «Реки севера» (издательство «Гидрометеиздат», 1987 г.), подтверждающую и уточняющую рассказ М. Х. Тавалинского. Авторы Ильина и Грахов пишут: «Вполне вероятно, что до строительства плотины Знаменитой нельма поднималась по Северной Двине, а потом по Сухоне в Кубенское озеро... После строительства плотины на Сухоне нельма не смогла скатиться в море и приспособилась к новым условиям. Кубенская нельма мельче обычной. Морем для неё служит Кубенское озеро, а на нерест она поднимается по рекам Кубене и Ельме. Кроме Кубенского озера, нельма встречается ещё только в одном внутреннем водоёме Советского Союза – в озере Зайсан (Казахская ССР)».

М. Х. Тавалинский утверждает, что нельма нерестится только в Кубене, интересно – он ошибается или авторы книги, утверждая, что и в Ельме нельма была?

На вопрос, почему нельмы в Кубенском озере не стало, он отвечает просто:

– Выловили! Уничтожили. Когда она шла на нерест, приезжали даже из Вологды, перегораживали Кубену и отлавливали нельму. И как инспекция по рыбоохране ни боролась – побороть это не смогла.

К словам Михаила Харитоновича рискну добавить и своё мнение. Изменились и условия обитания нельмы: по Кубене сплавляли лес – всё дно замостили, да ещё и песчаные карьеры где-то в верховьях Кубены раскопали, это же наверняка сказалось на состоянии реки. Да и озеро изменилось. Об этом сам Тавалинский лучше скажет:

– Озеро очень изменилось. Особенно, когда трубу водозаборную на Вологду сделали. Нельзя столько воды забирать. Лёд около берега ложится практически на грунт, примерзает, а потом он поднимается, и все микроорганизмы вместе с ним поднимаются, и кормовая база для того же леща пропадает. Водозабор для озера вреден. А уж откуда Вологде воду брать это пусть секретарь обкома думает! – по-старому называет Михаил Харитонович главного руководителя области. – Но нельзя же бесконечно брать из озера!

– А сети? Особенно эти китайские, «одноразовые», – продолжает он. – На том берегу от Сокола до Уфтюги не осталось ни одной деревни – так кто же сети ставит? Приезжие. Но кто эти приезжие-то? Из Вологды те же кубенские и приезжают. Это просто отсутствие культуры рыболовства!

И тут он с особенной теплотой и грустью вспоминает тех рыбаков, с которыми довелось ему работать.

– Раньше рыбаки были потомственные, у них деды были рыбаки, отцы – рыбаки, и они стали рыбаками. Династии. И они в сельское хозяйство уходить не хотели. Озеро – это была их жизнь... Но что плохо – все они пили. Страшное дело! Они водку не покупали – к ним приезжали, привозили водку в обмен на рыбу. И не простые, конечно, люди – начальство. После каждого улова уху варят и пьют. А я не пил с ними никогда, хотя они меня всегда уговаривали, мол, «за компанию». Я им: «Уху буду есть, а водку пить не буду, я на работе!» А они смеются: «Мы тоже на работе!» Бороться с этим было невозможно...

Помолчал, сказал:

– Никого нет, я один остался. Время...

Между прочим, по инициативе М. Х. Тавалинского на территории Кубенского рыбзавода был поставлен обелиск погибшим в годы Великой Отечественной рыбакам.

– Я каждое 9 Мая езжу туда, кладу цветы. Посажены там ели, скамейки поставлены. Всё сделано. А погибли их человек тридцать – из Кубенского, Новленского, Шолохова, Березников, Нефёдова...

После разговора с Михаилом Харитоновичем с его сыном, Львом Михайловичем, заехали на завод, посмотрели обелиск. К сожалению, таблички с именами на нём не было. «Её сняли, потому что уже не разобрать было имен», – объяснил кто-то из работников.

Сейчас я обращаюсь к нынешнему руководству предприятия: пожалуйста, не забудьте восстановить табличку на обелиске. Будьте людьми...

Но вернёмся к рассказу М. Х. Тавалинского:

– У меня был хороший друг, который часто ко мне приезжал... – Тут Михаил Харитонович выложил на стол три книжки. Сборники стихотворений Виктора Коротаяева, все с автографами. – Он часто приезжал – порыбачить, стопку выпить. Хороший был человек. Я ему го-

ворил: «Виктор, ты чего маленькие книжки-то пишешь? Ты напиши большущую поэму». А он смеётся: «Нет, мне не написать большую...»

– Я все книжки-то его читаю, интересно, – вставляет слово Ольга Сергеевна.

– Да, всё читает, – подтверждает Михаил Харитонович. – А я уж теперь не могу, зрение плохое. – И продолжает:

– А ещё я был знакомом с Сергеем Владимировичем Ильюшиным. Он родом-то ведь из Березников (из деревни Дилялево близ Березников. – Д. Е.). Когда приезжал из Москвы, обязательно на рыбпункт приходил. Вернее, приезжал на лошади. Он ведь в молодости-то был конюхом. Был там такой Сергей Раков, его друг. Вот оба они конюхами и были. Когда Сергей Владимирович приезжал, они обязательно встречались. Вот же судьба – одногодки, из одной деревни, один так и остался конюхом, другой – выдающимся конструктором стал. Какую надо было силу воли иметь, чтобы пробиться! Сергей Владимирович рассказывал кое-что про свои дела. Очень нелегко ему всё давалось. «Я, – говорил, – работаю сутками, не знаю, бывает, день или ночь, всё время на работе. И все, кто со мной – тоже всё время на работе. Создать самолет – это очень тяжело...» В Березники он приезжал на неделю-две. К рыбакам всегда приходил «с гостинцем». Я ему говорю: «Сергей Владимирович – не надо бы, ведь их потом не остановить». А он: «Это твоё дело – останавливать, но без угощения я приехать не могу». Ну и мы, конечно, когда он уезжал в Москву, всегда дарили ему рыбу, коптили специально...

Впрочем, не только отдыхал, «гостинцы» для рыбаков привозил да увозил копченую рыбу трижды Герой Социалистического Труда Ильюшин, но и помогал достать в Москве дефицитные запчасти для катеров.

– Он заказывал эти запчасти для своего конструкторского бюро, а мы потом у него забирали, иначе бы не достать, – рассказывает Михаил Харитонович.

Большая часть жизни М. Х. Тавалинского отдана Кубенскому – и селу, и озеру. Шестеро детей у него (один из сыновей умер в возрасте 58 лет), 11 внуков, 11 правнуков.

– Нет, ни о чем не жалею, – говорит он, вспоминая жизнь. – Конечно, можно было бы квартиру лучше себе сделать. Но всё не до себя было... Да здесь и удобно. Хозяйство большое было. Она, – кивает на жену, – всегда поросят держала и сейчас куриц держит, огород есть... А рыбалку я любил... Нет, с удочкой – это времяпровождение, мне некогда было. У меня был выездной катер, был капитан, мы с ним выезжали. Пять-шесть неводов в озере находилось, и мы объезжали катера, рыбалку смотрели... Я в семьдесят лет ушёл с работы, в 1994 году, рыбаки меня ещё выбирали директором, но я уже отказался...

И будто опять туда, в озеро, внутренним зрением обратился Михаил Харитонович, а рядом сидела верная его Ольга Сергеевна...

Из деревни Харитоново

От Кубенского свернём в сторону по дороге к Остахову, Северной ферме... Если бы ехать и по этой дороге – рассказ о ней был бы не менее интересный... Но мы не будем отклоняться далеко от старой Кубенской (но и без отвороток никак, ведь река ручьями полнится!), а доедем лишь до деревеньки Харитоново...

Я бывал здесь дважды с промежутком в несколько лет, зимой и летом, и записал два рассказа...

1. Разведчик Черняев

– Воевали, воевали, – бойко откликнулся на мой вопрос Илья Алексеевич Черняев, совсем не богатырского вида старичок. Но глазами встретились – есть ещё огонь в глазах, да и голос бодрый и, кажется, чуть насмешливый.

– Пятьдесят первая гвардейская дивизия, отдельная двенадцатая разведрота, – четко, по-военному, добавил он.

Расположились мы в кухоньке, он на табурет у печки присел, я за стол у окна.

– Взяли меня в сорок втором году. Обучали три месяца в Кущубе, а оттуда нас под Воронеж бросили. Выгрузили на станции «Анна», и ещё девяносто километров мы пешем топали. В Воронеже-то уже немец стоял. Вот год мы там под Воронежем и были. По ту сторону реки Воронеж – немец, а по эту сторону – мы. Я в разведке был. Ходили за «языками», вели наблюдение... Как линию фронта пересекали? Через реку переправлялись. Была переправа... Ну, переправу немец всю дорогу обстреливал – днём и ночью... Находили места, лодки у нас были... Помню, первого языка взяли... За пулеметом он был, в дозоре на нейтральной полосе. Финн... Двое их было. Одного-то мы приткнули ножиком, а финна взяли...

– Разве в Воронеже были финны? Они вроде больше под Ленинградом., – усомнился я.

– Значит, были. Точно – финн. Здоровый такой мужчина... (Илья Алексеевич именно так и сказал – «мужчина», с каким-то даже уважением).

– Страшно было в разведке? – опять я спросил.

Разведчик Черняев усмехнулся.

– Так как... Страх есть, а надо выполнять. Обычно ходили отделением – десять человек, – стал мне объяснять подробно. (А я вспомнил «тактические занятия» из своей воинской службы, ведь и у меня в военном билете написано – «разведчик войсковой разведки»).

– ... Две отсекающих группы – правая и левая – по два человека, захват-группа – три человека, тыловая – три человека. Вот в группу захвата иногда по желанию брали...

– Как-то учили вас – приёмам разведки, рукопашному бою?

– Не до того там уже было, сами приучались... По неопытности большие потери бывали. Раз ходили двадцать человек – два отделения, а ведь чем больше народу, тем больше шуму... Десять человек убило от двадцати. Политрук с нами ходил, его убило. Которых ранило... Вооружение наше было: финский нож, всегда в ножнах на ремне висел; сначала винтовка, потом карабин, потом уж автоматы – ППШ и ППС. ППС удобнее – магазин плоский, за оба голенища можно запасные сунуть...

– 23 января сорок третьего года мы взяли Воронеж. Прогнали его за Дон (это Илья Алексеевич так немецкие войска называет: «он», «его»). – На Харьков пошли. Харьков взяли. Оттуда вышиб он нас. Мы опять взяли. А с Харькова пошли к Полтаве. Не доходя Полтавы, в городе Зинко, меня в левую ногу ранило...

– Помню, было восьмое марта, – продолжал свой рассказ разведчик. – Мы вошли в село Громовка. Нашли старосту, спросили, где немцы. Вчера, говорит, были, человек сто, ушли. От Громовки до города Зинко километров пять. Мы поехали в разведку на лошади, на санках: командир взвода лейтенант Молчалин Виктор Александрович, Яша Сафонов с Ленинграда, я, Валович... А сзади нас, метрах в ста, еще сани, тоже в них четыре человека. Заехали. По сторонам смотрим. Двухэтажные здания справа – никого там, тихо. Я с левой стороны сижу на грядке саней. Смотрю – куча железа у телеграфного столба и кто-то там... Я говорю: «Товарищ лейтенант, вроде как немцы...». Только стали лошадей-то разворачивать, а он как очередь-то дал... Пуля, вишь, вошла у мизинца и вышла в пяту. Яшке Сафонову три пули в мякоть прошло. Воловичу шинель только прострелило. Лейтенанта – сразу... Ну, чего сделаешь... Мы начали отстреливаться. А от домов-то, мимо которых проехали, тоже начали строчить. Вишь как бывает... Туды попали хоть бы что, а обратно... – в этот момент, кажется, разведчик Черняев не просто рассказывал, вспоминал, он будто всё снова рассчитывал, прикидывал – где же прокололись-то они, и что ещё можно было сделать...

– Те, на вторых-то санках – тёку. Мы на них заорали... Еле и вырвались... В госпиталь в Тамбов попал. Шесть месяцев там был. Потом – в выздоравливающий батальон. Туда «покупатель» приезжает, спрашивает – кто в каких частях служил. Когда разведчиков спросили, я вышел. А мне справку уже дали, «годен к нестроевой». «Ты, – говорят мне, – в разведку не годен». «Почему?» «Бегать не можешь». Я говорю: «Вперёд могу бежать, назад нет». Побеседовали со мной. Взяли снова в разведку...

– Хотелось именно в разведку? – спросил я, думая про себя: «Вот герой-то!»

Но Илья Алексеевич, опять вроде бы усмехнувшись, спокойно сказал:

– Конечно... Хоть и пехотная разведка, а лучше, чем в самой-то пехоте на передней линии... Тут все-таки сутки отдежурил, сутки отдыхаешь...

– Четвертый Украинский фронт – Сиваш, Сапун-гора, Сахарная голова, Долина смерти, слышал? – Я кивнул в ответ. – Вот там я и продолжал после ранения.

Когда Сиваш взяли, он к Севастополю стал отступать, а мы было в упор его да гранатами... Война – или ты его, или он тебя... Одиннадцатого июня сорок четвертого мы поднялись на Сапун-гору. Оттуда нас сняли, дали отдохнуть, помыли в бане и перекинули на Третий Прибалтийский фронт. Паневежис брали, Шауляй. Снова ранили – грудную клетку пробило, лежал в госпитале в Полоцке. Дослуживал в Каунасе, оттуда и демобилизовался в ноябре сорок пятого года... Награды-то?.. Благодарность за Сиваш, Благодарность за Севастополь, Благодарность за Паневежис, Благодарность за Шауляй, «За боевые заслуги», «За отвагу», орден Славы...

– Ну, вернулся я в колхоз, в деревню Росликово, тут за леском. Двенадцать домов. Сейчас нету деревни, всё уж распаханно... Мать у меня была да четыре сестры... Так и остался в колхозе.

– Слышал, какая-то история была у вас?.. – решил задать я неудобный вопрос. Илья Алексеевич сразу меня понял, откликнулся озорно:

– И это знаешь?.. Было дело... Бывают в жизни огорчения, – смеётся. – Споткнулся неправильно и всё... Двенадцать лет дали... Нет, не колоски – поболе. Сталин-то помер – шесть годов сбросили. В Шексне я сидел, там разгружали баржи с песком да с камнем. Зачёты были, а работала моя бригада хорошо, так что из шести лет отсидел четыре... Работать надо везде. А шпане, карманникам всяким, спуску не давал... Вернулся домой в пятьдесят пятом – и всё в колхозе, в восемьдесят втором на пенсию вышел... Стаж-то? А считай, – в тридцать втором, в двенадцать лет пахать пошёл...

– Награды-то остались у вас?

– Меня когда арестовали, приехал милиционер из Кубенского... Я бы сам-то не отдал, а жена отдала – «За боевые заслуги», «За отвагу» и орден Славы – с концами. Почему забрали, не могу сказать, может, какое постановление было... Когда вернулся я и не хлопотал, орденская книжка есть...

– Сейчас-то как живётся?

– Ничего живётся... Пенсий хватает. Много-то нам нечего и покупать, – кивнул он на свою бабушку, тихонько присевшую у стола. – Восемьдесят семь годов так... Две дочери у меня, сын, два внука...

– Всю войну пришлось работать голодным, холодным, в пятнадцать годов подали вилы – стога метали, а топерь тракторам вон всё убирают так... Топерь молодёжь ничего не видала... – завздохала бабушка. Надо бы и с ней поговорить, да это уже, если будет, то другой разговор и в другой раз...

Я попрощался с Ильей Алексеевичем, вышел во двор, по расчищенной тропке вышел за калитку, к машине...

Десяток изб в заснеженном поле – это и есть деревня Харитоново... День солнечный, и всё искрится – крыши, промятая трактором посреди деревни дорога, заиндевелые кусты репейника... Вдали – черно-белая полоса леса. На снеговом одеяле в соседнем огороде синие вмятинки – заяц бегал... Наносит запах печного дыма... И тихо-тихо... Вот эта снежная тишина, этот дымок, эта вольная белая равнина и есть, Родина. Моя Родина. За неё воевал разведчик Черняев...

2. Не доживают, а живут

И вот, спустя несколько лет я снова в Харитонове...

Не сразу, но вспомнил, что бывал здесь лет пять назад, только не летом, а зимой. Встречался с ветераном войны Ильей Алексеевичем Черняевым. Нет уже в живых разведчика Черняева, браво рапортовавшего: «Пятьдесят первая гвардейская дивизия, отдельная двенадцатая разведрота...»

У крепкого дома, первого в сторону дороги и встречает меня Галина Александровна.

– Проходите, не ударьтесь, – входная дверь, как во всех старых домах, низкая – поневоле поклонисься.

Вадим Всеволодович Лепщиков ждёт нас в доме. Несколько лет назад он «обезножил», но не унывает, сидя на кровати здороваётся, приглашает к разговору.

Тут же и их дочь Светлана... И опять убеждаюсь, что мир тесен. Сын Светланы Вадимовны, Павел, когда-то тренировался у меня. (Кажется, это в какой-то другой жизни было, а ведь это я, а не кто-то другой лет пятнадцать работал тренером по самбо и дзюдо).

Так что Лепщиковы знают меня давно и не только как работника газеты «Маяк»...

Вадим Всеволодович родом отсюда, из Харитонова (родился в 1937 году).

– Начальная школа тут была, у Никольской церкви, потом в Кубенское ходил. Церковь рядом, на горе, вся разрушена, там и кладбище. Закрыли её в 1937 году. Дед мой там похоронен, но я не помню его, – рассказывает Вадим Всеволодович. – Местный колхоз сначала назывался «Ячейка», в него входили три ближних деревни, потом объединили с колхозом «Красная нива», потом уже с «Передовым»... Если услышите фамилию Лепщиков где-то – это всё наши родственники, большая семья была. Здесь в деревне было шесть домов Лепщиковых. А теперь остался я один...

– Уже три зимы вдвоём тут зимуем, – добавляет Галина Александровна.

Его отец, Всеволод Васильевич Лепшиков, до войны работал в Кубено-Озерском райкоме партии.

– После войны он опять работал в райкоме, – говорит Вадим Всеволодович, – а потом, было время, посылали в колхозы партийцев на усиление, и его сюда послали. Был председателем колхоза, бригадиром. Мать, Анастасия Ревокатовна, работала дояркой.

После окончания в Кубенской школе седьмого класса Вадим Всеволодович учился в Вологде в ремесленном училище № 3 по специальности рулевого-моториста. А затем много лет работал в Сухонском речном пароходстве, был помощником капитана. Проплыл по всем рекам и озерам не только Северо-Запада, но не раз и по Волге до Астрахани и обратно. Потом ещё на заводе «Техмаш» поработал... В 1988 году он вернулся в родную деревню,

– Умер младший брат, а родители были больные, вот и вернулся. В наследство от отца мне досталась пасека, 21 улей. Потом я уже до 50 ульев довёл. У меня была самая большая пасека в районе, даже больше чем у Яркина, – с гордостью вспоминает он.

К сожалению, уже третий год Вадим Всеволодович передвигается лишь в кресле-каталке. Ульи пришлось продать, остались три домика.

– Учиться приходилось пчеловодству или всё уже знали от отца? – спросил я его.

– Учиться надо всю жизнь! Выйдете на пенсию – обязательно заводите пчёл! Только сначала выучитесь.

Ну что ж: будет пенсия – буду думать...

Меня привлекают картины на стене комнаты: натюрморт, пейзаж... Вполне профессиональные работы.

– Это картина Бориса Петрова, – поясняет Светлана Вадимовна. – А это его брата Юрия. Он член Союза художников. Они местные, отсюда родом.

Позже я нашёл данные об одном из братьев-художников: Петров Юрий Николаевич, родился в 1937 году в деревне Харитоново Вологодского района, художник-живописец, член Союза художников СССР с 1970 года. Живёт и работает в Вологде с 1960.

– Вон дом, в котором Петровы жили, – показывает в окно Светлана.

И вновь убеждаюсь, что в каждой деревеньке был и есть свой герой, художник, поэт... В каждой!

Рассказала о себе и Галина Александровна. Она родом из Грязовецкого района, из деревни Панская Слободка. Отец – Большаков Александр Михайлович, мать – Большакова Александра Дмитриевна.

– Папу у нас очень часто переводили – из Панской Слободки в Семёнцево, потом ближе к Вологде – в Полтинино. Там мама почтой заведовала, а папа был председателем сельсовета. В 1941 году папу взяли на войну. Помню, как провозжали: папа нёс на руках двоих детей,

я за штанину держалась, а четвёртый ребенок ещё в животике был... Не вернулся папа, в 1943 году погиб под Ленинградом при прорыве блокады. В 1947 году был страшный голод, маму с полным истощением положили в больницу, лежала там два месяца. Спасла нас всех бабушка – забрала в город. Мы жили в бараке, там, где сейчас стадион «Локомотив». Жили на 14 метрах (2 маленькие комнатки) одиннадцать человек («удобства» во дворе) – и до чего были рады! Мама после больницы работала на льнокомбинате... Я не сетую на жизнь. Были и тяжёлые времена, конечно... У нас мама очень любила петь, любимая песня была «Дан приказ ему на запад...». И мы, сёстры, всегда пели, не унывали. Лепщиковы тоже все поют. Потому и живём!

Там, в том «счастливом» бараке и познакомились Галина Александровна и Вадим Всеволодович (в этом доме жили его родственники). С тех пор – уже 51 год – они вместе. У них дочь, внук, внучка...

– Сюда, в деревню, я переехала после мужа, в 1990 году... Вот так и получилось, что в 1947, голод нас выгнал из деревни, а в девяностом – пустые прилавки магазинов снова выгнали в деревню... Но в Кубенском я бывала еще в 1957 году. Я работала в детском саду, а раньше на лето вывозили детей из города на «дачи». Вот наш «водниковский» детский сад и ездил в Кубенское, жили в старом здании школы (это теперь за зданием музея). И не думала, что в этих местах снова окажусь...

Велик мир да тесен, всё взаимосвязано: думаешь, случайно встретил человека, а он становится твоей судьбой, кажется, никогда больше не вернёшься в какое-то место, а возвращаешься и вспоминаешь, и понимаешь, что всё, всё было и есть не случайно...

– Стали здесь жить, – продолжает рассказ Галина Александровна, – завели коровушку, потом и бычок появился, овцы остались от родителей.. Ну, конечно, огород, участок под картошку... Пасека. Когда тяжело стало держать корову, держали козу... Сейчас из скотины только куры да кошка...

Что поделаешь, если хозяин заболел. Но, как я уже говорил, не унывают Лепщиковы. Огород есть, и в огороде всё есть. Дочь помогает.

– В город не хотим. Дорогу к нам зимой чистят, продукты социальный работник два раза в неделю привозит из Кубенского... Яйца от своих куриц, овощи с огорода. Вот попробуйте клубнику...

Я попрощался с хозяином, и с хозяйкой и её дочерью мы вышли во двор, прошлись по огороду, мимо яблонь, под которыми стоят последние три улья (а может, внук Павел, продолжит пчеловодческую династию?). Вот липы, они посажены ещё в 1947 году Всеволодом Васильевичем специально для пчёл...

– Я люблю цветы. Вот ирисы, розы, ромашки, георгины, пионы, анютины глазки... Только снег растает – крокусы цветут, потом нарциссы., – говорит Галина Александровна. И вдруг продолжает – «Но даже здесь чего-то не хватает, не достаёт того, что не найти... Меж белых листьев и на белых стеблях мне не найти зелёные цветы...» Я читать люблю. Очень Рубцова люблю, – поясняет она. – Василия Белова всего прочитала, Шукшина. Александра Романова люблю, Яшина. Но самый любимый Рубцов.

Мы идём по деревне, мимо дома, в котором жил ветеран войны разведчик Черняев, мимо пустых домов... За деревней видны высокие деревья – там кладбище и разрушенная Никольская церковь...

– А моё любимое стихотворение Рубцова «Гололедица», – говорит Галина Александровна и читает (дай Бог каждому такую память в таком возрасте):

*«В чёрной бездне
Большая Медведица
Так сверкает! Отрадно взглянуть.
В звёздном свете блестя, гололедица
На земле обозначила путь...»*

Так странно и отрадно прозвучало среди лета, среди деревьев, цветов и травы это «зимнее» стихотворение Рубцова (впрочем, бывал ведь я здесь и зимой – всё закольцовывается в жизни!)...

Мы расстались, и вскоре наша «Нива» пылила по дороге от деревеньки Харитоново, в которой живут хорошие люди. Живут, а не доживают...

Профессор и поэт

*И вот мы возвращаемся в недалёкое Кубенское.
И ещё задержимся в этом бойком, торговом и богомольном,
богатом людьми и традициями, селе...*

1.

Я даже позволю себе вернуться назад. Дело в том, что ко мне в руки наконец-то попала книга «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. 1847 г.» С. П. Шевырёва, профессора Московского университета, литератора. Степан Петрович добросовестно описал весь свой путь от Москвы до знаменитой обители. Нас интересует участок от Спасо-Прилуцкого монастыря до Кубенского. Не буду повторяться и приводить здесь места, которые цитировал в своей книжке кубенский священник Н. А. Богословский...

Итак, Шевырёв писал (сохраняю некоторые особенности орфографии того времени): «Проезжая мимо села Прилук, прилегающего к монастырю Св. Димитрия, нельзя было не купить калачей, известных в народе под именем калачей Димитрия Прилуцкаго. Конечно, постный их вид и вкус дали им право на такое название...

Дорогой, в разговорах, с ямщиком я поверял особенные слова Вологодскаго уезда, напечатанные в описании Вологодской губернии Г. Пушкарева. Все эти слова оказались верными. Замечательно, что селитра здесь до сих пор называется емчуга... «В селе Кубенском рич другая», – сказал мне извозчик...

На расстоянии 27 верст от Вологды до села Кубенскаго, вы видите по дороге, в разных обителях, пустынях и селах, 17 церквей, которыя со всех сторон поднимаются к небу. Еще издали завидели мы озеро Кубенское, которое в длину простирается от 60 до 70 верст, в ширину от 8 до 12...

С. П. Шевырёв

В Кубенском добрый семидесятилетний старец, протоиерей Стефан Иванович Жиряев, теперь живущий на покое, принял меня со всем радушием истинно-русского гостеприимства. Семья благословенная. Один из сыновей его профессорствует в Дерпте, другой служил в Министерстве Народного Просвещения. Священником при церкви зять его, отец Александр, который и показывал нам всё примечательное по древности в двух храмах, холдном и теплом...

На колокольне главный колокол лит в царствование Елисаветы Петровны. Вид оттуда на озеро прекрасный. Двадцать две каменных церкви возвышаются вокруг. Видны села Устье и Святая Лука...

Озеро славится своею нельмушкой и сигаами, но красная рыба лучше в Белозерье. Кроме обыкновенной рыбы, ловится еще сорога, уклей, казарки. Есть особенные термины у рыболововъ Кубенских: «ятво» говорят они, когда попадает в невод много рыбы; «норость» значит у них, когда рыба мечет икру и трется...

Кубенцы (и то немногие) ловят только молей ершовых, окуневых, сорожьих. Сушеные моли – сушь (что в Москве называются снятками) продаются свыше рубля серебром за пуд...

Хорошую рыбу ловят не Кубенцы, а крестьяне других деревень около о. Кубенскаго. Озеро не состоит на откупе и в нем может ловить всякой, безданно-безпошлинно, с тех пор, как оно перестало быть собственностью Кубенцев. В старину собиралась с озера дань в казну; а когда оно стало собственностью Салтыковых, то этою данью пользовались Кубенцы. Они разъезжая по озеру, делали большия притеснения и обиды ловцам, не принадлежащим к их вотчине, брали тяжкия дани и т. п. Вероятно, с тех пор и стали они слыть у соседей головорезами. В Царствование Императрицы Екатерины, Великий Князь Павел Петрович, тронутый жалобами на разбойничество Кубенцев, ходатайствовал за обижаемых мужиков... Дело кончилось тем, что у Кубенцев озеро отнято и сделалось собственностью всех и каждого.

Кубенцы, кроме сельских работ, занимаются разными промыслами. Есть торговцы, промышляющие перевозкою клади из Рыбинска в Петербург на своих судах и по наймам; мясники, отправляющие зимою говядину в Петербург и на разныя ярмарки; торговцы рыбою по Москве – копчеными сельдями, навагой, снятками белозерскими и т. д. О мелких торговцах (по тамошнему «торгованах»), разъезжающих по Вологодской губернии, нечего и упоминать. Но не одни Кубенцы производят это движение: крестьяне окружных деревень принимают в том же деятельное участие. Промышленный дух оживляет все прибережное население озера.

Есть в селе примечательный обычай. Когда Кубенцы соберутся косить или жать, то, имея нужду в работниках или работницах, накануне торгового дня с вечера ударяют несколько раз в большой колокол на колокольне Ильинской церкви. Окрестные жители, по этому благовесту, немедленно являются на площадь посередине села, перед церковью, и тут нанимаются в работу у Кубенцев...

Вот еще примечательный сельский обычай. Передам его словами старушки и подражая ей выговору: «Когда коровонька первичка принесет, около рожков беленькую тасемочку обовьють и говорят: ты теперь маманька». При расчете старушка сказала: «Що, мой доброхот, сам положишь за всю сколоту». Под именем «сколоты» разумеются все хлопоты хозяйки»...

... Весьма интересные наблюдения, сделанные полтора века назад.

Обратил я внимание в приведённом тексте на упоминание сына священника профессора Жиряева. Нашёл сведения о нём в вездесущем интернете (в местной краеведческой литературе упоминаний о профессоре Жиряеве не нашёл). Что ж, кубяне могут гордиться ещё одним земляком: «Александр Степанович Жиряев родился 19 августа 1814 года в селе Кубенское Вологодского уезда одноимённой губернии в семье священника. В 1823 году поступил и в 1828 году окончил Вологодское духовное уездное училище. В 1832 году окончил Вологодскую духовную семинарию за свой счёт по классу словесности. Продолжил образование, окончив в 1838 году курс Главного Педагогического института в городе Санкт-Петербурге с золотой медалью.

12 января 1839 года Жиряев назначен старшим учителем русского языка и литературы в Дерптскую гимназию, а в 1842 уволен от этой должности и, с Высочайшего соизволения, командирован для усовершенствования в науках за границу на два года, с 1.04.1842, с содержанием по 900 руб. в год. «Для усовершенствования... по части законоведения» предписано Жиряеву, ехать «в Берлин, откуда... дозволяется, по истечении третьего полугодия, съездить в Прагу для изучения славянских древностей». Жиряев слушал лекции в Берлинском университете по философии и судебной медицине, затем отправился в Прагу и два полугодия, под руководством знаменитых В. В. Ганки и П. Й. Шафарика, изучал славянские наречия, особенно – чешский и сербский языки, а также юридические памятники, касавшиеся древнего славянского права, в Чешском музее. О результатах своего труда в Берлине и в Праге он представил, в виде отчетов, в журнале министерства народного просвещения. Затем, получив разрешение на продление командировки, отправился в Гейдельберг... Приказом министра народного просвещения 18.04.1846 Жиряев, по прочтении пробной лекции «О наследственном праве древних чехов и моравов» назначен исправляющим должность экстраординарного профессора по кафедре русского права в Дерптском уни-

верситете и 26.04.1846 он прибыл в Дерпт; Некоторое время, в 1848, он занимался практическими делами в Санкт-Петербургской уголовной Палате и тогда же осенью 1848 года выдержал в Петербургском университете экзамен на степень магистра, где 31 мая 1850 года защитил диссертацию по теме «О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении» (изд. в Дерпте, в 1850). После чего вернулся в Дерпт, где 12.12.1852 последовало назначение его исправляющим должность ординарного профессора по кафедре русского права. В 1856 в мае он получил степень доктора юридических наук после публичной защиты в Петербургском университете написанного им труда: «Теория улик» (изд. в Дерпте, в 1855); сочинение это было удостоено одной из Демидовских премий в XXV их конкурсе, причём разбор его был написан профессором Я. И. Баршевым (см. XXV присуждение Демидовских наград» 1856, с. 215–220). 14.05.1856 Жиряев произведён в чин статского советника, а в мае того же года, после защиты докторской диссертации в Петербургском университете, он был утвержден в степени доктора юридических наук. 27.06.1856 назначен ординарным профессором русского права в Дерптском университете, а 18.07.1856 был переведён в Санкт-Петербургский университет ординарным профессором по кафедре русского гражданского права. Однако, усиленные занятия по кафедре, к которой он, будучи специалистом по уголовному праву, не считал себя подготовленным, надломил здоровье добросовестного учёного, и он 12.12.1856 скончался от инсульта. Был погребён на Смоленском кладбище...»

2.

В двухтомной «Литературе Вологодского края», собранной и подготовленной к изданию С. Ю. Барановым, заведующим кафедрой литературы филологического факультета ВГУ, увидел я стихи абсолютно неизвестного мне поэта-кубянина Николая Дорогина. Сергей Юрьевич Баранов рассказал мне, что нашёл стихи этого автора и справку о нём в материалах известного фольклориста конца XIX – начала XX век П. А. Дилакторского...

Конечно, желающие могут найти книгу «Литература Вологодского края» в библиотеках (тираж её невелик), но и здесь я приведу справку об авторе и несколько стихотворений.

«Дорогин Николай Николаевич (1876–1903) – родился в крестьянской семье в с. Ирхине Вологодского уезда. Его отец был скупщиком рыбы («прасолом»). В 1888 г. Дорогин окончил Кубенскую центральную земскую школу. Он пристрастился к чтению книг и испытывал тягу к знаниям. Родители хотели определить сына в Вологодскую гимназию, но отказались от своего намерения, обнаружив у мальчика болезнь глаз. Ему пришлось стать помощником отца в торговле рыбой, а затем – сидельцем в винных лавках с. Кубенского.

Дорогин тяготился сознанием своей причастности к спаиванию народа, хотел сдать экстерном экзамены, чтобы получить право быть учителем начальной школы. Однако времени на серьёзную подготовку у него не оставалось. Доведенный до отчаяния, он застрелился в один из декабрьских вечеров на крыльце родительского дома. Стихи Дорогин писал с середины 1890-х гг., но печатать их не торопился. Известны три публикации его поэтических опытов: «Молитва» (Кормчий. – 1898. – № 23), «Ох, какое время...» (Вологодские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1899. – № 223) и «Памяти Евгения Светлозарова» (Северный край. – 1903. – № 163). Сведения о нем и автографы его неопубликованных стихов сохранились в коллекции П. А. Дилакторского (ГАВО, ф. 4389, оп. 1, ед. хр. № 337 и 369). Судя по пометам, известный краевед и библиограф готовил произведения Дорогина к изданию. Особый интерес с точки зрения краеведения представляет рукопись большой поэмы «Рыбаки» (500 стихов)».

Да, немного известно о поэте – уроженце деревни Ирхино, что близ Песочного и Кубенского... Совсем молодой погиб. Стихи писал в литературном отношении слабые... И всё-таки – жил человек, стремился к лучшей жизни, страдал, писал стихи. Разве этого мало, чтобы вспомнить о нём?!

Пусть он и вернётся стихами в родное Кубеноозерье...

Николай Дорогин

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

*Зари горит сиянье,
И вечер так хорош!
На улице гулянье
Играет молодежь.*

*Кружатся вихрем пары,
Гармоника поет,
Заводит тары-бары
Подвыпивший народ.*

*Красотка молодая,
Сорвавшись с места вдруг,
И «Сени» напевая,
Вошла с весельем в круг.*

Глазами водит бойко,
Плечами шевелит,
Играющим «Постой-ко!» –
Со смехом говорит.

И пляску начинает,
И ножку ножкой бьёт,
То бабочкой порхает,
То лебедью плывёт.

Как зарево, по щёчкам
Румянец разлился,
Под розовым платочком
Чернеют волоса.

Проворно из-под платья
Мелькает башмачок,
Раскрыл свои объятия
Шелковый поясок.

Глядят, как на картину
На пляску её все.
«Не ты лигнула спину
Вечор на полосе?»

Сегодня ж, не робея,
Забил нас вконец,
Спасибо, Палагея,
Не баба – молодец!»

По кругу голосисто
Гуторят мужики,
А месяц серебристый
Встает из-за реки.

РЫБАКИ

(фрагменты поэмы)

*Ярко солнышко сияет
В бездне неба голубой,
Кроткий луч его играет
На равнине водяной.*

*Надо всем крещеным миром
Воцарилась тишина,
И на озере бурливом
Не шелохнется волна.*

*Я на лодке выезжаю...
Недалеко от реки,
Под лесочком, замечаю,
Тоню тянут рыбаки. <...>*

*Поравнявшись с рыбаками
И причалив к ним челнок,
За мережей, поплавками
Стал следить я, сколько мог.*

*Невод плыл себе без стука
По равнине, как стекло,
Вдруг над матицею щука
Поднялась – и за крыло!*

*А за ней другая, третья...
«Что ты, Ванька, рот разел?
Отстегать тебя бы плетью,
Может статья б, поумнел! <...>*

*Рыбу вынули умело
И пошли по якоря...
Солнце той порою село,
В небе вспыхнула заря.*

*Даль зарделась голубая
Под сиянием ея;
В лодке, точно золотая,
Блещет рыба чешуя.*

*Поднимается сорога,
Изгибаясь в три дуги,
Бьются, прыгают в тревоге
Окунь, нельма и сиги,*

*Злая щука суетливо
Выползает на лещей,
Те ворочают лениво
Тушей толстою своей,*

*Ерш щетинится и хочет
Уколоть насмерть врага,
В воду выскочить хлопочет
Остальная мелюзга. <...>*

*Той порою засветили
На завале огонёк
И над ним закипятели
С свежей рыбой котелок.*

*Вдруг спустилась тень густая
На прибрежные кусты,
Стухла зорька золотая
В этом царстве темноты.*

*Темнота всё заливала,
Словно море-океан,
Челноков – как не бывало,
По воде пошёл туман. <...>*

*Даже озера прибою
Не слышать в ночной тиши,
Только глухо над водою
Шевелятся камыши. <...>*

с. Кубенское
7 сент. 1901 г. – 11 авг. 1902 г.

Село Песошное – деревня Песочное – Песоцкий монастырь

Едва успеешь за Кубенское выехать – мимо больницы, мимо отворотки к рыбзаводу, а вот уже и деревня Песочное. По левой стороне виднеются панельные дома (несколько лет назад мне случилось быть свидетелем прихода сюда газа, сам фотографировал, как зажигался голубой многолепестковый цветок на кухонной плите). Тут же и старые деревянные избы, а дальше вдоль дороги модные терема с обширными, закрытыми высокими заборами дворами. А по правой стороне дороги, сразу за речушкой, имя которой, как недавно узнал – Щепинка, развалины церкви Успения Пресвятой Богородицы.

Храм этот построен на месте бывшего Песоцкого монастыря, упразднённого ещё в XVIII веке.

Следовательно, и нынешняя деревня Песочное, была когда-то селом. Чему и нахожу подтверждение в очерке священника Иоанна Шадрина, описавшего село и храм в конце XIX века. Надо отметить, что в то время было много священников, хорошо писавших на краеведческие темы (хорошее образование давали духовное училище и семинария), например, Богословский в Кубенском, Непеин в Вологде...

Давайте же прочтём, что писал И. Шадрин.

«На самом берегу Кубенского озера, в юго-восточной его части, в полутора верстах от торгового села Кубенского и в тридцати верстах от города Вологды по Кирилловскому тракту, при самой большой дороге, стоит село Песошное. При выезде из села Кубенского в сторону Песошного глазам открывается широкая и в летнее время, особенно в ясную погоду, чудная картина.

----- Церковь Успения

Направо, куда первее всего направляется взор, сияет лазурное раздолье вод Кубенского озера, которое, начинаясь от села Кубенского, по правую сторону дороги, тянется далее к северо-западу, всё более и более расширяясь, пока не сольётся с горизонтом. Это громадное, чудное водное зеркало заключено в роскошные рамки зелени лугов и кустов, среди которых, подобно белоснежным раковинам, виднеются группы церквей и монастырей. И среди этой обширной, прозрачной лазури вдруг иногда покажется рыбацья лодка, как маленькая мушка на громадном стекле, за ней – другая, третья, а всмотритесь попристальнее, окажется и много таких мушек, то исчезающих, то выплывающих из лона вод.

Подул лёгонький ветерок, поднялись белоснежные паруса, и маленькие лодочки, как чайки, быстро понеслись к Каменному острову, который, как снеговая глыба, как меловая скала, чуть виднеется в синеватом тумане жаркого летнего дня... Это – рыбаки поехали «на замет». Или около противоположного берега, из-за кустов вдруг покажется беловатая струйка дыма – то пароход идёт из Сухоны в озеро. Потянется эта струйка, станет расти, расти и вдруг ясно, точно на близком расстоянии, увидишь белый корпус парохода, на котором хорошо видны и труба и колёса, хотя расстояние не менее десяти верст. Зимой здесь безбрежная, белоснежная равнина, за которою к северу чуть виднеются верхи церквей противоположного берега, и также эта равнина уходит в даль и сливается с горизонтом. Зимой здесь всё мертво и пустынно. Но лишь только начинается весна, – и снова эта пустыня оживает. С грохотом понесутся по озеру громадные льдины, то громоздьясь, то разбегаюсь, по берегу снова засуетятся человеческие фигуры, – то рыбаки выпешивают и починивают свои ладьи и пробуют первое рыболовство – ставят верши и мережки. Образовались закраины на озере, наступил вечер, – и озеро запылало, зажглось сотнями огней, точно оно и не озеро, а большая, широкая река, берега которой усеяны зажжёнными фонарями; это «ходят с лучем», – один из самых красивых способов рыболовства...»

Должен признаться – это одно из лучших описаний Кубенского озера, читанных мною. Сердце сжимается и от узнавания ставших родными мест, и от того, что многое уже и не так, по-другому... Да нет же – разве что изменились орудия лова, лодки на моторах ходят, а остальное – всё то же, и люди те же...

Читаю дальше: «От озера взор переходит на берег и прямо упирается в церковь села Песошного. Переходит он далее влево и останавливается ещё на двух церквах, более отдаленных и слегка задёрнутых тонким туманом, – Воздвиженской и Николаевской, что в Отводном.

Между церквами рассыпаны многочисленные деревни, в которых там и сям пестреют крашенные крыши житочных домов и заводов, зеленеют сады, а пред ними на первом плане стоят ветряные мельницы, которых, по причине отсутствия большой реки и водяных мельниц, особенно много в подозерье...»

Нет уж давно тех мельниц. «Церковь села Песошного» лежит в руинах, которые в последние годы начали хоть немного приводить в порядок добрые люди...

«Налево, под горою всего в каких-нибудь ста сажнях от церкви, журчит веселая и прозрачная речка Щепинка, она же и Богородская, через которую перекинут мост и идёт большая дорога. Прямо от берега поднимается склон, на горе стоит дом священника, а направо под горою раскинулся небольшой густо разросшийся сад – краса Песошного. В садике этом есть и яблони, и ягодные кусты, березы, черемуха, рябина, осины, тополи, калина. Насажены этот сад частью, именно яблони, умершим псаломщиком Григорием Голубевым, прослужившим на Песошном пятьдесят слишком лет, и Львом Четверухиным, сыном бывшего здесь священника Фёдора Четверухина. Всё это было в первой половине настоящего века, и саду этому уже более пятидесяти лет. Загороженная от большой дороги деревьями, церковь кажется точно стоящею в саду. Прекрасно дополняют эту картину и высокие волнующиеся нивы, и красивый на горе дом священника, и молодая берёзовая аллея, идущая от дороги к церкви, и недалеко расстилающаяся широкая гладь вод Кубенского озера, которое по южному берегу едва ли не ближе всех церквей подходит к Песошному. Весной, при разливе, воды озера доходят чуть не до самой ограды, и тогда церковь представляется с озера точно плавающею в воде...»

Спасибо тем, почти двести лет уж назад жившим людям: Григорию Голубеву, Льву Четверухину. Остатки насаженного ими сада и сегодня ещё угадываются вблизи храма.

«Достаточно еще прибавить для точности картины, что местность кругом безлесная, открытая, и что не только с Песошенской колокольни, но и с кладбища можно видеть невооруженным глазом около двадцати окружных церквей, считая в том числе три монастыря: Заоникиев, Александро-Куштский и Спасо-Каменный»...

«До второй половины прошлого века тут был Песочный монастырь. Немного об этом монастыре сохранилось письменных документов в архивах; немного и устных преданий... – читаем далее у И. Шадрина. – Первым по времени и полноте печатным известием о Песочном монастыре должно считать краткое описание его в «Истории российской иерархии» издания 1813 года, которое и привожу здесь: «Успенский мужеский монастырь, с 1764 года упраздненный, находился в уезде губернского города Вологды расстоянием от одного в 27 верстах к северо-западу на западном берегу озера Кубенского близ села сего же имени. Название его произошло от песчаного озерного берега, на коем он находился; а вначале его ничего не известно: но по примечанию должен быть древний. Здание в нем было все деревянное, но около 1760 года бывшим там строителем Дионисием выстроена великолепная двухэтажная каменная готической архитектуры церковь с приделами: положения ризы Богоматери и Св. Николая, с образца коей сей же строитель по упразднении одного

монастыря будучи переведен в Сямской монастырь выстроил и там таковую же церковь. До 1764 года Песочный монастырь имел 116 душ крестьян. По упразднении же, обращен в приходскую церковь около лежащих деревень и ныне церковь обнесена уже каменной оградой, а также пристроена к ней и колокольня».

Далее И. Шадрин приводит устную легенду об основании Песочного монастыря: «Монастырь был основан тем лицом, которому явилась икона Успения Богоматери, копия с которой и теперь хранится в теплом храме... Явление иконы не подлежит никакому сомнению, хотя о самом явлении опять же сохранилось одно лишь устное предание... По одним сказаниям, икона явилась ближе к озеру, в так называемых «исадах», то есть сенокосных пожнях, и найдена была на камне, на котором, по преданию, приплыла по озеру; по другим она явилась уже в монастырь и явилась не с озера, а «из горы», то есть, из береговой возвышенной стороны, по речке Щепинке, при чем были отмечены два пункта ее остановок. Так на месте первой остановки в деревне Щепине Ильинского Кубенского прихода и по настоящее время существует часовня, ранее числившаяся Песошенской, другой пункт у Сельца, тогда монастырского, а ныне деревни Песошенского прихода, отмечен был деревянным столбиком с иконой и кружкой. Ныне этот столбик нарушен, а вместо него уже на большой дороге, против церкви, устроена небольшая часовенка.

Но так как время явления иконы неизвестно, равно никто не может утвердительно сказать и того, что икона явилась уже в существовавший монастырь, то основательнее будет предположить, что явление иконы и было поводом к основанию монастыря и на месте явления ее был основан Песочный монастырь».

«О двухвековом существовании монастыря, известно очень мало. Прошлое его не отмечено никакими славными событиями... Жизнь его текла ровно и спокойно: жили иноки, трудились, служили Богу, молились за весь мир Божий, совершали милостыню и просвещали, сколько могли, светом учения Христова соседних жителей...»

Был монастырь разграблен, как и все селения и монастыри по старой Кирилловской дороге (да как и сама Вологда), в Смутное время XVII века «литовскими людьми» и «воровскими казаками». Шли они, грабя всё на своём пути до самого Кирилло-Белозерского монастыря, которого так и не смогли взять...

«Ко времени упразднения Песочного монастыря за ним числилось уже 60 дворов крестьянских с 116-ю жителями муж. пола, и при монастыре существовал приходский причт для исправления мирских треб. Вотчина состояла из семи деревень, впоследствии вошедших в состав Песошенского прихода: Ирхина, Манина, Тимофеева, Легкого, Титова, Селезнева и Дресвянки, теперь уже не существующей, и трех сел: Бузакова, Брелина и Сельца. Под селом Бузаковым было 144 дес. земли пахотной и сенокосной, на скотьем дворе стоя-

ло до тридцати лошадей и семидесяти коров. Под селом Брелиным числилось тридцать три десятины прекрасной пахотной и сенокосной земли, под Сельцом 120 десятин земли. Кроме этого, монастырю принадлежали богатые пустоши и пожни по берегам Кубенского озера...»

Нынче на этих землях хозяйствует сельскохозяйственный кооператив «Передовой» – наследник совхоза, колхоза, крестьянских и монастырских хозяйств. Жизнь лишь в чуть изменённых формах продолжается. Основа крестьянской жизни всё та же – земля. Ну, для кубян ещё и озеро – Божий подарок.

«Церковь монастырская и самый монастырь были не на том месте, где стоит теперешний храм, а на месте сада... И теперешняя церковь, как значится в описи от 1812 года, была заложена и строена еще при существовании монастыря около 1760 года...»

Теперь уже и от этой церкви развалины одни. Помнят люди, что была она, как и все сохранившиеся к тому времени храмы, и пересыльной тюрьмой, и складом...

А если ехать по этой дороге дальше и не сворачивать в Матвеевском, а проехать еще чуть вперёд, то и упрёшься в скромные дачные домики, среди которых и избушка с огородом, грядками и парниками друга моего, поэта Андрея Алексеева, для которого эти места тоже стали родными.

Давайте-ка его стихами и закончим этот отрезок пути по старой Кирилловской дороге...

Андрей Алексеев

ХОЖДЕНИЕ В ПРИЛУКИ

*На переезде встал автобус,
И я, билетик теребя,
Смотрю в окошко – стынет глобус
Под зябкой хмурью октября.
С тяжёлым грохотом в колёсах
Плетётся с севера состав,
Тревожа гравий на откосах
И лист на ивовых кустах.*

*Сегодня день провёл в Прилуках,
В святой тиши монастыря,
Просился к Богу на поруки,
Искал душе поводыря.*

*Крошил сухарь случайным птицам,
Рубцую свой душевный шрам,
Украдкой взглядывался в лица
Людей, крестившихся на храм,
Себя жалел и в нетерпенье
Был зол и даже осуждал
Тех, кто в церковном услуженье
Передо мной весь день мелькал.
В потоках мыслей зрели муки,
Медь колокольную круша.
Я согревал в карманах руки,
Но стыла в холоде душа.*

*Поднявшись тяжело с мокрой лавки,
Озябший, злой на целый мир,
Я вздрогнул – из церковной лавки
С улыбкой доброй, полный сил
Мальчонка – светлая головка
В сопровождении родни,
Сандалькой шаркая неловко
Переставляет костыли.*

*Господь! Спасибо за науку!
Прости за то, что отвлекал.
Осенней моросью Прилуки
Гасили мой стыдливый жар.*

***

*На полсотни втором километре
Есть деревня с названьем «Сельцо»,
Там ни в зное, ни в стуженом ветре,
Не меняет Россия лицо.
Там, латая простые одёжи,
И ступая в дорожную грязь,
На царя не имея надёжи,
Дело правят, Христу помолясь.
Там живут не во серебре-злате,
Не в пустой суете языка,
Там земля не иначе как – «матьерь»,
Там хозяином чтут мужика.
В деревеньке той спрятано семя
На потом у великой Руси,
Чтоб однажды, в здоровое время,
Было снова с чего прорасти.*

ГРОЗА

*Принимай, землячка, влагу,
Громыкнуло надо мной,
И с тяжёлой каплей рядом
Шлёпну пыльною ногой.
Ветер, злясь, в еловых лапах,
Загибая ветвь куста,
Притащил ядрёный запах
Тополиного листа.
Прислоняясь к стене сарая,
Замирая в каждый гром,
Крестным знаменьем спасаю
Своё грешное нутро.
И, вдыхая свежесть луга,
Понимаю, как важна
Радость грозного испуга
Для живого существа.*

Спас-Камень

...Идёшь ли, едешь ли по старой Кубенской дороге от деревушки к деревушке, от церковки до церковки, вдоль синего Кубенского озера – всё Россия, всё Русь корневая... Когда зазвучала на нашей земле русская речь? Когда облюбывал для жизни и труда эти края русский язык, то есть народ? Бог знает... Археологические же раскопки говорят, что уже и тысячу лет назад здесь, рядом с финно-угорской «весью», жили славяне. Так же, как и нынешние жители этих мест, они сеяли и выращивали ячмень, овёс и лён, ловили рыбу, строили и украшали свои жилища, пели песни...

В этих краях, в сёлах Кубенском, Несвойском и окрестных деревнях собирал песни, потешки, пословицы и поговорки известный русский фольклорист Н. А. Иваницкий (1847–1899). Он одним из первых отметил появление в народе частушки.

Вот для примера зачин одной из песен из собрания Н. А. Иваницкого:

*Высоко под облачком летает сокол,
Белая лебёдушка повыше его.
Сокол у лебёдушки выпрашивает:
«Где же ты, лебёдушка белая, была?..»*

Так и вспоминается «Соколонька» современной русской поэтессы Ольги Фокиной:

*Был у меня соколонька
Светел да ясноглаз,
Там, где другому полынья,
Этому – мост и наст,
Там, где другому горюшко,
Этому трын-трава,
Был у меня соколонька,
Светлая голова...*

А вот ещё несколько строчек из собрания Иваницкого:

*Ты, товарищ братец мой,
Не поедешь ли сего лета домой?
Скажи девушке нижающий поклон,
Не ждала бы сего лета домой.
Сего лета да холодныя зимы.*

*Замерзали все болота и ручьи,
Становились быстры реки глубоки,
Нельзя молодцу ко девушке пройти...*

И будто ответом на старинную песню звучат нынешние кубенские частушки:

*Я сегодня рано встала
И садилась на кровать.
Только глазки открывала,
Начинала тосковать.*

*Скоро-скоро снег растает,
Потечёт с горы вода,
Поодумается дроля,
Пожалеет и меня.*

*Я не верила – пришёл!
Не верила – а подошёл!
Я не верила тому,
Что негде взяться милому.*

...О многом передумаешь в дороге. Тем более, когда идёшь-едешь по такому древнему пути, как «старая Кубенская». Вот миновали уже Кубенское, Песочное, впереди Воздвиженье... А справа всё озеро, а в озере в хорошую погоду всегда виден белый кораблик Спас-Камня...

Крохотный островок, на котором когда-то появился монастырь, оставивший глубокий след в истории России, потом разорённый, а ныне возрождающийся.

Однажды, давно уже, мы плыли к Спас-Камню на моторке. Посреди озера мотор заглох. Пока хозяин лодки возился с мотором, я сел за вёсла... А тут и ветерок подул, разгоняя волну вдоль озера. Уже и не по себе было...

– Смотри, смотри!.. – жена подаёт мне бинокль. Не вижу ничего – только волнистая рябь воды... Убираю от глаз бинокль. Как уплотнение тумана, что-то ещё нечёткое, неясное кажется мне впереди. И я всматриваюсь туда... А как всматривались, наверное, сотни лет назад, со своих лодчонок и судов, застигнутые разыгравшимися волнами посреди озера наши предки. И ждали спасительного Спас-Камня. Сам этот каменный остров – спаситель в земной жизни, но Спас – это, прежде всего, Спаситель душ наших... И я уже вижу свечу колокольни над черной полоской суши. Она всё приближается – и виден уже каменистый, почему-то розово-красный берег и купол в золотых звёздах, и крест над куполом. И уже различимы руины порушенных святынь и деревянная часовенка... Я опять берусь за весла, и мы причаливаем...

Здесь бывали Великие князья. Здесь жил и трудился великий книжник своего времени Паисий Ярославов. Значение трудов Паисия Ярославова велико и для всей России, а для Кубеноозерья оно огромно. Здесь, на Спас-Камне, была одна из крупнейших в средневековой Руси библиотек, именно здесь, в стенах монастыря, омываемых волнами Кубенского озера, слышали крестьяне береговых деревенок книжное слово, видели саму книгу...

В «книгохранительной палате» Спасо-Каменного монастыря даже после опустошительного пожара 1472 г., по переписи 1670 г., хранилось 364 книги, из них только 66 книг были печатные. Среди древних письменных памятников 6 книг были «на харатье», то есть на пергаменте.

Именно Паисий Ярославов написал «Сказание о Спасо-Каменном монастыре». Но сначала давайте вспомним, кто такой был сам Паисий...

Паисий Ярославов (ум. 22 или 23 XII 1501).

Игумен Троице-Сергиева монастыря, автор Сказания о Спасо-Каменном монастыре, постриженником которого он был. Учеником Паисия Ярославова был великий русский святой Нил Сорский.

Кроме своей литературной и церковной деятельности, Паисий Ярославов известен как видный политический деятель своего времени.

Когда в 1446 г. изгнанный из Москвы Шемякой Василий II Васильевич Темный приплывал в Спасо-Каменный монастырь молиться о возвращении ему великого княжения Московского, он мог встретить и узнать там Паисия. С Паисием тогда же мог сблизиться его сын, пятнадцатилетний Иван III Васильевич, который в 1452 г. ещё раз посетил монастырь после карательной экспедиции в земли Шемяки. Во всяком случае, став великим князем,

Иван III выказывал Паисию свое уважение, в частности, просил его крестить своего сына Василия III (1479 г.). О том, что Паисий был «приемник великого князя Василия от святых купели», известно из «Письма о нелюбках». Это Письмо говорит также, что старцев Паисия и Нила «князь великий держал в чести в велице». В 1479 г. Паисий стал игуменом Троице-Сергиевой лавры, но уже в 1481 г. отказался от игуменства и, вероятнее всего, вернулся в Спасо-Каменный монастырь, незадолго до того погоревший, и именно тогда написал о нем последнее известие в Сказании о построении каменной церкви (датировано как раз 1481 г.). В 1484 г. Паисий снова был в Москве, где великий князь Иван III Васильевич тщетно уговаривал его занять место вызвавшего княжеское неудовольствие митрополита Геронтия. В 1490 г. Паисий Ярославов и Нил Сорский, учитель и ученик, участвовали в соборе против «жидовская мудрствующих» новгородско-московских еретиков в Москве.

Умер Паисий в Москве, по одним данным, «в лето 7010 декабря 23 в четверток в час дни», по другим – «Паисей преставися месяца декабря 22 в четверток на втором часу дни или на 3-ем, десятого лета». Более точной из этих записей считается первая, так как 22 декабря в 1501 г. было не четвергом, а средою.

Сказание Паисия о Спасо-Каменном монастыре известно, по крайней мере, в шестнадцати списках XVI–XVIII вв. Сказание изобилует хронологическими неточностями. По-видимому, составитель использовал не только письменные источники, но также устные монастырские предания и собственную память.

Сказание является ценным источником сведений по истории Спасо-Каменного монастыря, а также по истории монастырской колонизации и христианизации Вологодского края; оно содержит сведения (легендарного характера), объясняющие некоторые топонимы вологодской земли.

«СКАЗАНИЕ О НАЧАЛЕ КАМЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ, ЧТО СТОИТ НА КУБЕНСКОМ ОЗЕРЕ, И О ПЕРВОНАЧАЛЬНИКАХ ЕГО, – ПРИСНОПАМЯТНЫЙ СТАРЕЦ ПАИСИЙ ЯРОСЛАВОВ НАПИСАЛ ПОСЛЕ ПОЖАРА КАМЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ, ИЗ СТАРЫХ КНИГ СОБРАЛ»

В 6849 (1341) году при великом князе Иване Даниловиче князь Глеб Борисович, внук князя Константина Ростовского, Всеволодовича, пошёл на Белое озеро в свою вотчину, и из Белого озера пошёл к городу Устюгу в судах рекой Порозобицею в Кубенское озеро. И стоял в судах у озера десять дней из-за волнения великих волн на озере. На том месте стоит церковь Антония Великого, где князь стоял.

Когда же волны успокоились, князь пошёл по великому озеру. И когда был на Карачёвской пучине, промыслом Божиим поднялась большая туча с западной стороны с великим ветром, с громом и молниями, так что князь суда начали покрываться волнами. Князь же стал молиться Богу со всеми своими людьми, чтобы Он избавил его от такой беды, захватившей его, и обещал поставить церковь во имя того святого, в чей день его принесёт к берегу, и монастырь устроить.

Изволением же Божиим принесло его к острову, называемому Каменным, августа в 6 день. А на том острове проживали иноки пустынножители, состарившиеся за много лет в подвигах духовных. Число

же их было двадцать три. А церкви у них не было из-за скудости их имущества и из-за нападений неверных людей. Ибо тогда ещё не все приняли святое крещение, но множество неверных людей жило у великого Кубенского озера по берегам. Был у них только молитвенный храм, то есть часовня, и, там собираясь, иноки молитвы воссылали Богу втайне.

Князь же пристал к Каменному острову и увидел, что по устроению Божию это произошло. И пожелал исполнить свой обет, что обещал Господу Богу, повелел поставить деревянную церковь во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, славного Его Преображения. И украсил её иконами и книгами, и монастырь устроил, и старейшинство в том монастыре вручил богобоязненному старцу, именем Феодору, – строить тот монастырь, и дал довольную милостыню на строение того монастыря. И с тех пор монастырь прозвался Каменным.

И оттуда пошёл князь по Кубенскому озеру к великой реке Сухоне, что течёт из Кубенского озера в Студеное море-океан, впадая в него своим устьем от начала мира. И пришёл к полуострову Кривой Луке, вокруг которого – около двух поприщ; а поперёк – как бросить камнем. Князь же перекопал, и потекла тем рвом великая река Сухона. И крест поставил там. И с тех пор называется Княже-Глебова прость. И оттуда пошёл к реке Вологде, и там также перекопал и крест поставил. И с тех пор также называется Глебова прость и до сего дня.

О ИГУМЕНЕ ДИОНИСИИ ЦАРЕГРАДСКОМ

Спустя же многие годы, в правление великого князя Дмитрия Ивановича Донского, пришёл некий старец из Царьграда в Москву, пострижение имевший в Святой Горе, именем Дионисий. Князь же великий принял его с великой честью и повелел дать ему келью у святого Богоявления в Москве. В то же время пришли старцы Каменского монастыря к великому князю просить игумена себе на Каменное. Князь же великий дал им игуменом этого старца Дионисия, пришедшего со Святой Горы. И он стал первым игуменом на Каменном, и прожил в игуменстве довольно лет, тело своё изнуряя постом и молитвами и всякие пути добродетели проходя. И стекались к нему отовсюду люди, желая жить с ним, подражая его доброй воле. И собралось множество братии. И он украсил церковь и иконами, и книгами, и всякими красотами, и передал монастырю устав Святой Горы. И распространялась великая слава о нём повсюду, даже до самодержца.

О ПРЕПОДОБНОМ ДИОНИСИИ ГЛУШИЦКОМ

Пришёл некий юноша именем Дмитрий из города, называемого Вологда, и стал молить Дионисия со слезами, дабы его постриг. Игумен же, видя его прилежное моление, постриг его и нарёк ему имя Дионисий, и отдал его духовному старцу – научить его иноческому житию. И он прожил в послушании девять лет в посте, в молитвах и слезах, не изменяя своего правила. А потом благословился у игумена безмолвствовать наедине. Игумен же Дионисий благословил ученика своего и отпустил его. Он же, обходя вокруг Кубенского озера, ища, где бы ему найти подходящее место, и пришёл в место, называемое Святая Лука, и там нашёл запустевший общежительный монастырь, и церковь там упала, не оберегаемая никем. Церковь же та называлась прежде «Евангелист Лука». И потому всё то место зовётся Святая Лука. Дионисий же на том месте устроил монастырь и поставил церковь во имя Чудотворца Николы, которая существует и доныне. Сам же отошёл поприщ на пятнадцать и там монастырь поставил во имя Пречистой Богородицы, славного Её Покрова.

ОБ АЛЕКСАНДРОВОЙ ПУСТЫНИ, ЧТО НА КУШТЕ

Потом пришёл на Каменное в монастырь к игумену Дионисию некий юноша именем Алексей из города, называемого Вологда, и молит его одеть во иноческий образ. Игумен же не презрел его моление и повелел одеть его в иноческий образ. Нарек его Александром и отдал старцу благоговейному научить иноческим делам. И он много лет прожил в послушании. Прочее же после скажем об Александре.

О ВОЗВЕДЕНИИ НА ЕПИСКОПСТВО ИГУМЕНА КАМЕНСКОГО ДИОНИСИЯ В ГОРОД РОСТОВ

В 6900 (1392) году великий князь Василий Дмитриевич, сын Донского, вспомнил о Дионисии, игумене Каменского монастыря, и понудил его воспрять Ростовскую епископию. И тот, не имея возможности послушаться самодержца и священного собора, принимает Ростовскую епископию и поставляется рукоположением Фотия, митрополита всея Руси.

А в то время в Ростове и окрестных городах и всях был мор на людей. Владыка же Дионисий, придя в город Ростов со всем освященным собором, отпев молебен и воду освятив, окропил людей. И с того времени прекратилась у людей смертоносная язва.

На место же своё он поставил своего ученика, Иллариона именем, мужа добродетельного, того же монастыря постриженника. В Ростове же прежде него был епископ Григорий, и преставился.

ОБ ИГУМЕНЕ ДИОНИСИИ ГЛУШИЦКОМ

Во время правления престолом города Ростова епископа Дионисия пришёл к нему вышеупомянутый ученик его Дионисий принять благословение. Епископ же, поучив его духовно, благословил его и дал ему икону Пречистой Богородицы с предвечным Младенцем и иную утварь, каковая потребна в церкви, и отпустил его с миром.

После этого пришёл к нему из Каменного монастыря вышеупомянутый ученик его Александр, прося у него благословения, желая создать обитель на реке Куште на краю Кубенского озера. (Именно из этой обители уже в наше время перевезли в Спасо-Прилуцкий монастырь, после организации там музея, деревянную шатровую церковь – Д. Е.) Епископ же Дионисий, духовно поучив его, благословил его и дал ему всё потребное для устройства пустыни. Александр же, приняв благословение, ушёл. И начал он строить пустынь, и много лет пожил в ней, и преставился к вечным обителям. И положено было тело его в той же пустыни на Куште. И по смерти его много исцелений бывает у гроба его у проходящих с верою. Место же то называется Александрова пустынь.

Преставился епископ Дионисий в 6903 (1396) году октября в 18 день, при великом князе Василии Дмитриевиче, сыне Донского. И положено было тело его в церкви Святой Богородицы в Ростове. Этот Дионисий был первым епископом из Заволжской земли.

В 6955 (1447) году из-за наших грехов князь Дмитрий Шемяка, Юрьевич, изменил крестное целование великому князю Василию Васильевичу и благоверной княгине Марье и детям их, свел великого князя с великого княжения Московского и дал ему Вологду. И немного побыв в Вологде, приходил князь на Каменное в монастырь молиться, со своей великой княгиней и с детьми своими, и братию кормил, и милостыню дал обильную. Игуменом же

был тогда Евфимий на Каменном. Тогда же и пришла к нему первая радостная весть, что идут к нему многие князья и бояре служить, желая его видеть на великом княжении. И поставил князь великий с великой княгиней и с детьми чудотворную икону Спаса Эммануила, что была принесена его деду, великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому, из Царьграда, в церкви Святого Спаса в монастыре на Каменном. И от той иконы бывают великие чудеса и знамения людям, с верою приходящим, и больным исцеления и до сего дня. И другую икону поставил он, Пречистой Богородицы Одигитрии с предвечным Младенцем, сыном Её и Богом, в той же церкви, что и ныне нами видима. И повелевает, а при этом и молит князь великий с великой княгиней и с детьми, чтобы игумен с братией молили Бога и Пречистую Богородицу, чтобы его сподобил Он быть на своей отчине, на великом княжении Московском. И отсюда пошёл в Кириллов монастырь, и на Белоозеро, и в Тверь. И с Божией помощью дошёл он до отечества своего, великого княжения Московского, и сел на великом княжении Московском и вся Руси вместе с благородным сыном своим, великим князем Иваном Васильевичем вся Руси.

А князь Дмитрий Шемяка из Москвы побежал в Галич. А князь великий Иван Васильевич да царевич, пойдя на Кокшенгу, городки их взяли, а землю их пленили, и возвратился царевич к отцу своему, побыл на Каменном в монастыре, и литургию слушал у Спаса, и хлеб ел, и отсюда пошёл к отцу своему в Москву в 6960 (1452) году и сказал своему, что был у Спаса в Каменном монастыре. Был же тогда князь великий Иван пятнадцати лет возрастом. Князь же великий Василий Васильевич со своей благородной великой княгиней Марьей и с детьми своими исполнил обет свой, дал село Покровское над речкою Пучкою в монастырь на Каменное Спасу и Пречистой Богородице по своём роде, по великим князьям и великим княгиням. А великая княгиня Марья взяла монастырь Николы Чудотворца Святую Луку с деревнями и угодьями у Борисоглебского монастыря и дала в дом Семейлостивому Спасу на Каменное по своей душе и своём роде, по великим князьям и великим княгиням. А за святую Луку дала к Борису и Глебу деньгами. Да великая же княгиня дала в Засодимье село Воздвиженье Честного Креста на Каменное же, и с деревнями, и с угодьями.

О ИГУМЕНЕ КАСЬЯНЕ

Игумен Касьян Каменский и в Кириллове монастыре игуменил много лет, и житию Кирилла чудотворца был свидетель. За некой же надобностью князь великий Василий Васильевич и митрополит Иона посылали его в Царьград дважды по церковным делам к патриарху. И когда он пришёл из Царьграда в Москву, князь великий Василий Васильевич почтил его за службу и, дав ему довольно требующегося для монастыря, отпустил его на место его пострижения, на Каменное.

И пришёл к нему благоверный князь Андрей, сын князя Дмитрия Заозерского, двенадцати лет, чтобы постричься. Игумен же Касьян постриг его, и нарёк ему имя Иоасаф, и отдал его духовному старцу научить его иноческому житию. И пожил он у старца в послушании и в покорности, в посте и молитвах пять лет, и преставился. И положено было тело его в деревянной церкви поверх земли. И лежало тело его в церкви до пожара много лет целым и невредимым, и ко гробу его приходящие, одержимые различными недугами, бывали здоровыми, особенно же у больных студёным недугом, лихорадкой великое исцеление бывает.

Игумен же Касьян через непродолжительное время преставился в месте своего пострижения, на Каменном, и положено было тело его с южной стороны церкви. И по преставлении его просветилось лицо его, как солнце, – при великом князе Иване Васильевиче всея Руси.

О ПОЖАРЕ КАМЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

В 6985 (1476) году сентября в 3 день попущением Божиим из-за наших грехов погорел Каменный монастырь: церковь сгорела со всеми украшениями, и с чудными иконами, и с книгами, и со всей кузней, и трапезная сгорела, и кельи все. И тело блаженного князя-инока Иоасафа, сына князя Дмитрия Заозерского – оно лежало в деревянной церкви – тоже сгорело. И из старцев, и из слуг, и из работников много погорело. А иные прыгали в суда, чтобы избежать огня. И тогда буря великая была, и тех потопило в озере волнами. А иных Бог сохранил от сожжения огнём и от утопления, от неожиданной смерти.

К мощам же блаженного старца князя Иоасафа и ныне с верою приходящие, всякими недугами одержимые, исцеление получают от мощей святого.

О ПОСТАВЛЕНИИ КАМЕННОЙ ЦЕРКВИ

В 6989 (1481) году благоверный и христоробивый князь Андрей Васильевич Меншик Вологодский воздвиг чудную каменную церковь на Кубенском озере в монастыре у Всемилостивого Спаса на Каменном, где, в той земле, от начала мира ничего не бывало каменного из храмов, поскольку земля эта удалённая. Стоит же остров от берега, в ближнюю сторону в семи верстах. Камень же возили из Твери и из Старицы-городка, Монастырь же этот с древних времён называется «Каменное».

В 7057 (1549) году поставлена была церковь тёплая Успения Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

В 7066 (1558) году поставлена была тёплая церковь Успения Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

В 7069 (1561) году привезли колокол из Москвы на каменный месяца декабря в 17 день, на память святого пророка Даниила и трёх святых отроков, при игумене Афанасии. А мастер Лука Москвитин.

В 7079 (1571) году мор был во всём Вологодском уезде от месяца июня до месяца октября.

В 7051 (1542) году месяца августа в 1 день, на Происхождение Честного Креста Господня заложена была церковь у Спаса на Каменном Успения Пречистой Богородицы с трапезной, каменная, при державе великого князя Ивана Васильевича вся Руси, при митрополите Макарии, при архиепископе Алексее Вологодском и при игумене Пимене Каменском. А заложил церковь мастер Пахомий Горяинов, сын Григорьев, Царева, ростовец. А завершена была церковь в 7057 (1548) году на Успение её, при великом князе Иване Васильевиче вся Руси, при митрополите Макарии, архиепископе Киприане Вологодском и при игумене Иринеархе Каменском. А завершил церковь мастер Григорий, Борисов сын».

...Всё было порушено на Спас-Камне, кроме колокольни, которая использовалась, как маяк. Она и сейчас остаётся маяком веры и спасения. Преображенский собор, – первое во всем Заволжье каменное здание – представляет собой груды обломков, но, возможно, именно под этими обломками и покоятся могилы здешних подвижников. Разрушен был и восстановленный ныне братский корпус, теперь в нём находится самодеятельный музей Спас-Камня.

Но место упокоения одного из подвижников этого монастыря известно точно. В 2004 году ушёл из жизни Александр Николаевич Плигин – удивительный человек, вологодский архитектор, он практически в одиночку с конца восьмидесятых годов начал непосильное, казалось, дело – восстановление Спасо-Каменного монастыря. Теперь уж он навечно остался здесь. Его могилка под православным крестом находится рядом с часовней, которую он же когда-то, по обету, и срубил «обыдень», то есть за один день.

А продолжила дело возрождения Спас-Камня Надежда Александровна, вдова и наследница дела Александра Плигина. Теперь уже ей помогают и профессиональные реставраторы, и добровольные помощники. Возрождается и монашеская жизнь – здесь трудятся монахи и послушники Спасо-Прилуцкого монастыря...

...И только когда подойдёшь к самой кромке берега, понимаешь, почему он издали кажется красным: большинство камней, усеивающих его – обкатанные водой обломки старинных кирпичей...

Русские судьбы

«Может, Россия и существует только в неистовой нашей любви к ней? Может, наша верность и любовь ко всему русскому и есть сама Русь, Россия? Ведь нельзя же не признать, если взглянуть строго, что той Руси, которая существовала исторически, нынче уже, как ни желей и как не жалей, нету... А может, она всё же есть и ныне такая, какой была, только нами пока не увиденная: устали наши глаза, оглохли уши, очерствели сердца. Потому и не зрим её...»

А. Романов

1. Тошаков из Матвеевской

За Песочным, перемахнув почти незаметный ручей, дорога вскоре сворачивает влево, отклоняется от озера. Тут уже и дома деревни Матвеевская. Деревня старая и дома настоящие, из той, настоящей деревенской жизни – с дворами, палисадами, огородами, расположенными по положому скату к ручью... По большей части это теперь дачные угодья. Приезжают люди летом, живут в своих наследных домах, возвращаются в городские квартиры...

Здесь родился и жил писатель Николай Аркадьевич Тошаков.

Ещё и сегодня живут в Матвеевском Тошаковы, родственники писателя.

Биографических данных о Николае Аркадьевиче Тошакове очень мало. В писательских справочниках приводятся слова из собственноручно написанной Н. А. Тошаковым автобиографии к сборнику «Писатели-ленинградцы – фронту»...

Он родился 26 января 1902 года в деревне Матвеевская на берегу Кубенского озера в семье крестьянина. Образование получил в церковно-приходском двухклассном и высшем начальном училищах, затем учился в железнодорожном училище, но оставил его из-за отсутствия средств. После революции работал в Вологде, сначала подручным слесаря в железнодорожном депо, а позже помощником машиниста. Окончил физико-математический факультет Вологодского педагогического института, работал учителем в Карело-Финской ССР, в Вологодской области, в Ленинграде.

Первая книга Николая Тошакова «Учитель» вышла в Москве в 1931 году. Вскоре там же были изданы его роман «На рельсах» и книга «Последняя магистраль».

Участвовал в Великой Отечественной войне, был артиллеристом. Прошёл боевой путь от Орла до Будапешта. После войны Н. Тошаковым написан цикл рассказов «Из записок сержанта» и повесть «Чарома», рассказывающая о возвращении в родную вологодскую деревню демобилизовавшегося фронтовика. Эта повесть стала самым известным его про-

изведением, издавалась отдельной книгой. А. Сотников в сборнике «Очерки о писателях-вологжане» (1947 г.) писал: «Писатель Тощаков, наш земляк, работающий в Ленинграде, хорошо знает жизнь и быт северной деревни. Он написал поучительную книжку о послевоенной жизни колхоза, о том, как принимаются в нём за дело вчерашние фронтовики».

В последние годы жизни писатель работал над повестью о Гражданской войне «Крутая волна» и большим романом о послевоенной деревне «На большой дороге», который дописать не успел (отрывки печатались в газете «Красный Север»). Умер Н. А. Тощаков 15 октября 1953 года в Ленинграде, похоронен на Серафимовском кладбище.

В середине деревни Матвеевской, как указатель – толстая сосна с широкой кроной. От неё дорога вновь поворачивает вправо и тянется вдоль озера... Дорога здесь для машин уже почти не проезжая, едва угадывается, а раньше именно на этой дороге стояли деревни Лахмино, Обросово, Евлашево (к ним есть съезды от трассы Вологда–Кириллов).

И мы не рискуем ехать просёлком и выезжаем на новую трассу, едем в сторону большого села Воздвиженья...

Переезжаем по мосту через речку Шую, вот и указатель «Евлашево».

Однажды мне довелось побывать и в этой деревне. Познакомился там с обычными для этих мест очень хорошими людьми. Таких и большинство здесь...

2. Судьба на двоих

Евлашево – деревня в паре километров от села Воздвиженья, в километре от Кубенского озера. Постоянно живут в ней пять человек. Летом же деревня полнится дачниками – и в старые родовые дома приезжают, и новые строят – место красивое, тихое...

Гамануил Николаевич и Валентина Николаевна Беловы живут здесь с 1964 года.

Валентина Николаевна родом из Кубенского. В 1941 году, когда отца забрали на фронт, ей было семь лет.

– В ноябре 1941 года отца забрали на фронт, в декабре получили от него письмо, оказавшееся и последним. На все запросы отвечали, что пропал без вести. Только в конце войны пришла бумага, что погиб в декабре 1941 года в районе Тихвина. Тяжело жили – мама работала в тресте «Заготскот», получала мало да крохотная пенсия за отца. Но троих детей вырастила, выучила... – рассказывает Валентина Николаевна.

Кстати, её сестра Зинаида в этот день была в Евлашеве. Она уже давно живет в Рыбинске, но тянут родные места, купила дом в Кубенском, разумеется – частый гость и в Евлашеве...

«Валя – моя старшая сестра, она меня нянчила, водилась со мной...», – вспоминает Зинаида Николаевна.

После окончания семилетней школы в Кубенском Валентина поступила в Вологодское педучилище, после окончания которого ее направили работать в школу в село Старое Усть-Кубинского района (другой берег Кубенского озера). В школе учились ребята из детского дома. «Трудно было. Мне ведь еще девятнадцати не было, когда начала там работать», – вспоминает Валентина Николаевна. Четыре года она работала там.

– Можно было отработать три года, но школа начальная – четыре класса, пока не выпустила детей, не уехала.

Там-то и встретила Валентина Николаевна судьбу свою – мужа Гамануила Николаевича. И стала одна судьба – на двоих.

Разговаривая с Гамануилом Николаевичем, не мог не спросить о необычном его имени.

– Дедушка, бабушка и тетя в Чиркове жили, верующие были. Там в церкви служил священник Гамануил. Вот, говорят, что в честь него и назвали. А наша семья жила в деревеньке Рябиха, недалеко от Старого села, это километров двадцать от Устья Кубенского. Между прочим, Тимониха – родина Василия Белова – в семи километрах от нас, и мы были знакомы ещё в детстве, во время войны. Но мы не родня, однофамильцы.., – рассказывает Гамануил Николаевич.

Его отец тоже погиб в 41-м году: в июле призвали на фронт, а уже в августе пришла на него похоронка... После школы Гамануил Николаевич учился в ФЗУ, получил специальности столяра и плотника. Затем в армии освоил профессию шофёра. Отслужив три года, вернулся домой – тут-то и встретил молодую учительницу родом с противоположной стороны Кубенского озера...

С жильём и в те времена было плохо, а молодым хотелось жизни самостоятельной. И поехала Валентина Николаевна в родное Кубенское, попросила в РОНО направление на другое место работы. Так и оказались Беловы в деревне Гуреево Нефёдовского сельсовета, где Валентина Николаевна работала заведующей местной школы (вела и уроки в двух классах). Гамануил Николаевич работал в совхозе. Здесь и их первая дочь родилась.

Потом жили в деревне Матвеевская (не та, в которой родился Тощакон) близ Нефёдова, где совхоз выделил им квартиру. Гамануил Николаевич с бригадой и строил тот дом. Валентина Николаевна работала уже в Нефёдовской школе учителем и старшей пионервожатой. Тут родилась вторая дочь.

А в 1964 году Валентине Николаевне дали направление в Воздвиженскую спецшколу. Раньше там, в здании церкви, был детдом.

До самого закрытия школы в 1986 году и работала в ней Валентина Николаевна – завучем и преподавателем. Там же учителем труда стал работать и Гамануил Николаевич.

– Сначала жили в худеньком домике, потом уже на месте того дома был построен новый двухквартирный, в котором и живём теперь. Уже в этом доме и родилась третья дочь...

В это время в дом и вошла Елена, приехавшая из Кириллова навестить родителей.

– Нас много: три дочери, восемь внуков, два внука и четыре правнучки, – с гордостью говорит Валентина Николаевна. – Да, девочек у нас больше... Все дочери после школы в Вологде учились. Ирина закончила пединститут по специальности русский язык и литература, работала в школе в посёлке «Заря», сейчас уже на пенсии, у нее шестеро детей... Вторая дочь, Галина, выучилась на продавца и работает в одном из вологодских магазинов. У неё тоже три девочки. Третья дочь, Лена, живёт в Кириллове, работает в торговле, у неё тоже дочь...

Про своих дочерей, внуков, внуков, правнучек Валентина Николаевна может рассказывать, наверное, бесконечно. Она и гордится ими, и переживает за них...

– Навещают часто. Но чтобы все вместе, зараз: дочери, внуки, правнуки собрались – не получается... Вот пять лет назад была золотая свадьба, так стол через всю комнату полон был. Человек около тридцати – все одна семья, все наши...

Гамануил Николаевич показал мне небольшой добротный ухоженный огород за домом, баню, что топится по-чёрному, и свою мастерскую. В мастерской нет дорогих станков, электропил... Верстак, самые обычные плотницкие и столярные инструменты, заготовки и уже готовые: косовица, грабли, топоры – всё своими руками сделано.

– Продаёте? – спрашиваю.

– А кому надо – так отдам. На Кубенском торжке продавать буду.

А может Гамануил Николаевич и мебель делать – не только табуретки, но, например, и комоды. За свою жизнь он построил восемнадцать бань, несколько домов... Что значит – на месте у мужика руки.

Между прочим, он и Воздвиженский храм помогал восстанавливать.

С особой теплотой вспоминают Беловы отца Константина Васильева, попечением которого и был восстановлен храм, очень благодарны ему.

– Когда отец Константин был жив, мы ни одной службы не пропускали, он всегда давал знать. И на освящении храма мы были. Такой праздник замечательный был, столько людей приехало!..

Любит Гамануил Николаевич собирать грибы, ягоды. А ещё, как оказалось, он страстный читатель. И книги серьёзные читает – Белова, Астафьева... Однажды случайно встретился

и мельком познакомился на вологодской пристани с Николаем Рубцовым – на всю жизнь то знакомство запомнил... «Папа у нас без книг не может», – дочь Елена говорит.

Она, Елена, младшая дочь, не выставляет напоказ своё отношение к родителям, но ведь всё чувствуется – по тому, как говорит, как смотрит...

Хорошая семья, настоящая, хорошие люди...

Мы прощаемся с ними и едем дальше...

Между Евлашевым и Воздвиженьем местное кладбище – многие поколения кубян упокоились здесь.

3. Священник – воин

Мы въезжаем в село. Шпиль Воздвиженской церкви устремлён в синее небо, будто бы отражающее в себе озеро, или это озеро наполнилось небесной сини...

Церковь Воздвижения Честного Креста Господня в Воздвиженье.

Обиходные названия – Крестовоздвиженская Закубенская церковь; Крестовоздвиженская церковь; Воздвиженская церковь.

Дата постройки последнего здания – 1809 год. Каменная двухэтажная церковь с приделом Афанасия Александрийского построена вместо прежних двух деревянных церквей (Крестовоздвиженской и Афанасьевской). В 1929 закрыта, сломаны завершения, здание использовалось школой-интернатом, затем базой отдыха. В конце 1990-х в Воздвиженье был размещён детский православный лагерь воскресной школы при кафедральном Рождественском соборе Вологды. По инициативе настоятеля Рождественского собора Константина Васильева, при помощи местных жителей и благотворителей в 2002 началось восстановление церкви.

Во второй половине XIX века настоятелем храма был протоиерей Василий Турундаевский. Все шесть его сыновей тоже стали священниками. Среди них и Афанасий, удостоенный в годы Первой мировой войны наперсным крестом на Георгиевской ленте (награжденные этим знаком тоже считались Георгиевскими кавалерами).

Давайте задержимся на этой судьбе, начавшейся вот здесь, в этом селе...

Афанасий Васильевич Турундаевский (1878–1977) – уроженец с. Воздвиженье Кубенской волости Вологодского уезда. Иеромонах родился в 1878 г. в семье священника, протоиерея Василия. Его отец был священником Крестовоздвиженской Закубенской церкви. В семье было шестеро сыновей и одна дочь. С детских лет отличался особой набожностью и ещё ребёнком проявлял склонность к аскетическому образу жизни. Однако в юности Афанасий увлекся новыми атеистическими веяниями и поэтому после окончания Вологодской ду-

ховной семинарии хотел оставить духовный путь и поступить в медицинское училище. Но после смерти матери, которая была очень обеспокоена юношескими увлечениями сына, Афанасий раскаялся. Через некоторое время он, как и все его братья, принял священнический сан.

В 1915 году о. Афанасий добровольцем ушел на фронт и стал служить полковым священником.

Известно, что полковыми священниками во время войны были и его братья, Афинодор и Пётр.

Солдаты любили о. Афанасия, он отличался смелостью, решительностью и умением приободрить и утешить в любой ситуации.

Семья Турундаевских. Афанасий - сидит на полу

Сохранились воспоминания прапорщика М. Е. Сироткина о подвиге о. Афанасия и обстоятельствах попадания его в немецкий плен. Эти воспоминания были опубликованы вначале в «Русских ведомостях», а потом перепечатаны в «Вологодских епархиальных ведомостях». Вот что вспоминает М. Сироткин: «Это было в П., где стоял штаб нашего отряда. К нам приехал молодой священник. Разговорились. С первых слов в нем сказалась глубокая вера в своё дело пастыря.

– Я приехал сюда по доброй воле, потому что знаю и люблю народ...

Когда перед вторжением немцев в Курляндию на нашем фронте начались стычки и в местечке Р. разгорелся бой, он отправился туда. Наши были окружены немцами. Отец Афанасий бросился туда, в сферу шрапнельного и пулеметного огня.

– Братцы, я – впереди, у меня святой крест, за ним его святая сила.

И солдаты пошли за ним.

В последний раз я видел его на том же фронте в день наступления немцев. Немцы уже подходили к Митаве. О. Афанасий приехал к нам днем. В лоб мы немцев не пустили. Часам к 6-ти немцы успокоились. Наступило затишье. Силуэты их цепей исчезли из нашего поля зрения. В 8-м часу мой телефон перестал работать. Я послал исправить линию, так как иной связи с начальником отряда не было. Посланный не вернулся. Мы встревожились.

В то время в нашем блиндаже появился о. Афанасий:

– Ну, вот я к вам с Господним благословением пришёл, – и стоит поперёк бруствера.

– Батюшка, спуститесь ниже.

– Ничего, я здесь постою. А вон, смотрите, кто-то идет.

Я поднялся и на расстоянии шагов в 100 от окопа увидел черный силуэт неприятельской цепи, заходящей к нам в тыл.

– Батюшка, уходите, я сейчас открою пулеметный огонь, они ответят, и вы можете быть ранены!

Пока я говорил это, мои прикрытия и соседние цепи покинули фронтальный окоп.

– Господи, да ведь мы одни, – оглянулся я. Вокруг были 6 моих пулеметчиков, батюшка и фельдшер, бывший с ними.

– Ну, братцы, мужайтесь... по цепи...

Отец Афанасий вытаскивает крест; мы с двумя солдатами целуем крест, целуемся с батюшкой. Остальные вытаскивают пулемет, наводят при свете месяца. Германцы приближаются, крадучись...

– Уходите же, батюшка...

– Господь нас не оставит, – были последние слова его. Он исчез в ходе сообщения.

– Огонь!

И первая цепь немцев легла.

Как мы вышли из кольца, я не помню, потому что действовал в полубезумстве. Пули, проносясь мимо, обдували лицо, цепляли за одежду. Помню только, что я все время твердил своим солдатам эти ожегшие меня слова:

– Господь нас не оставит.

Когда я вышел к своим, первым вопросом было:

– Где батюшка?

– Его нет.

Отец Афанасий пропал без вести».

7 месяцев отец Афанасий провёл в плену (потом вместе с группой пленных русских офицеров был обменян на немецких военнопленных). Из г. Штральзунда, в котором он находился в плену, о. Афанасий через «Красный крест» передал письмо одному из своих друзей в Вологде, прося его похлопотать перед советом Братства Всемилоостивого Спаса о высылке по указываемому им адресу богослужебных книг. Его просьба была исполнена.

Далее сведения об о. Афанасии весьма отрывочны и неточны: после революции он служил в каком-то деревенском храме. В 1930-х гг. был сослан в концлагерь на постройку Пинюжской дороги. Далее были годы странствий, во время которых неизвестно где и когда он принял постриг с именем Александра. По некоторым данным, инок Александр жил и умер в Омске...

Всего лишь одна судьба уроженца Воздвиженья. Но какая судьба!

А ведь с Воздвиженьем связана и судьба великого русского композитора Валерия Гаврилина... Но об этом в следующей главе.

«Музыка, сердце моё...»

От Воздвиженского храма до кромки озера – несколько сот метров пологого водополя. Как на огромной голубой ладони белый кораблик Спас-Камня, и кажется, что он покачивается на волнах и готов унести тебя в неведомый мир.

Вот так и уносился в неведомый светлый мир мечты будущий великий русский композитор Валерий Гаврилин. И всю жизнь потом тосковал по этому распахнутому голубому простору...

Гаврилины жили в деревеньке Перхурьево, ныне отделённой от Воздвиженья широкой автотрассой Вологда–Кириллов.

В те, 40-е годы, Кубенская дорога проходила через село, а от Перхурьева, от дома Гаврилиных, прямо до двери храма бежала просёлочная дорожка – всего-то метров триста. И все десять лет, что жил там, в самые ёмкие на память детские годы, каждое утро, выглянув в окно, будущий композитор видел Воздвиженский храм...

Из энциклопедии: «Валерий Александрович Гаврилин (1939–1999) – композитор, лауреат Государственной премии СССР, народный артист РСФСР. Автор многих музыкальных произведений, получивших всесоюзное и международное признание.

Родился в Кадникове, Вологодской области. В 1941–1950 годах семья Гаврилиных жила в деревне Перхурьево Кубено-Озёрского (ныне Вологодского) района Вологодской области. Мать будущего композитора, К. М. Гаврилина, работала директором детского дома в соседнем селе Воздвиженье. Отец, А. П. Белов, погиб в 1942 году под Ленинградом.

Вид из окна дома Валерия Гаврилины

В 1950 году, после ареста матери, Гаврилин воспитывался в одном из детских домов города Вологды, учился в детской музыкальной школе.

С 1953 года жил, учился и работал в Ленинграде – Санкт-Петербурге.

До последних дней своей жизни Валерий Гаврилин не порывал связь с малой родиной. Выступал с концертами в Вологде, бывал в селе Кубенском и в деревне Перхурьево.

Скончался Валерий Гаврилин 28 января 1999 года в Петербурге. Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища. Имя Валерия Гаврилина носит Вологодская областная филармония».

Вот как сам Валерий Гаврилин вспоминал детские годы на берегу Кубенского озера: «Перед войной мать перевели работать в детский дом, в село Воздвиженье, и там я прожил до десяти лет.

Впечатления этих лет незабываемы для меня. Детдом, где работала моя мать, помещался в огромном соборе, два нижних этажа которого были жильём, а в третьем всё сохранилось, как в прежние времена, – вплоть до прекрасной росписи на стенах и куполе. Я очень любил там бывать и смотреть на картины и на голубей, которых было множество.

Помню первое кино в нашей деревне: как мы, ребята, не знали, куда смотреть, и по ошибке смотрели весь сеанс на киноаппарат и на динамо, которое крутил киномеханик, казавшийся нам чудо-человеком, счастливец, избранником судьбы, которому мы дружно завидовали. Помню посиделки с их грустными песнями и гулянки по праздникам, когда из разных деревень в одну стекаются толпы весёлого народа, каждая толпа со своими песнями и частушками и со своим гармонистом.

Когда я сам уже стал сочинять музыку, эти картины человеческого несчастья и радости, в какой-то период жизни забытые мною, стали восстанавливаться с большой ясностью, и многое я стал понимать лучше, стал понимать, почему я не любил, когда моя мать, потерявшая моего отца (он погиб под Ленинградом и похоронен в Лигово), пела песню «Разлилась Волга широко, милый мой теперь далёко», а на словах «до свиданья, мой дружок, я дарю тебе платочек» я разражался слезами...»

А вот как вспоминает о том времени жительница Вологодского района Екатерина Ивановна Мазохина: «...В июне 1941 года я закончила Вологодское педучилище. Получила направление на работу в Кубено-Озерский дошкольный детский дом, он находился в селе Воздвиженье, размещался в двухэтажной каменной церкви. Там воспитывалось около сотни детей от 3 до 8 лет.

С июля 1941 года и началась моя трудовая деятельность воспитателем. Мне только что исполнилось 18 лет. Директором была Гаврилина Клавдия Михайловна – мать будущего композитора, впоследствии жестоко, несправедливо наказанная властью.

Клавдия Михайловна была требовательная, хозяйственная, предусмотрительная женщина. Она делала всё, чтобы дети были сыты, добывая дополнительное питание для них, заботясь по-матерински, мобилизуя нас, весь обслуживающий персонал, на работы в подсобном хозяйстве...

Её собственные дети были в основном с няней. Валерию было тогда 3 года, его сестра Галина была ещё младше. Мама навещала их в обед, вечером и ночью...

Когда нянечка уходила на выходные, Клавдия Михайловна иногда приглашала меня переночевать у них, для веселья.

Я все четыре года войны жила на квартире в той же маленькой, из пяти домов, деревушке Перхурьево, что и Гаврилины. Валерий заходил к нам, рос он общительным, смелым... Он вырос и стал композитором. Его музыкальные способности заметили и развили, когда он, после ареста матери, находился в Октябрьском детском доме в Вологде.

Во время войны по дороге около детского дома все время двигались машины с грузом. Слышался гул самолетов. В детском доме соблюдалась светомаскировка. Была нами вырыта длинная траншея, на случай укрытия детей, введено очередное ночное дежурство в помощь ночным работникам. На своём подсобном хозяйстве сеяли зерновые, выращивали овощи на огороде, держали немного скота, была лошадь. Обработывали всё сами, вручную. Более старшие учили нас серпами жать, цепями молотить, копать грядки. На местных болотах собирали ягоды, в лесу грибы.

За ягодами отправляли на лодках и за озеро с местными рыбаками. Там всегда было много клюквы и брусники. Иногда приходилось и ночевать в шалаше из-за стихии на озере.

Особенно тяжела была работа по заготовке дров на зиму. Дрова шли сплавом по озеру из местных рек. Бывало их прибывало к противоположному берегу. На лодках плыли туда, сплачивали в плоты. Всеми работами руководил мужчина – рабочий детского дома – инвалид средних лет. Потом эти плоты на лодках с помощью веревок тянули к своему берегу, где их разделявали, укладывали в поленницы и по санному пути привозили к детскому дому.

Однажды, возвращаясь домой из-за озера со сбора ягод, доплыв до середины (а ширина 6 км), попали в страшную неожиданную бурю, были на грани гибели. Страх охватывал нас. Лодку бросало вверх, заливало водой, не успевали откачивать до наплыва следующей волны. К счастью, живыми доплыли до своего берега благодаря рыбакам, не раз бывавшим в подобных ситуациях.

Раз, собирая в лесу грибы, набрали на поляну, усеянную немецкими листовками с рисунком советского пахаря с плугом и тощей худой лошадей и с призывом сдаваться в плен.

В 1942 году в детский дом привезли 12 человек детей 5–7 лет, эвакуированных из Ленинграда. Некоторые были легко ранены осколками во время бомбёжек. Несколько дней они отходили, молчали, плохо кушали, плохо спали. При малейшем стуке прятались под столы...

Село Воздвиженье и соседние с ним деревни были заполнены эвакуированными. Они меняли вещи на хлеб у колхозников. Привезли тиф. Больницы были переполнены. Одна наша воспитательница, сходя к ним, заразилась тифом, а с нею жили ещё двое. Из строя сразу выбыли 3 воспитателя. Пришлось нам работать с детьми в 2 смены.

Молодость брала своё. Уставшие от работы, вечером раз в неделю шли в сельский клуб, устраивали концерты для населения, смотрели кинофильмы, читали сводки с фронта, слушали доклады лекторов.

В колхозах люди работали не покладая рук, от темна до темна. «Всё для фронта, всё для победы!»

И этот счастливый долгожданный день настал! Пришли с ночного дежурства, спали. Разбудила хозяйка квартиры и сообщила о конце войны. Радость охватила всех. По деревням начались митинги, торжества, праздник в каждом доме»...

Всё это и было детством Валерия Гаврилина, его жизнью. И всё это стало и его музыкой.

Той детской памяти хватило Валерию Гаврилину и на «Русские тетради» и на «Перезвоны»...

«Музыка Гаврилина вся, от первой до последней ноты, напоена русским мелосом, чистота её стиля поразительная. Органическое, сыновнее чувство Родины – драгоценное свойство этой музыки, её сердцевина. Из песен и хоров Гаврилина встаёт вольная, перезвонная Русь. Но это совсем не любование экзотикой и архаикой, не музыкальное «штукарство» на раритетах древнего искусства. Это – подлинно. Это написано кровью сердца. Живая, современная музыка глубоко народного склада, и – самое главное – современного мироощущения, рождённого здесь, на наших просторах», – писал о нём другой великан нашей музыки Георгий Свиридов.

...Домик Гаврилиных в Перхурьеве и ныне на своём месте стоит (недавно на нём установлена мемориальная доска), и из окна этого дома виден возрожденный Воздвиженский храм...

«Музыка, сердце моё, жизнь моя, не учи людей ЖИТЬ, учи любить, страдать, и ещё любить, и ещё любить...», – писал Валерий Гаврилин, и сегодня мы говорим ему: «Спасибо за музыку, спасибо за любовь...»

Крест и память

1. Крест на месте храма

В любом пути хорошо найти человека, знающего свои места, который и покажет, и расскажет, и подскажет. Когда в своём пути по старой Кирилловской дороге я приблизился к деревне Борисово, практически сливающейся со следующими за нею деревнями Новое и Кольцеево, сомнений у меня не было – лучшего знатока этих мест, чем Валентна Николаевна Маракова, мне не найти.

Родом она из Тотемского района, но в Борисове живёт уже около тридцати лет. Всю жизнь она посвятила культуре, двадцать лет работает библиотекарем. Библиотека в Борисове (Кольцеевский филиал центральной районной Вологодской библиотеки) нашла в её лице истинного служителя-подвижника: помимо библиотечной работы (выдача книг, встречи с писателями и т. д.), Валентина Николаевна организовала и краеведческую работу. Под её руководством уже собран богатейший материал по истории бывшего Борисовского сельсовета (ныне, после укрупнения – Кубенское сельское поселение). Очень интересные работы по истории края написаны, между прочим, уже внучкой Валентины Николаевны, Екатериной. Большую краеведческую работу проводит и Татьяна Константиновна Покровская. Опираясь на собранные ими материалы, я пишу этот очерк...

Когда подъезжаешь к Борисову со стороны Вологды, справа на окрайке рощи или леска виден крест. Установлен он в мае 2015 года на месте Николо-Отводинской церкви. Чуть дальше – домики деревни Горка-Никольская...

Крест на месте храма -----

С рассказа об этой церкви и начнём наше знакомство с местностью.

Расположена церковь была на хорошем месте: видна была издалека – и со старой дороги, проходившей совсем рядом с деревнями Борисово, Новое, Кольчеево, и со всех других сторон. А новая дорога в шестидесятых годах и ещё ближе к церкви была проложена. Я вот думаю, не потому ли и взорвали её уже в семидесятые, чтобы не маячила у нового шоссе? Или, правда, так уж нужны были именно эти старинные кирпичи для строительства фермы местному совхозу?..

Забегая вперёд, скажу, что рухнула недостроенная из церковного кирпича ферма. А ныне нет и совхоза...

Итак, по данным сайта «Православные приходы и монастыри Севера», современное местоположение несуществующего здания церкви: урочище Никола севернее д. Горка-Никольская, Кубенского с/п, Вологодского района.

Церковь Николая Чудотворца в Отводном в вотчине Спасокаменного на Кубенском озере монастыря, упоминалась в окладной книге 1618 года. (Из этой «окладной книги» мы узнаём, что вологодский князь Андрей Василий Меньшой в 1479 году «пожаловал придел в дом Великому Спасу на Каменное – Отводное». – Д. Е.)

Уже под 1779 годом в документах упоминается Отводинская Николаевская церковь каменная, двухэтажная, двухпрестольная. Престолы в честь: свт. Николая Чудотворца архиепископа Мирликийского – главный, Введения во храм Пресвятой Богородицы (освящён после ремонта 19 ноября 1867 г.).

В разные годы в ней служили священники: Якубов Николай, Розанов Иоанн Викторович, Авессаломов Виктор; диаконы: Неклюдов Николай, Роценский Прокопий; псаломщик: Малевинский Николай; дьячки: Белов Арсений, Белов Александр Арсениевич, Роценский Прокопий; пономарь: Милавин Николай.

Из материалов, собранных В. Н. Мараковой: «Во всей округе Николаевская Отводинская церковь была наиболее богатой и почитаемой. Ещё и сейчас жива поговорка: «Два прихода славятся – Отводное да Едка». (Имеется в виду приход храма Василия Великого на реке Едке – Д. Е.)

В разное время были построены и три деревянные часовни, относящиеся к приходу, в деревнях: Городок, Новое и Борисово. Маргарита Сергеевна Букина, которая родилась в 1930 году в д. Городок, хорошо помнит часовню в своей деревне. Она была деревянная, круглая, очень большая, высокая и просторная. По рассказам мамы, Маргариты Сергеевны в конце 20-х годов, когда начались раскулачивание и гонения на церкви, были растащены все иконы по домам. Стала разрушаться и часовня, т. к. её и не берегли. В ней разместили хлебный склад. А в 60-х годах часовню совсем разобрали, доски разнесли по домам...

Из Ведомостей о церкви, причтах и приходских людях Николаевской церкви в Отводном за период с 1851г. по 1914 г. мы узнаем, что: «утвари в церкви достаточно и вся она поддерживалась в хорошем состоянии: ризы, стихари, Евангелия, переплетенные в бархат, деки их обложены позолотой и серебром, 7 крестов – серебряные и золоченые с чернью, 3 кадила – все медные, и другие потребные вещи. Земли при сей церкви всей вообще 35 десятин. Пахотной земли 28 десятин, на которую высеяно было всем причтом: рожь, пшеница, ячмень, овес и семена льна. Кроме того, имеется 310 сажень неудобной земли, которая никакой пользы не приносит. Дома у всех священно и церковнослужителей собственные. При церкви имеются хоз. постройки – деревянный амбар и келья для просфорни и сторожа»...

К 1883 году уже построен 2-этажный дом, в котором помещается богадельня, а позднее – церковно-приходская школа (открыта в 1887 году), квартиры для учительниц, просфорни и церковного старосты. Дом застрахован от пожара в Городской Земской Управе...

С открытием церковно-приходской школы священники были и заведующими этой школы и законоучителями, а когда появились земские училища и светские школы в деревне, вели в них уроки Закона Божия. Так, например, в 1895 году за усердную службу и особые труды по народному образованию «преподано благословение Святейшего Синода с выдачей Грамоты» священнику Виктору Авессаломову. Он был Благочинным, избирался депутатом на съездах по духовно-училищным делам.

Просматривая «клировые записи» разных лет, описания деятельности священнослужителей, нельзя не заметить их долгое служение в одной церкви. Так, священник Якубов служил 21 год, Виктор Флегонтович Авессаломов – 37 лет, Александр Иванович Летунов – тоже более 10 лет.

И у других членов клира прослеживается долгое служение в этой церкви, а после увольнения за штат или по случаю смерти, дети заменяют отца на его месте. Так, после смерти дьячка Арсения Белова, его старший сын Александр по увольнению из духовного училища определён на его место.

Дьякон Петр Аврамов служит в этой церкви 22 года. В семействе его жена и 8 детей. Один из его сыновей, Аркадий, был диакон Архангельской духовной семинарии, но в 1913 г. также определён к Никольской Отводинской церкви на место отца, уволенного за штат...

В клировых ведомостях также отмечается ответственное и добропорядочное отношение к своим обязанностям священнослужителей на протяжении долгих лет их служения в Николо-Отводинской церкви. Об этом можно судить и по тому, что все священники Николо-Отводинской церкви без исключения награждались церковными знаками отличия: крестом, набедренником, скуфьей, камилавкой...

В 1921–22 гг. началась кампания по ликвидации приходов. Но, к сожалению, материалов по Николо-Отводинской церкви того периода не нашлось, хотя в целом по уезду и другим волостям они есть и в документах, и в печати. Читая их, можно предположить дальнейший ход истории и в нашем селе: в деревнях велась активная работа по антирелигиозному воспитанию населения, в том числе и школьников. А затем по указанию сверху стали сбивать с церкви колокола, разрушать и сами церкви, размещая в них зерносклады, тракторные ремонтные мастерские и т. п.».

Похоже, что Николо-Отводинская церковь была закрыта одной из последних. Нина Ивановна Воробьева (1933 г. р.), с которой я тоже встретился по подсказке В. Н. Мараковой, рассказала, как мать однажды сказала ей: «Сегодня будут звонить последний раз колокола на нашей церкви. Хоть тебе всего три года, но ты запомни этот день». Таким образом, можно предположить, что как минимум до 1936 года в Николо-Отводинской церкви совершались богослужения.

Вскоре после закрытия церкви её последний священник Николай Великорецкий был арестован и расстрелян.

2. Богатая память Нины Ивановны

Нина Ивановна Воробьева живёт в деревне Борисово, её здесь все знают, ещё бы – не один десяток лет проработала учителем в школе. А родной её дом – в деревеньке Горка-Никольская, совсем недалеко от Борисова, только через автотрассу перемахнуть, а там уже рукой подать. Рядом и Отводинская Никольская церковь стояла когда-то.

Мы встретились в доме Нины Ивановны в Борисове. Домик щитовой, на две семьи, печное отопление, в квартире чисто и аккуратно, много книг, иконы...

Пьём чай и разговариваем. Нина Ивановна 1933 года рождения – есть что вспомнить.

– В этом доме я живу двадцать седьмую зиму, а летами всё время в Горке. А до этого всё в Горке и жили, дом наш первый от церкви... Церковь, конечно, помню. Она стояла чуть в стороне на горе. Почему там – не знаю, но церкви где попало не ставили. Рядом с церковью и школа была, так что от дома до школы мне было пять минут ходьбы. Сейчас в Горке-Никольской шесть домов осталось, постоянно никто не живет, только дачники. И никогда Горка не была большой деревней. Когда мама выходила замуж туда из Кольцеева, было одиннадцать домов, а я помню семь домов... Маму мою звали Людмила Михайловна. Моя бабушка, мамина мать, из Нового. Её девичья фамилия Рябкова. Известный в этих местах род. Отец – Иван Васильевич Балин. Первым из Балиных в Горку-Никольскую тоже из Нового переехал мой прадед...

Нина Ивановна вспомнила, что сельсовет всегда назывался Борисовским, хотя центральным поначалу считалось Кольцеево – там и здание сельсовета было, и медпункт...

– Теперь уж Кольцеево, Новое, Борисово так разрослись, что и не поймешь, где одна деревня кончается, а другая начинается.

Вернулись к разговору о семье Нины Ивановны.

– Бабушка моя рано лишилась родителей и долго воспитывала младших детей, поэтому замуж вышла поздно. Нашли какой-то документ, там запись: «Рябкова Асинефа Дмитриевна, девица, воспитывает сирот». Родители мои крестьяне. Отец из бедной семьи, две сестры у него даже от голода умерли, а мама тоже из бедняков... Но её сестру раскулачили в начале 30-х годов, она была замужем за богатым. Хотя они были, скорее, трудолюбивые и старательные, чем богатые. Дом у них забрали, их самих выслали. У них в Кольцеево дом был очень хороший, красивый, в этом доме долго сельсовет был, потом школа начальная, а потом кто-то купил тот дом, он и сейчас ещё стоит... Нас, детей, в семье было трое. Я старшая, второй мальчик быстро умер, третий мой брат трагически погиб в 1976 году. Родители работали в колхозе.

Тут я спросил, помнит ли Нина Ивановна, какие колхозы были на этой территории. И она все вспомнила. Память, надо сказать, у неё отменная, и говорит чётко. Вот что значит – настоящий учитель.

– Сначала, в начале тридцатых годов, была у нас Борисовская сельхозартель – это Горка-Никольская и Борисово. В Турутино был колхоз «Строитель». Новое, Фелисово – это колхоз «Организатор». Кольцеево, Городок, Федотово – «Новый быт». В Пучке – колхоз «Трактор». А вот в Шоме – это тоже Борисовский сельсовет, там на пять деревень было два колхоза: имени Сталина, имени Ворошилова. Потом стали колхозы объединять, и остался колхоз «Организатор», а потом и совхоз «Организатор».

Спросил я и про Николо-Отводинскую церковь.

– Церковь я помню с самого раннего детства. Мама у меня была очень религиозная, она много лет пела на клиросе и была дружна с последним священником Великорецким и его семьёй. Когда маме было уже 82 года, она пешком ходила в церковь в Ламаниху, а это километров двадцать с лишним... Прекрасно помню день: мне было три года, я была в розовом платице... Мама мне сказала, дословно помню: «Нина, сегодня последний раз будут звонить колокола на нашей церкви». Но служба ещё какое-то время продолжалась и потом, хотя уже и не звонили... Я сама не запомнила, а от старших слышала, что раньше, когда праздники начинали звонить в колокола всех церквей, а ближайшими были Покровская и Воздвиженская церкви, такой перезвон стоял, так красиво было...

Теперь можно лишь представить, как начинали звонить в колокола на всех церковных колокольнях по Кирилловской дороге. Как катилась эта колокольная, перезвонная волна, улетаала в озеро, сливалась с колоколами Спас-Камня и заозёрных церквей, улетаала в небо, и возвращалась к людям небесной музыкой... И так по всем дорогам и берегам великой Руси! Отголоски того перезвона слышала чистая душа Валеры Гаврилина – и вылилась в произведение великого композитора... Этой колокольной музыкой напоена душа всякого русского человек на поколения вперёд. Надо лишь вслушиваться в себя, в душу...

– А снесли нашу церковь в начале 70-х годов, надо было кирпич для строительства фермы. Взрывали. За Кольцевым есть деревня Федотово, там ферму-то построили уже – обрушилась, хорошо, что скота и людей ещё не было. И ещё брали кирпич на печи в бани. И все эти бани, говорят, сгорели...

И опять невольно думается: как же так – дети и внуки тех самых людей, что ходили на праздники в эти церкви, их же и взрывали, фермы и банные печи строили... Как же так? Теперь вот ходим, по крупицам разрушенное собираем, кресты на месте снесенных церквей ставим... Воистину – время разбрасывать, и время собирать...

– Ещё рассказывали, что когда был нерест у рыбы, запрещали звонить в колокола, чтобы не пугать рыбу, которая в речки заходит, – вспомнила Нина Ивановна. И опять, как не поразиться мудрости народной. Воистину, умели люди жить и устраивать свою жизнь на своих берегах, в своих вотчинах...

– Закрыли церковь окончательно, кажется, в 1937... Когда я уже работать начала в 1955 году в Кубенской школе. Из окна дома, где мне дали квартиру, церковь наша была видна, как на ладони: серебристые главы, красота!

Но снова вернемся к семье, к жизненному пути...

– Начальная школа у нас была в Борисове, а в Горке, в той школе у церкви – 5-6-7 классы... Родители в колхозе работали. Мама ещё немножечко плела кружева. Но председатель колхоза очень неохотно давал справку для кружевной артели, что ей разрешают плести. Мама уж ему говорила: «Я же летом-то работаю, а зимой-то можно и поплести». Вот какие были времена. А работа в колхозе в основном со льном – трудная, грязная... Отец долго рыбачил. У колхоза была своя рыбацкая бригада. Летом они в основном ловили ночью (озеро спокойнее). Иногда много наловят, больше тонны... Когда большой улов был, говорили: «Сегодня попала ятва». Вот такой был термин. А сам процесс ловли рыбы – «делать тоню». Потом был отец кладовщиком, председателем ревизионной комиссии... Сразу на войну его не взяли, ему уже пятьдесят первый год шёл. Потом и его призвали, но в обоз. В марте или в апреле 1942 года, не помню точно, но уже таяло. Помню, как спилили берёзы у дома...

У нас здесь в подозерице («подозерица» – это все деревни у озера) не было дров, вицами топили. Рубили ивовые ветки, собирали в пучки, ими топили печи... И вот – пришла папе повестка, дров нет. Спилили две берёзы около дома, разделали их на дрова, и папа уехал... Эшелон их на пути из Вологды под Ленинград попал под бомбёжку, папу ранило. Прямо в макушку осколок попал. Он вернулся по ранению домой, и больше уж его не призывали. Продолжал работать в колхозе.... Кончила я семилетку, пошла в десятилетку в Кубенском. Хотела очень поступать в Горный техникум в Ленинграде, но денег не было, и пришлось в Вологде остановиться. Поступила на физмат. Это 1951 год. Тогда не было автобусов, были «грузотакси» – грузовики с тентом. Сидела я в этом грузотакси и всю дорогу слезы лила, так не хотелось в Вологде учиться... Но постепенно привыкла. И потом всю жизнь в школе математику и преподавала.

Нина Ивановна 4 года работала в Кубенской школе, а потом 31 год в родной для неё Борисовской – 15 лет в старом здании и 16 лет в новом. В школе и мужа нашла.

– Жених пришёл в школу вести труд и физкультуру, жил у соседки на квартире, так мы и познакомились. Потом работал шофером в совхозе. Николай Иванович. Седьмой год, как умер.

Конечно же, за эти годы через учительские руки Нины Ивановны Воробьёвой прошли сотни учеников.

– Поддерживаю связь с ребятами. В следующем году будет встреча с выпускниками 1976 года, – говорит Нина Ивановна.

Среди родных и знакомых Нины Ивановны много известных людей. Например, Н. Н. Балин.

– Мой троюродный брат Николай Николаевич Балин. 19 января ему исполнится 85 лет, а в сентябре этого года в Сыктывкаре ему открыли памятник, и книжка про него есть. Его отец, Николай Михайлович, с моим – двоюродные братья. Вот однажды Николай Михайлович Балин мне позвонил: «Посмотри газету «Правда». Там про моего Кольку. Ему звание Героя Социалистического Труда присвоили».

Всезнающая энциклопедия рассказывает, что: Николай Николаевич Балин родился 18 декабря 1930 года в Вологодской области, в крестьянской семье. В 1954 году окончил в Ленинграде высшее военно-морское инженерное училище им. Дзержинского. Служил морским офицером на боевых кораблях Тихоокеанского флота. Был уволен в запас по сокращению.

Работал инженером-энергетиком в управлении целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности Вологодского совнархоза. Затем прошёл путь от главного

энергетика до генерального директора Сыктывкарского лесоперерабатывающего комбината.

В 1982 году был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР, а в 1986 году звания Героя Социалистического Труда. Заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР. Награждён орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями СССР и соцстран, орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени.

В 1988–1994 годах – председатель Государственного комитета Коми по охране природы. В 1994–1998 годах – заместитель министра природных ресурсов и охраны окружающей среды республики.

Умер Н. Н. Балин в 1998 году.

Как тут ещё раз с гордостью не воскликнуть: «Вот какие люди с нашего Кубенского берега в мир вышли!»

И Нина Ивановна с гордостью говорит:

– Вот – хоть и дальний, но мой родственник.

У Нины Ивановны двое сыновей, двое внуков... И богатая память.

Деревня
Горка-Никольская

По Кирилловскому тракту 225 лет назад

В любом пути полезно остановиться и оглянуться... Вот я и остановлюсь в своём движении по старой Кубенской дороге и оглянусь на 200 с лишним лет назад, когда по дороге из Вологды в Кириллов проехал внимательный путешественник, оставивший свои записки об этом пути. Всегда ведь интересно сравнить – как было тогда, как – сейчас, всегда интересно узнать, как здесь, на этой же земле, раньше люди жили...

Пётр Челищев

Из книги «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЕВЕРУ РОССИИ В 1791 ГОДУ»

Об авторе: Пётр Иванович Челищев (1745–1811). Дворянин. Обучался в Пажеском корпусе, четыре года провел в Лейпцигском университете вместе с А. Радищевым. Путевые записки П. Челищева о совершённом им в 1791 г. путешествии по северным областям России были изданы лишь в 1886 году.

«... В Вологодском уезде в жительство имеется крестьян мужеска пола: дворцовых – 401; экономических – 5596; отписных на гошпиталь – 260; ямщиков – 446; приписных к бумажной фабрике – 282; помещичьих – 23564; итого – 30549, да женска – 31872, а обоего мужеска и женска пола – 62421 душа. Оные крестьяне пропитание и главный денежный доход имеют от хлебопашества и скотоводства. Земля у них влажная и к хлебопашеству всякого хлеба, кроме гречи, весьма способная, почему урожаем Вологодский многие уезды превосходит; ибо в таковые урожайные годы, каков там был нынечи, от одного посеянного четверика (четверик – единица хлебной меры, составляющая 1/8 четверти) вымолачивают хлеба, а именно: ржи две четверти (четверть – хлебная мера), а и в неурожайные годы больше четверти; овса тринадцать четвериков, а и в неурожайные годы не менее четверти; пшеницы до трех, а и в неурожайные годы до двух четвертей; пеньки с полчетверика, конопляного семя наминают на продажу от трех до шести пуд; со льну, выросшего из четверика семя, вытыкают на продажу холста рублей на пятьдесят, льном же продают немного.

Онй помянутый хлеб, кроме пшеницы, во всем уезде так родится; пшеница ж в некоторых деревнях хуже родится, а в других и совсем её по урожаю не пашут; ячмень хоть и против овса родится, но за умалением земли пашут только на свои домашние потребности, а не на продажу. По таковому изобильному урожаю жительствующие в Вологодском уезде крестьяне от одного хлеба без всякого другого промысла могли б быть достаточны, и хлеб бы в Вологде гораздо был дешевле; но как за множеством болотных, топких и лесистых мест,

а за частостью деревень удобной к хлебопашеству земли мало, то все вообще того уезда крестьяне, на целый год имея собственный свой, а не покупной в изобильном количестве всякий хлеб, в деньгах же не имеячи необходимой нужды, во ожидании перед весною хорошей хлебу цены и приезжающих к ним один перед другим в дома купцов, ничего не продают. Для оплаты же государственных податей, оброка и домашние потребности деньги получают от купцов за пеньку и холст, сговорясь о цене прежде товару. К тому же еще нанимаясь, ездят зимою в извоз в Санкт-Петербург, Москву, Ярославль, Архангельск и прочие города, за что и получают хорошую плату. Достаточные крестьяне в извоз не ездят, а с купцами хлебом, пенькой и холстом имеют торг, что они закупают сходною ценою на свои деньги у других крестьян в разные времена по малому количеству, а им уже продают огулом дорогою. Скота всякого для себя и на продажу держат довольно, живут посредственно, строение имеют порядочное. Из крестьян имеются мастеровые: кузнецы, портные, сапожники, столяры, плотники, бондари и горшечники. Некоторые из крестьян, по исправлении домашних работ, в ближних своих лесах стреляют медведей, волков, лисиц, куниц, белок и зайцев и времяем набегающих рысей и выдр, тако ж и ядобных птиц, глухих и полевых тетеревей, уток, рябчиков, куропаток и времяем налетающих гусей и лебедей, но таковых охотников очень мало. В своем городе в ярмоначные повсенедельные дни в рынке продают сено, дрова, тес, доски, брусья, строевой лес и родящиеся в их лесах всякие ягоды и грибы.

В городе Вологде и в деревнях родятся огородные овощи: капуста, огурцы, морковь, мак, редька, репа, лук, чеснок и картофель в изобильном количестве; и отвозят всех оных овощей и родящиеся в их садах яблоки целыми каюками (каюк – речное судно, распространенное на Севере России) немало в лежащие по водяной коммуникации города Тотьму, Великий Устюг, Красноборск, Холмогоры и Архангельск, а капустою питают даже все по-морье...

В городе Вологде пробыли с 13-го по 20-е число ноября ж месяца.

20-го ноября в четверток по взятии от вологодского господина губернатора Петра Фёдоровича Мезенцева на четырех почтовых лошадей подорожной и по выезде в вечеру совсем из квартиры, для отслужения храмам и в путь шествующим молебна остановились возле Кирилловской церкви, в которой есть храм трем святителям Петру, Алексею, Ионы митрополитом Московским; а от оной, при морозной с ветром погоде, поехали в восемь часов пополудни.

В пяти верстах от города Вологды есть пустое поросшее не очень большим, но густым лесом место, простирающееся вперед на десять верст, которое тамошними жителями называется Аникиев лес. Обыватели сказывают, что в сем пустом месте в старинные времена жил какой-то Аника-разбойник и грабил по оной дороге прохожих и проезжих, и будто он

столь был силен и хитр, что не однажды крестьяне, собравшись многолюдством, не могли его ни живого взять, ни заколоть и не застрелить, а яко бы уже он умерщвлен пришедшею к нему в виде старой женщины смертью; тело же его зарыто в землю в том лесу неподалеку от большой дороги, и на могилу его поныне все прохожие и проезжие, а больше тамошние обыватели бросают что-нибудь из лесу. Обросшая ж землю пещера, в коей он жил, и под-несь, сказывают, видна.

Отъехавши от города Вологды сперва малогористым, потом ровным местом шестнад-цать верст, для перемены лошадей остановились в деревне и яму господина Михаила Ивановича Волынского Пятинной, где в доме крестьянина Якова Миронова поужинавши, поколь собрали лошадей, в кибитке пребыли часа три, потом при морозной с холодным ветром погоде поехали в ту же ночь.

От Пятинного до Кубинского села и яму проезжали два погоста: 1) Троицкий; в нем ка-менная церковь; в ней настоящий храм Живоначальной Троицы, придельные – Николаю Чудотворцу и трем святителям Василию Великому, Григорию Богослову, Иоанну Злато-усту; 2) Воскресенский; в нем двухэтажная каменная церковь, вверху – во имя Воскресения Христова, внизу – великомученице Параскевы.

Отъехавши от Пятинного яму десять верст, для перемены лошадей остановились в селе и яму графа Федора Григорьевича Орлова Кубинском (так называется по начинающемуся при нем Кубинскому озеру, над которым оно стоит). Во оном селе каменная двухэтажная церковь, вверху во имя Живоначальной Троицы, внизу – Илии Пророку. Жительствующие во оном селе на оброке крестьяне, сверх довольного хлебопашества, имеют хорошую в озе-ре рыбную ловлю; рыбу ж продают в Вологде и проезжающим. Из оного села, перепрегли лошадей, не выходя из кибитки, поехали безостановочно. В пяти от Кубинского села вер-стах погост на-Песках; в нем каменная церковь Рождеству Пресвятыя Богородицы и Нико-лаю Чудотворцу. От Кубинского села и яму отъехавши до экономической прежде бывшей Каменского монастыря, яму и деревни Федотовой двенадцать верст и перепрегли в ней, не выходя из кибитки, лошадей, при морозной же с холодными ветром погоде поехали. Против оной деревни верстах в семи на озере Кубинском показанный Каменский, в окру-жности с версту, остров; он весь усыпан мелким камнем, по чему и называется Каменским. На нем-то был помянутый изпраздненный Каменский мужеский монастырь. В нем все строение от пожару выгорало, а остались одни только пустые каменные церкви. От оного Федотова яму в двух, а от большой дороги в версте, при текущей в Кубинское озеро речке Пучке погост Пучкенский; в нем каменная двухэтажная церковь, вверху Покрову Пресвятыя Богородицы, а внизу – Ее Рождеству. От Пучкенского в четырех верстах, а от дороги в полу-

версте погост Никулинский; в нем каменная церковь о трех престолах: настоящий – Покрову Пречистая Богородицы, придельные – Николаю Чудотворцу и преподобному Кириллы Белоезерскому. От Федотовой деревни и яму отъехавши пятнадцать верст, в деревне и яму господина Петра Алексеевича Татищева Новленской перепрягали лошадей.

21-го числа ноября в пятницу, в праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы и в торжество о выздоровлении Ее Императорского Величества от оспы, отъехавши от Новленского яму десять верст, для отслушания всенощной и литургии, в восьмом часу по полуночи остановились в Сямской пустыньке. Сия пустынька построена для явленного Рождества Пресвятыя Богородицы небольшого образа, чему в проезд мой минуло больше ста лет. Во всем она зависела от Каменского бывшего на острове Кубинского озера монастыря; по упразднении ж, в открытие штата того и она уничтожена. А для наблюдения, чтоб в церкви отправлялось подлежащее богослужение, отдана она и с отмежеванною пашенною и сенокосною землею в ведомство Димитриева Прилуцкого монастыря, из коего в нее присылается по одному иеромонаху, да за штраф на смирение белые священники, диаконы, дьячки и пономари на срочное время, и живут в нем на собственном своем содержании, не получая монастырского даже и хлеба. Присылаемые ж в строители иеромонахи, нанемными на монастырские сборные за разные службы, за продажный хлеб, сено и скот деньги, работниками обрабатывают пахотную и сенокосную землю; остающийся за годовым продовольствием хлеб, сено и за лишний скот продают, чем и справляют церковные потребности и довольствуются сами, не получая из Прилуцкого монастыря своего штатного жалованья. Во оной Сямской пустыньке старинного строения каменная двухэтажная церковь; вверху один храм Рождеству Пресвятыя Богородицы; внизу настоящий – Благовещению Пресвятыя Богородицы; придельные – Рождеству Иоанна Предтечи и первоверховным апостолом Петру и Павлу. (Во оные четыре храмовых праздника повсягодно бывают в сей пустыньке ярмонки, на которые с разными немецкими и московскими товарами приезжают вологодские, кирилловские и белоезерские купцы, и тех же уездов собираются крестьяне с домашними своими рукоделиями и продуктами). Одна каменная небольшая связь келей, в которых жил в мой проезд строитель иеромонах Анатолий. Деревянная кругом монастыря с лавками ограда и скотный с двумя черными избями двор.

Мы после всенощной, водного освящения, литургии и молебна, в кельях помянутого строителя, вместе с ним и белыми служившими литургию подначальными священником и диаконом, отобедавши, и потом, отслуживши храмам и в путь шествующим молебен, прямо от церкви, на тех же что из Новленского яму лошадях, в шестом часу по полудни поехали при морозной с ветром погоде.

Отъехавши от Сямской пустыньки пятнадцать, а от Новленского яму двадцать пять верст, остановились для перемены лошадей в сельце госпожи вдовы Акулины Степановны Леонидовой Нефедове и, перепрегши, не выходя из кибитки, лошадей, при морозной же погоде и видной от месяца ночи поехали из него безостановочно. От сельца и яму Нефедова в девяти, а от города Вологды в восьмидесяти семи верстах, в деревне Вагриной, по текущей в Кубинское озеро речке Рубежнице Вологодский уезд и наместничество кончилось, а началось Новгородское наместничество, Кирилловская округа. От пограничной межи в пяти верстах Кубинское озеро (около которого ехали от Кубинского села) при Никольском погосте кончилось. Отъехавши от Нефедова яму двадцать-пять верст, для перемены лошадей в половине одиннадцатого часа по полудни остановились в погосте и яму волок Славянский (так называется по имеющемуся от него не в дальнем расстоянии озеру и реки того ж названия). Во оном погосте каменная двухэтажная не вдавне от подаяния прихожан крестьян построенная церковь; вверху храм Николаю Чудотворцу, внизу – великомученику Димитрию Селунскому. А другую, каменную ж двухэтажную, от мирского же подаяния строят преподобным Зосиму и Савватию Соловецким и Кириллы Белоозерскому. Здесь, в ямщицкой избе порядочно обогревшись, напильсь чаю и поужинали; потом, при морозной же погоде поехали в час по полуночи. Проехавши от яму Славянского волока двадцать-три, Кирилловским уездом тридцать-девять, а от губернского города Вологды 126 верст, часа за два до рассвету приехавши в город Кириллов, покуда отворили в Кирилловом монастыре ворота, остановились, чтоб обогреться, в доме мещанской жены Прасковьи Ивановой Тетериной. У нее есть портрет старицы Пелагеи Фёдоровны, а у брата её санкт-петербургского 1-й гильдии купца, который родился в Кириллове, а ныне откупщик в Калязине Ивана Ивановича Костромина, имеются много портретов славных российских мужей.

22-го числа в субботу, по утру, напившись чаю, с позволения Кириллова монастыря архимандрита Иоакимфа Карпинского, переехавши до ранних обеден в монастырь, стали квартерю в кельях казначее иеромонаха Платона...».

Не лишняя деревня Пучка – село Покровское

1.

Деревня Покровское – следующий крупный населённый пункт на Кирилловской дороге... Ну это раньше был крупный. По переписи 2002 года в Покровском жили 16 человек, ныне и того меньше. В народе эта деревня больше известна как Пучка.

Вот что рассказывает Ольга Христофоровна Кирьянова, художественный руководитель Борисовского дома культуры, которая и сегодня живёт в Пучке-Покровском.

– Раньше всегда говорили – «деревня Пучка». Я когда после окончания училища вернулась домой, пошла прописываться, и меня прописали в Покровском. Я только дома это увидела. Удивилась, что всегда в Пучке жила, а тут в Покровском прописали. Пошла обратно в паспортный стол. Оказалось, что это одна и та же деревня – в документах всё время путали Пучку и Покровское, а в отчетах часто появлялась «лишняя» деревня.

По реке название, конечно, более древнее – Пучка. И полное название церкви, находящейся здесь – Покрова Пресвятой Богородицы на Пучке. Но раз уж появилась церковь, значит, всё-таки село и уже село-то по названию церкви – Покровское. А потом село «разжаловали» в деревню – так появилась деревня Покровское. Она же и Пучка.

Пучка – Покровское -----

– У меня отец из Пучки, а мама из деревни Платунья, в двух километрах, – продолжила рассказ О. Х. Кирьянова.

А Татьяна Константиновна Покровская, которая живёт в деревне Новое и собирает материалы по истории этой местности, тут же добавила:

– На старых картах название деревни – Новая Платунья...

Была, значит, когда-то и «старая» Платунья... Теперь уж ни новой, ни старой... Уже и в большом когда-то селе Покровском (оно же и деревня Пучка) лишь в трёх домах постоянно живут...

Ольга Христофоровна продолжает:

– Родители работали в совхозе «Борисовский». (Раньше там был колхоз «Организатор», в 1965 году все мелкие колхозы объединили в совхоз). – Мама работала дояркой, разнорабочей, отец – шофёр.

Ферма в Пучке была, давно уже нет... Свою скотину держали.

Сейчас постоянно живут в трёх домах, на лето много приезжает дачников. Я ещё помню, что в 80-е годы было около 20 домов и во всех жили. В церкви в наше время уже ничего не было, а раньше, говорят, склад был какой-то...

Татьяна Константиновна добавила:

– Зерносклад. И было там, говорят, 32 ступени, по которым и вносили мешки с зерном весом в 70 кг...

2.

Ну да... Больше-то уж негде было зерно хранить... А теперь вот и хранить нечего – нет совхоза и зерна нет, и скота нет. Как и не бывало! А ведь всё было: и совхоз, и колхозы, и крестьянские наделы... Что, разве же всё это стало не нужно на этой древней земле? Кто ответит?... Уже и ответить, кажется, некому...

Стоят немым укором пустые дома и церковь, которую начали было восстанавливать в конце 90-х годов. Но так и сгнили леса, поставленные вдоль стен храма, упал и последний, оставшийся на одной из главок крест... Чего не хватило для реставрации – денег или желания? Церковь Покрова Богородицы на Пучке, упоминавшаяся ещё в «окладной книге» Спасо-Каменного монастыря 1618 года, с 1781 года каменная – ждёт своего восстановления.

Татьяна Константиновна Покровская передала мне текст следующего документа:

«Анкета на служителя культа священника Покровской Пучковской религиозной общины».

Священник Василий Григорьевич Осокин родом из крестьян деревни Семенково Семеновского с/с, Пригородного района Вологодского округа, рождения июня 1902 года. Грамотный, окончил сельскую министерскую школу в Прилуках в 1917 году, женат, беспартийный, судившийся в 1924 году по ст. 119 УК и присужденный к 1 году лишения свободы. С 1917 года жил в Прилуцком монастыре сначала скотником, потом певчим по 1924 год. С 1925 по 1928 год жил псаломщиком, а потом дьяконом при церкви Введения в Ракулове Пригородного района. В 1928 году служил священником в селе Спасском-Куркине, в 1929 году перешел на Пучку, оттуда в том же году обратно в Спасское до 21 февраля 1930 года. 3 марта 1930 года вновь поступил на Пучку. Особые приметы его среднего роста, русский, без усов, тощий, видит на один глаз. 22 апреля 1930 года».

Судя по стилю, анкета составлена работником правоохранительных органов. Что стало с отцом Василием? Скорее всего, кончина его была мученической.

Все последние (перед разорением 30-х годов) священники наших храмов – мученики за веру. И сами-то храмы – памятники мученичества, священники их – сосланы, расстреляны; в стенах храмов страдали и умирали сотни и тысячи «раскулаченных» крестьян с Украины и юга России по пути на поселения (и назвал же кто-то нынешние сельсоветы – «поселениями», какой же глухотой на собственную историю надо обладать!); а потом в наших храмах были склады, бани, мастерские...

Храмы наши – мученики!

3.

Говоря о прикубенских деревнях и сёлах, как не сказать о кружевоплетении. Практически в каждой семье плели кружева. Причём не только женщины, но и мужчины... Как раз в Пучке была в своё время кружевная артель. А О. Х. Кирьянова является представителем знаменитой «кружевной» семьи.

Материал о кружевном промысле и мастерах кружева предоставила В. Н. Маракова, даю его здесь в сокращении.

«...В конце 20-х годов была организована в Борисовской волости Пучковская кружевная артель... Первая выпускница краевой инструкторской кружевной школы Апполиария Ивановна Киселева (Суворова) по распределению была направлена в Пучковскую артель и проработала там 3 года – с 1931 по 1934 год. Пучковская кружевная артель объединяла деревни не только Борисовского, но и Шолоховского сельсовета. А это не один десяток деревень. Работа в общественных мастерских означала, что женщинам нужно было ходить

каждый день на работу за много верст поэтому для девушек, работающих в Пучковской артели, в этом же здании был организован и ночлег. Были организованы производственные мастерские в нескольких других деревнях Борисовского сельсовета: Городок, Новое, Сараево и др., в которых работали от 15 до 25 кружевниц...

За годы существования Пучковской артели начальниками и приемщицами работали: в 30–40 годы – Гладкова Лидия Степановна, Дормидонтова Римма Александровна; с 1943 по 1965 годы – Артамонова Елизавета Андреевна, Колесова Мария Николаевна, Бунтова Валентина Павловна; в 60–70-е годы – Кирьянова Валентина Дмитриевна, Кирьянова Валентина Александровна.

С 1960 года в связи с упразднением промкооперации и передачей артели в систему местной промышленности Пучковская артель входит в Кубенскую кружевную артель как отделение, а с 1964 года как производственный участок Вологодского кружевного объединения «Снежинка». Участок был закрыт в середине 80-х годов и надомницы-кружевницы сами уже сдавали свои кружева в Кубенское отделение, руководила которым Борисова Валентина Николаевна...».

Искусство кружевоплетения передавалось из поколения в поколение. Яркий пример – династия Гладковых–Кирьяновых–Бобылевых–Николаевых. Материал об этой династии также предоставила В. Н. Маракова.

«...Гладков Степан Васильевич, примерно 1870 года рождения и его жена Лариса Васильевна с детства плели кружева под руководством своих родителей. И своих семерых детей они также научили кружевоплетению. Степан Васильевич к тому же скупал во всей округе кружева и возил их на продажу «за озеро», покупая там соль и глиняную посуду, – этот товар пользовался неизменным спросом в «борисовских» деревнях... А сам он, по рассказам его дочери Лидии Степановны своей правнучке Кирьяновой Ольге Христофоровне любил плести чёрные шёлковые кружевные шарфы и шали. Один из этих шарфов бережно хранится в семье вот уже более 100 лет. Также выплетал он кружева на отделку мужских и женских рубаш.

Гладковы Лидия Степановна (1896–1997) и Таисия Степановна – дочери Степана Васильевича и Ларисы Васильевны с 8 лет плели кружева. Когда в их деревне была образована Пучковская кружевная артель, Лидия Степановна долгое время работали в ней и начальницей, и приемщицей. Надо было рассчитать задание, произвести нужные расчеты за работу и даже приготовить для кружевниц сколки, то есть наколоть их...

Римма Александровна Кирьянова и Ангелина Александровна Бобылева – внучки Степана Васильевича и Ларисы Васильевны. Ангелина после учёбы в школе 3 года училась в Долговом (около с. Кубенское) в школе кружевоплетения и около восьми лет там работала.

Но затем обстоятельства сложились так, что пришлось перейти на работу в колхоз, где работала и её сестра. Но кружева плели всё равно, работая надомницами долгие годы в кружевном объединении «Снежинка».

Ирина Христофоровна Николаева – правнучка главы семьи. Научилась плести в раннем возрасте. И хотя профессия у неё другая, но всю свою сознательную жизнь и каждую свободную минутку отдаёт любимому делу – кружевоплетению.

Нина 1988 г. р. и Катя 1990 г. р. Николаевы – праправнучки главы семьи и дочери Ирины Христофоровны тоже с раннего детства плетут кружева. Катя заканчивает медучилище, но с плетением кружев не расстается, а Нина, закончив курсы при Вологодском ПУ по кружевоплетению, не только работает надомницей и сдаёт кружева в кружевное объединение «Снежинка», но ещё ведёт кружок кружевоплетения.

Первоклассник Марат, пра-пра-правнук Степана Васильевича Гладкова, видя, как плетут тётя, мама и бабушка, уже с трёх лет научился навивать нитки на коклюшки. Накануне нового 2016 года он принимал участие в областном конкурсе-выставке «Кружевная сказка», представив на выставку три работы. Дед-Мороз вручил Марату специальный диплом «За усердие» в 1-й возрастной категории».

4.

Одна из многих, впадающих в Кубенское озеро речек, пересекает наш путь...

О речке этой поэт из Майского Виктор Тарасевич написал:

*В речке Пучке
Лишь помоешь ручки.
До того она мала,
Что коза переплыла.
...То ли дело – Сухона,
Льдами так и ухает!
Почему сильна она?
Да из Пучек создана!*

А ведь это счастье «помыть ручки» в родной речке!.. А за речкой деревня с дивным именем – Бережок...

Как Сухона и Двина сильны Пучками да Ельмами, так и Россия всегда была сильна Покровскими, Бережками...

Родина! Береги истоки свои, храни свои речки, деревни и сёла...

Трактор, небо, крест...

1. Каберов из Никулинской

Виселкино, Котлово, Шолохово, Никулинское, Княжево, Курдумово, Телячьево – деревни и деревеньки на старой Кубенской дороге, ныне в основном «дачные», а когда-то наполненные кипучей жизнью... То и дело из кипения «выплёскивались» в большой мир яркие, горячие люди...

Из Никулинской, например, Игорь Каберов – лётчик-ас, Герой Советского Союза. Он родился в 1917 году в обычной крестьянской семье, окончив семь классов, уехал в Вологду и работал на вагоноремонтном заводе. По призыву комсомола и собственному стремлению пошёл в авиацию, в 1938 году окончил Коктебельскую лётную школу Осоавиахима, в 1940 году – Ейское военноморское авиационное училище.

С начала Великой Отечественной – военный лётчик. Боевой счет открыл 4 августа 1941 года, сбив в воздушном бою истребитель противника. В боях на подступах к Ленинграду Игорь Каберов, лётчик 5-го истребительного авиационного полка (61-я истребительная авиационная бригада, ВВС Балтийского флота) на истребителе И-16 таранил фашистский бомбардировщик. Свой поврежденный самолет посадил в поле у села Большие Вруды. И продолжал после этого воевать.

Звание Героя Советского Союза Игорю Александровичу Каберову присвоено 24 июля 1943 года за 397 боевых вылетов, 92 воздушных боя, 8 лично и 18 в группе сбитых самолётов противника. Всего за годы войны лично сбил 10 самолётов противника.

После войны И. А. Каберов жил в Великом Новгороде. Написал книгу «В прицеле свастика», умер в 1995 году. На Вологодчине помнят своего героя...

Каберов

Игорь Александрович

...Мы уже въехали в следующее по Кубенской дороге большое село Новленское. Оно стоит на берегу речки Большая Ельма, впадающей через пару километров в Кубенское озеро. Из Новленского – отворотка на Вотчу и Красный берег...

2. Идёт посевная

– Еду на Красный берег, – начинаю я разговор с председателем СХПК колхоз «Новленский» Олегом Владимировичем Разживиным в конторе колхоза. – Сколько же там заброшенных угодий! Когда-то всё было нужно, работала бригада, заготавливали корма...

– Раньше было производство – совхоз им. Клубова. При хорошем производстве площадей всегда не хватает, поэтому использовались любые площади., – поддерживает разговор председатель. – Людей в колхозах было много и многие работы, особенно сенокос, выполнялись вручную, поэтому выкашивались все самые маленькие поляны. В отдаленные места забрасывались бригады, которые жили там, заготавливали сено, а по зимним дорогам эти корма вывозились. С развитием механизации, с появлением высокопроизводительных машин людей в производстве стало значительно меньше. А машины ведь не могут забраться во все уголки, где раньше велось сельхозпроизводство...

– Вот пример того, как «цивилизация» вытесняет людей ...

– К сожалению, сеть дорог в нашем регионе крайне не развита. Это одна из причин заброшенности огромных территорий, в том числе и Красного берега. Если мы проедем по Московской области, Ленинградской, то увидим дороги с прекрасным асфальтовым покрытием в самые дальние уголки. Я лично много ездил в последнее время по хозяйствам Ленинградской области...

Да, поехать председателю «Новленского» довелось в последние месяцы много – пришлось после недавнего пожара срочно закупать технику, необходимую на посевную и для других работ.

И вот посевная началась...

– Выехали на посевную 27 апреля, – рассказывает О. В. Разживин. – В сложившейся ситуации главная задача была – организовать работу так, чтобы не было срывов. С этой задачей мы справились, несмотря даже и на то, что сломался трактор, приобретенный после пожара, который работал с посевным комплексом. При недостатке двух тракторов работа организована круглосуточно в две смены по 12 часов. Сеется в день не менее 110 га площадей. Вся площадь посева у нас – 1800 га. При таких темпах должны уложиться в оптимальные сроки. Сейчас ведём ремонт трактора, надеемся, что через пару дней он войдет в строй. Конечно, все это сложности – следствие пожара. Но предыдущие годы хорошей

работы создали хозяйству запас прочности, который помог нам справиться с кризисом. К тому же нам очень сильно помогли хозяйства Вологодского и Кирилловского районов, которые без всяких просьб откликнулись на нашу беду. Я искренне благодарю Александра Валентиновича Баушева, председателя СХПК «ПЗ Майский», Андрея Александровича Клёкова, председателя СХПК «Ильюшинский», Татьяну Николаевну Мешалкину, председателя колхоза «Коминтерн-2» (Кирилловский район), Алексея Васильевича Смирнова, главу крестьянского хозяйства.

Особые слова благодарности председатель высказал механизаторам, которые, понимая сложившуюся ситуацию, без всяких сомнений или недовольств согласились работать в две смены.

– Все работают отлично. У меня нет никаких претензий к механизаторами, только благодарность.

И вот мы едем на поле у деревни Поповка. Там идет сев ячменя.

Особенность обработки почвы в Новленском – отказ от вспашки. При этом зябь поднимается на 100 % площадей. Часть зяби, по словам О. В. Разживина, обрабатывается чизельным плугом или тяжёлым стерневым культиватором. После этого культиватора весной

Посевная .....

посевные комплексы выезжают в поле без дополнительной подработки почвы, благодаря этому снижаются затраты. И, видимо, не случайно именно «Новленский» стал лидером по урожайности зерновых среди хозяйств района в прошлом году.

Одной из постоянных забот на здешних полях – камни. На протяжении столетий из года в год крестьяне убирают камни с полей. И ныне работают камнеуборочные машины, люди. Это постоянные дополнительные неизбежные расходы для крестьян.

– Я в прошлом году считал, получилось, что приблизительно 40 копеек из 6 руб. 50 копеек себестоимости килограмма зерна занимает уборка камня, – делится заботой председатель.

И всё-таки самые частые поломки техники случаются именно из-за камней. Вот и сейчас, приехав на поле, видим, что ремонтируется сеялка.

Ремонт в хозяйстве организован на высоком уровне – машина со сварочным аппаратом и всем необходимым приезжает оперативно.

А вот и один из лучших в хозяйстве механизаторов – Андрей Александрович Писарев.

– Недаром и первая импортная техника, прибывшая в хозяйство, досталась именно ему, – вспоминает председатель.

А. А. Писарев в хозяйстве работает более 20 лет. Работал на всех видах тракторов, начиная с Т-40. Уже девятый год работает на «Джон Дире».

– Да, приходится работать в две смены, – подтверждает он. – А что делать? Надо побыстрее посеять, все это понимаем. Всем непросто – и нам, и председателю... Посеем!

Мы возвращаемся с поля к конторе колхоза. В поле стоят большие мешки с удобрениями, подготовленными к внесению в почву. С такими вот мешками недавно произошёл неприятный случай.

– Дети «побаловались», распоролы несколько мешков с удобрениями. Участковый быстро их нашёл. Оказалось, дети приезжих дачников, – рассказывает Олег Владимирович. – Удивляет в этой ситуации позиция родителей – защищают своих детей, оправдывают. К сожалению, мы вряд ли получим какую-то компенсацию за потерянные удобрения... Вот и думаешь, что же это за люди – «городские»? Почему они, приезжая на отдых в сельскую местность, так себя ведут? С удобрениями – это уж исключительный случай. А мусор выкинуть на край поля – дело обычное...

Действительно, почему же так происходит? Думается, дело не в «городских» и «деревенских», а в воспитании, и не показной, а внутренней культуре. А отношение к землекормилице – высший критерий этой культуры.

2. О герое

Попрощавшись с Олегом Владимировичем Разживиным, едем в Красный берег. Дорога туда начинается от бюста дважды Герою Советского Союза Александру Фёдоровичу Клубову...

По семейным, передаваемым изустно воспоминаниям, ещё мальчиком Саша Клубов однажды, указав рукой в небо, сказал: «Я там буду царём!» Что это? – интуиция, прозрение чистого детского сердца? А. Ф. Клубов и в более зрелом возрасте обладал тонкой душевной организацией – любил стихи, посещал литературно-художественные вечера, может, и сам сочинял... Но всё победила любовь к небу. Он стал одним из лучших лётчиков-истребителей Великой Отечественной, дважды Героем Советского Союза. Как знать – доживи он до Победы, может, и имел бы отношение к космонавтике, возраст (а он погиб по трагической случайности в двадцать шесть лет) позволял говорить, что всё еще у Александра Клубова впереди. Кстати, тот факт, что многие из его младших родственников (племянники, своих детей нажить не успел) пошли по его стопам, трудились в авиационной и космической отраслях, говорит о многом... Но он успел, то, что успел – стал признанным асом, сбил тридцать один самолёт противника, приблизил, как мог, общенародную Победу, навсегда остался в памяти земляков. Согласитесь, для двадцати шести лет – не мало...

Есть что-то общее во внешности Клубова и Гагарина, Игоря Каберова и, между прочим, Александра Покрышкина (сослуживца и командира Александра Клубова): эта статья, эти молодые русские лица, эта открытость и одновременно внутренняя собранность во взгляде. Судьбами и подвигом именно таких русских парней проложены пути и к Победе, и в космос... Все они

Клубов

Александр Фёдорович

– выходцы из корневой, вековой русской деревни, все они – крестьянские сыны. Гагарин со Смоленщины; родители Покрышкина (сибиряка по рождению) – выходцы из Вятской губернии; Александр Фёдорович Клубов – уроженец земли вологодской. Место его рождения имеет красивое поэтическое название – Красный берег. Родная его деревня – Яруново. Какая древность в этом названии! Ярун, Ярило в древне-славянском пантеоне – олицетворение животворящей солнечной энергии, яростной силы небесного светила. А ведь ничто в мире не происходит случайно, и, как и почему он, мальчик с Красного берега из деревни Яруново, почувствовал в себе тягу к небу, мы не знаем, может, и отозвалась энергия, заложенная в названии родного места.

...Главными героями русской истории двадцатого века стали крестьянские дети, назову лишь некоторые имена: Ильюшин, Гаврилин, Жуков, Есенин, Гагарин, Белов... Ряд этот можно множить и множить. И в этот ряд естественно, по праву родства и подвига встал и Александр Фёдорович Клубов. Все они – яркий пример жизнестойкости, природной смётки, таланта, силы физической и духовной русского крестьянина, вырвавшегося в результате величайших социальных потрясений на широкую историческую арену. Уверен – от того, станут ли их внуки и правнуки героями века двадцать первого, зависит судьба России и всего мира.

А имя Александра Фёдоровича Клубова, конечно, не забывается – на его родине поставлен памятник, в Вологде его именем названа улица, о нём снимаются фильмы, пишутся книги...

3. Крест над Красным берегом

И вот, миновав Вотчу (в которой мы ещё остановимся на обратном пути), едем дальше, на таинственный Красный берег.

Это местность в петле реки Большой Ельмы – когда-то десятки деревень, под две тысячи человек населения. Ныне – три деревни, в которых девять человек. Электричество получают от собственного генератора (если из Новленского успеют завезти солярку, пока дорога проезжая).

Дорога разбита, а в двух километрах от деревни Яруново и вовсе прекращается, уткнувшись в болотину.

В прошлом году на Красном берегу, у деревни Яруново, стараниями постоянных жителей и выходцев из этих мест, живущих в городах, был поставлен обелиск в честь погибших в Великой Отечественной войне красносёлов (так зовут жителей Красного берега). 165 человек погибли на той войне. Среди них и Александр Клубов.

Тогда-то, во время открытия обелиска, и прозвучала эта мысль – поставить памятный крест на месте разрушенной церкви.

И вот сегодня этот крест будет установлен. Приехал из города протоиерей о. Александр (Лебедев) (дорогу, вернее, бездорожье до Ярунова, те самые два километра, он бойко преодолел, придерживая одной рукой рясу, в другой держа чашу для святой воды). Мир тесен, а наш «вологодский мир» и того теснее, мы с отцом Александром – давние знакомцы.

Приехал Сергей Беляков (председатель областного отделения Ассоциации крестьянско-фермерских хозяйств), его жена – местная уроженка, а он выступил главным организатором мероприятия.

Крест уже готов – огромный, светлый. Собрались местные жители, приехавшие городские их родственники. Погрузили крест на телегу, затарактел заведённый «с толкача» тракторок. Поехали, пошли...

На горе, вблизи кладбища, там, где стояла церковь, стали поднимать крест. Нелёгкая это работа, оказывается, кресты-то ставить. Если бы не опыт Константина Советова, под руководством которого на Вологодчине были смонтированы десятки, если не сотни, зерносушилок, туговато пришлось бы.

Но – справились с Божьей помощью! Свято место – пусто не будет: над Красным берегом, над всем миром воздвигся крест. И звучит, взлетает в небо и опускается в души благая весть: Христос воскрес!

Воистину воскрес!

Неунывающий Механиков и его команда

Ехать ли на Красный берег, возвращаться ли с него на Кирилловскую дорогу – Вотчу не минуешь. Это и одноименное село, и местность вокруг. Здесь и трудится Александр Механиков со своими помощниками...

Бывал я, уже много лет назад, в Вотче, в хозяйстве Александра Анатольевича Механикова. Долго тогда говорили, и я написал потом очерк.

И вот через годы снова встретились там же, на Вотче, на «базе» фермерского хозяйства Механиковых. И повод для встречи серьезный – 10 лет с момента основания хозяйства. Если точнее, 10 лет было в конце 2015 года.

Александр Анатольевич рассказывает, с чего начиналось предприятие и к чему пришло за эти годы.

– А начиналось всё с того, что ничего здесь не было, чистое поле. После того, как прекратил своё существование совхоз им. Клубова, собрались несколько человек – я и три механизатора. Построили пилораму, построили овчарню. Купили первых овец, начали разводить, сами заготавливали на одном тракторе сено...

Конечно, такое решение мужики приняли не с бухты-баряхты. Александр Механиков к тому времени, к сорока годам своим, уже поработал и главным зоотехником, был и руководителем сельхозпредприятия. Так что, начиная своё дело, беря кредит в банке, надеялся не на авось, а на точный расчет, собственные знания и трудолюбие тех людей, с которыми начинал работать (о них более подробно далее). Конечно же, надежной опорой была и жена Марина, на её имя и было оформлено предприятие. Верным помощником был и остается и сын Вениамин.

Александр Анатольевич Механиков -----

– Овцами-то почему стал заниматься? В то время для того, чтобы развести овец, потребовался минимум средств, при том, что племенные романовские овцы – это хороший товар, – рассказывает Механиков. – А ведь беря кредиты, приходилось очень серьезно думать, во что вкладывать средства, как вкладывать, как быстро эти деньги вернутся. Поэтому и начали с овец.

Но уже вскоре, в 2007 году, КФХ Механиковых занялось и выращиванием зерна, сначала совместно с совхозом «Заречье», а потом и самостоятельно.

– Когда мы стали заниматься зерновыми, у нас появилось много зерна, – вспоминает Александр Анатольевич. – И как раз 2008–2009 годы были абсолютно провальными по цене. Эти два года в экономическом плане откликаются нам до сих пор. Потому что, начав заниматься зерновыми, мы купили технику, сушилку, построили склад... Всё это не окупилось. Нам пришлось перекредитовываться, долги росли. Очень сложный был период.

Александр Механиков и его коллектив выстояли в то трудное для предприятия время, перетерпели, не опустили руки, искали пути выхода из кризиса, работали. Это самое главное – работали.

– 2010 год был уже хорош по цене на зерно. Стали потихоньку вылезать из долговой ямы. А в 2013 году активно начали гасить кредиты... Естественно, мы и сейчас пользуемся кредитными ресурсами, но по минимуму.

А случился этот экономический рывок вверх в хозяйстве Механикова благодаря хорошему урожаю и реализации картофеля в 2013 году. Впрочем, к тому времени выращиванием картофеля хозяйство занималось уже несколько лет.

– И вот уже год не занимаемся картофелем, у нас нет настоящего хранилища, и те объёмы, которые мы уже выращивали (до 500 тонн), нам просто положить некуда. Но вся техника по картофелю сохранена и в любой момент мы можем возобновить его выращивание, – объясняет Александр Механиков.

Что ж, нормальный, практический подход к делу.

Кроме овец, в хозяйстве выращиваются быки на мясо.

– Когда появилось у нас зерно, мы построили телятник – сперва небольшой, вместимостью до 120–150 голов. И какая-то часть зерна пошла на откорм...

Вот так одно дело за собой и другое тянет. И это правильно.

– Многое изменилось в лучшую сторону в экономике хозяйства и благодаря тому, что мы получаем вот уже несколько лет стабильно хорошие урожаи зерновых, – продолжает рассказ Александр Механиков. – Зерно является для нас хорошим товаром. Плюс к этому – мы стараемся продавать не только целое зерно, но и делаем комбикорма, у нас есть свой комбикормовый мини-завод... Ну, и 2015 год был самый удачный по овцеводству, мы продали рекордное количество племенных животных.

Не упускает Механиков и возможность получить помощь от государства по различным программам поддержки сельского хозяйства.

– Сейчас в области довольно много целевых программ. Мы участвовали в программе по развитию семейных ферм. Участвуем в программах развития мясного животноводства и по субсидированию приобретения техники. Всё это достаточно эффективные программы и совсем не лишняя для нас поддержка, – говорит Александр Анатольевич.

На сегодняшний день в крестьянско-фермерском хозяйстве Механикова 290 быков на откорме, 400 овец, зерновые (ячмень и горох) сеются на 420 га. Хозяйство полностью обеспечивает себя кормами для животных – зерном, силосом, сеном, а частично и продаёт.

Сейчас, как и у всех крестьян, думы Александра Механикова уже о предстоящей посевной.

– Сейчас приобретаем удобрения. Ждём «несвязанную» поддержку из бюджета на удобрения и ГСМ. К посевной будем готовы, – уверенно говорит Александр Анатольевич. И тут же делится «секретами»: – В посеве у нас применяются три технологии: классика жанра – вспашка плугом, культивация и посев; минимальная обработка почвы; и даже «нулевая» обработка – сев «по стерне». Каждый год мы обрабатываем часть полей от сорняков – это тоже крайне важно для получения хорошего урожая.

Есть «секреты» и в животноводстве:

– Все помещения мы строим самостоятельно из самых простых материалов. Ничего, казалось бы, особенного, но за нашим опытом по содержанию скота уже многие приезжают из других хозяйств области. Я только недавно сам узнал, что содержат телят по «канадской» технологии. Позвонили из Череповецкого района, мол, хотим приехать, посмотреть вашу «канадскую» технологию..., – смеется Механиков. – Телятник работает уже с 2009 года. В прошлом году в «Майском» такой же телятник запустили, правда, у них уже есть и металлические конструкции, а у нас всё деревянное. А в прошлом году мы удлиннили телятник, чтобы увеличить вместимость, и тоже сделали всё с минимальными вложениями средств. На крышу купили в Москве четыре тента, натянули – год стоит, всё в порядке...

Но самая большая ценность любого предприятия, и Александр Механиков прекрасно это понимает, не деньги, не техника или помещения, а коллектив, люди. О людях он рассказывает с гордостью:

– Назову своих главных помощников: Николай Николаевич Веричев работает с самого начала предприятия. Он и в колхозе был одним из лучших механизаторов, кавалер ордена Трудовой Славы. Александр Александрович Рехов – самый возрастной наш работник, ему уже за 60 лет, но он до сих пор в строю, тоже механизатор. Водитель КАМаза – Александр Петрович Дегтярёв. Он на какое-то время уходил из хозяйства, но снова вернулся к нам. Александра Евгеньевна Галкина работает в хозяйстве пять лет, пришла к нам из управле-

ния сельского хозяйства Вологодского района, и мы купили для неё квартиру в Севастьянове. Она агроном, но освоила и маркетинг, и учет... Галина Ивановна Савина занимается животными. Она очень квалифицированный работник. Благодаря её труду мы имеем хороший привес на быках, хороший выход ягнят. Для Галины Ивановны мы тоже купили квартиру. Ну, и о сыне Вениамине скажу: летом ему будет 24 года, с самого детства он помогает мне. Когда мы купили итальянскую зерносушилку, ему было 16 лет. Жена спрашивает: «Кто будет работать на сушилке?» Я говорю: «Веня будет осваивать.» И освоил. На сегодняшний день он закончил ВГМХА, стал дипломированным агрономом, работает в нашем хозяйстве, владеет любой техникой. Есть и молодые работники. Вот недавно пришёл работать местный паренек Женя Кузичев, посмотрим, что получится... Я благодарю всех работников предприятия за труд. Вместе мы переживали сложности, и успехи у нас тоже общие.

Ну и как же может обойтись разговор с крестьянином без размышлений о судьбе деревни, сельского хозяйства...

– Мы довольно много земли взяли бывшего совхоза им. Клубова, обрабатываем.., – говорит Механиков. – Много взял «Ильюшинский». Эта земля работает, она не потеряна для сельского хозяйства. Но много полей и заросло, больно смотреть на это. А Красный берег?.. Я редко бываю на Красном берегу, но когда бываю, я понимаю, что такое благодать. У меня только прабабка оттуда, но я чувствую связь с той землей. Не должны мы всё это терять. И когда говорят, что это неизбежно, что нам, мол, хватает и той земли, которую сейчас обрабатываем, я не согласен с этим. Смотрю передачу: умный вроде бы человек говорит, что мы сегодня продаем зерна, сколько Советский Союз и не мечтал. Правильно. Продаем зерна много, хлеба у нас достаточно. А мяса не хватает, молока не хватает. А зерно – это основной корм для скота. Вот и стоят в наших магазинах молочные продукты из Белоруссии, в которой каждый клочок земли распахан. Дак надо нам распахать больше земли или нет?

...Бывает приятно узнать о человеке, которого давно уже знаешь, что-то новое, хорошее. И я узнал в этот день, что Александр Анатольевич Механиков ещё и гармонист. Сам освоил инструмент. Отлично играет и поёт... Я убедился в этом, посмотрев тут же запись (гармони на работе нет) на планшете (есть же и польза от этих «гаджетов»). Сначала казачью песню спел Механиков – здорово! А вот уже за душу берут родные слова и мелодия: «В этой деревне огни не погашены, ты мне тоску не пророчь...» Да-да... Не надо тоски и уныния, кто там сказал, что надежды потеряны, кто это выдумал вдруг!.. Ничего еще не потеряно, когда есть такие неунывающие труженики, как Александр Механиков и его команда, как тысячи русских крестьян, на которых и ныне Россия держится.

Огненные вёрсты сержанта Соболева

На голубой обложке обычной школьной тетрадки в клетку неровными буквами крупно выведено: «Соболев Анатолий Павлович, 1921 г. рождения».

Тетрадку эту принёс мне житель Новленского Павел Анатольевич Соболев. Сын. «Об отце никогда не писали, а он всю войну прошёл, – сказал Павел Анатольевич.

Ну что же, вспомним солдата Великой Отечественной войны, старшего сержанта, разведчика и пулемётчика Анатолия Соболева.

Вот данные из учетной карточки Кубено-Озёрского райвоенкомата: место рождения – с. Новленское; год рождения – 1921, окончил 6 классов; место работы, должность – с-з «Новленский», рабочий; призван на действительную военную службу 16 сентября 1940 года, член КПСС с 1944 года, уволен в запас 23 мая 1946 года.

Он мало, по словам сына Павла, говорил о войне, не хранил ордена и медали. Известно, что за годы войны его дважды «хоронили» – первый раз в начале войны родным пришло извещение о том, что он пропал без вести; второй раз, уже во время освобождения Украины, была похоронка... Но он выжил и воевал до конца 1944 года, когда после ранения был отправлен учиться в Ярославское пехотное училище.

После демобилизации Анатолий Соболев жил в Новленском, работал в совхозе. Воспоминания о войне записал уже незадолго до смерти в 1984 году.

Я с волнением открываю тетрадь и вчитываюсь... в память и боль.

Соболев

Павел Анатольевич

Записи обрывочны, не всегда сохранена хронология, повествование ведётся то от первого, то от третьего лица. При всей своей безыскусности моментами текст достигает высокой художественной силы. Впрочем, главная его сила как раз не в художественности, а в правде войны и подвига... Я старался, как можно меньше править текст и для удобства чтения разбил его на главы. А начну публикацию этой тетради с самой последней фразы, пусть она станет эпиграфом:

«Это очень малая доля действительности, ведь всё не опишешь, это взяты единицы, ведь каждый бой, каждое отступление или наступление длились днями, неделями. Это путь от границы и до границы».

Анатолий Соболев

ОГНЕННЫЕ ВЁРСТЫ

1.

655 артиллерийский полк после ожесточённых боёв в приграничной зоне (наступление немцев в районе Львова) выходил из окружения. Не было фронта, враг был всюду. И только благодаря умелому командованию офицерского состава, стойкости личного состава полк уходил из-под ударов немцев, и сам наносил врагу ощутимые удары. В батареях были в основном кадровые солдаты и офицеры.

Немцы, видя перед собой крепкую часть, мешавшую их быстрому продвижению, принимали все меры, чтобы уничтожить полк. Но полк выходил из-под ударов и появлялся там, где его не ждали, вновь уничтожая мелкие части немцев.

Тогда немцы бросили танки. Измученным, потерявшим счёт дням солдатам нужно было за короткую ночь сменить боевые позиции, соорудить ложные позиции, подготовиться к бою.

После артиллерийской и авиационной подготовки немцы бросили танки и пехоту на ложные позиции. А наши хорошо замаскированные батареи жгли немецкие танки с флангов, били с дальних огневых позиций...

2.

Так продолжалось много дней и ночей.

Когда немецкая пехота прорывалась к батареям, у орудий оставалось лишь необходимое количество людей, остальные – рядовые и офицеры – брались за винтовки. Отбивали атаки, переходя в рукопашную, которой немцы не выдерживали.

Тогда немцы, стянув крупные силы, решили уничтожить полк одним ударом. От захваченного разведкой немецкого полковника узнали, где намечалось нанести удар.

Перед нами было огромное болото. Приняли решение прорываться на лежневую дорогу через болото. Солдаты понимали, в каком положении они находятся – оборванные, оглохшие, с кровоточащими, обмотанными бинтами ногами. Оставалось погибнуть или прорваться.

Мы вырвались на лежневку и оторвались от немцев. Следом за нами шли немецкие танки, машины полные солдат, цистерны с горючим. Они понимали, что мы не успеем перейти болото и развернуть орудия. Но мы успели...

Пропустили мотоциклистов, чтобы немцы не чувствовали опасности, и когда вся эта масса была в двух десятках метров, стали в упор расстреливать. Сначала били по первым и последним танкам.

Было трудно понять, что происходит: горели танки, рвались цистерны с горючим, рвались снаряды, металась пехота, и не найдя выхода, бросалась в болото, где тонула или расстреливалась...

Но всё же немцы просочились через болото. наших орудий там уже не было. Оставался лишь наблюдательный пункт, откуда вёл корректировку огня командир третьей батареи. Немцы были всюду, кругом. Я оказался последним, кто отходил от переправы и случайно оказался на наблюдательном пункте. Уже были приказом отосланы связисты. Я не смог оставить этого смелого человека, и он махнул рукой, мол, оставайся.

Немцы были кругом. Всё горело. Рвались немецкие и наши снаряды. Я не знаю, как смог выдержать, как мог расстреливать немцев, выходивших к наблюдательному пункту. Видимо, спокойствие и выдержка комбата передались мне.

И только когда комбат бросил трубку и сказал: «пошли», я понял, что связи больше нет. Мы выходили сквозь разрывы снарядов, и только теперь я понял, почему были отосланы связисты – огонь батареи был вызван на себя.

Я не знаю название ближнего села, но запомнилась скала, откуда вели корректировку огня, лежнёвка и болото.

Полк потерял много орудий. Вместе с орудиями погибла полностью 2-я батарея, чудом остался жив комбат Ковалёв. Но количественный состав полка не изменился, шло пополнение за счёт других, выходивших из окружения частей.

3.

Полк занял оборону у сёл Лески, Червонная Слобода, Измайловка с задачей не дать немцам прорваться к городу Черкассы и переправам через Днепр, не дать отрезать части, находящиеся на станции Смелой.

В первый день после артиллерийской подготовки немцы пошли в наступление, были подпущены на 200–300 метров и уничтожены пулемётно-ружейным огнём.

В течение недели немцы вели наступление, сосредоточив большое количество артиллерии и авиации.

С рассветом, как грибы, выросли немцы среди копен пшеницы. Шли несколькими эшелонами, во весь рост, пьяные, с засученными рукавами. С каждой новой атакой увеличивались груды трупов. По шесть-семь атак в день отбивали.

Но и ночью некогда было отдохнуть: отрывались окопы, траншеи, разбрасывалась ползучая проволока.

Натягивалась проволока в 50 метрах от окопов с таким расчётом, что подошедшие цепи путались в проволоке, теряли боеспособность и расстреливались из пулемётов и винтовок. Прорвавшиеся немцы уничтожались в рукопашной.

Была по немцам и тяжёлая дальнобойная артиллерия судов Днепровской флотилии. Может верно, а может нет, что в тылу у немцев находился матрос, корректировавший огонь флотилии.

В течение недели полк удерживал оборону и только после приказа и высадки в тылу немецкого десанта отошёл к Черкассам.

Ещё день полк держал оборону города и затем был переброшен на левый берег Днепра.

При этом 230 человек оставались на правом берегу, заняв круговую оборону. Весь город уже был занят немцами. Но мост и несколько домов мы ещё сутки держали в руках, и только на второй день, когда были израсходованы патроны, без приказа (да и не от кого было его ждать) решили уходить. Мост был взорван. Уходить надо было вплавь.

Одной из групп командовал я. По договоренности был открыт огонь из пулемётов и винтовок. Мы знали, что сейчас немцы будут ждать нашей вылазки, и в этот момент и бросились к реке, выиграв несколько минут.

Мало кто надеялся переплыть Днепр под огнём, но другого выхода не было.

Немцы ворвались в наше расположение, когда мы были уже на середине Днепра.

Только 13 человек сумели переплыть Днепр. Может, ещё удалось кому-то спастись из оставшихся на берегу.

Вот эти 13 человек: старшина Мельник, заместитель командира полка Соболев, сержант Юшкевич, Путый, Колодецкий, Махилов, Селебенин, Стальцов, Дарунин, Жилов, Кравченко, Пилатов, Шурзаков.

Очень поредевший полк занял оборону на левом берегу Днепра и на острове. Немцы бросили на остров пехоту на лодках и плотах под прикрытием артиллерии и заняли берег острова, чему мы не очень препятствовали.

Они, уже чувствуя себя хозяевами, направились вглубь острова, но были встречены пулемётно-ружейным огнём, атакованы и сброшены в Днепр.

Больше 10 суток держался остров, много тысяч немцев нашли свой конец на острове и в Днепре...

4.

...Рота уходила в ночь.

Да, это была ночь, какие бывают на Вологодчине в осенние ненастные дни. Только ночь эта была не осенняя, а зимняя. Холод, изморозь, темнота... Всё слилось воедино и нельзя было ничего разглядеть за два шага.

Рота 5-го полка 226 дивизии уходила в тыл, чтобы внезапным ударом уничтожить гарнизон в селе Киселёво на другом берегу Донца. С ротой уходили три разведчика артиллериста с задачей, если роте удастся ворваться в село, уничтожить дальнобойные орудия немцев, которые методически, днём и ночью, обстреливали наши части. Если же не удастся занять село, то засечь расположение батарей, чтобы уничтожить их с воздуха.

Это были кадровые разведчики, прошедшие путь от границы, бывавшие в десятках боёв в Карпатах, подо Львовом, Тернополем, под Черкассами, Белой Церковью, Кременчугом, Полтавой.

Двое – сильные, любящие риск.

Третий – совсем не похожий на них, молодой, очень спокойный, что-то детское было в нём. Не знавшие его старшие солдаты иногда смеялись над ним, как над мальчишкой. Но в нужный момент он весь преобразался, и вряд ли кто мог поравняться с ним в силе, ловкости.

Любое задание для него было одинаково важно: он узнавал передвижение и концентрацию немецких войск, расположение укреплённых пунктов.

Он мало рассказывал о том, что уже было – о боях, об окружении. Да и стоило ли об этом говорить... Он помнил, сколько он потерял товарищей, сколько погибло земляков, помнил

горящие сёла, в которых и солдат-то не было, помнил пленных, которых давили немецкие танки. Потому-то он и считал каждое задание ценным. Вёл наблюдение в тридцатиградусный мороз, и ничто не оставалось незамеченным. Подползал к самым огневым точкам немцев для корректировки огня, чтобы артиллерия без большого расходования снарядов уничтожала их.

Помощником его был замечательно смелый солдат, киргиз Аджибек Кушалиев, 1921 г. р.

Они уже дважды ночью ходили к немцам, чтобы сжечь мельницу, с которой немцы вели корректировку огня. Мельницу сожгли, а батареи всё продолжают посылать свой смертоносный груз...

И вот рота перешла Донец, пересекла передний край обороны немцев. Проводником был местный житель.

Село возникло неожиданно. Вместе с этой неожиданностью заговорили пулемёты, воздух разрывали немецкие гранаты.

Сразу на снегу осталось много убитых и раненых...

Он лежал, ждал. Коченели руки и ноги, а батареи всё не открывали огонь. Два часа показались вечностью. Надо было уходить, но как уйти, не выполнив то, за чем шёл?.. Вспомнились слова генерала Горбатова: «Я надеюсь на вас, сынки». И как бы угадывая желание разведчика, ударили немецкие батареи. Совсем рядом, у церкви, ниже по Донцу.

Можно было уходить, но встать и уйти не так-то просто. Не было никаких сил подняться: шинель, сапоги – всё смёрзлось единой льдиной...

Вспомнился начальник связи полка Мурзаков – человек беспредельной храбрости, и казалось, заговоренный от пуль, он всегда находился там, где трудно, где опасно. Они тогда, отрезанные от своих, отбиваясь, выходили из занятого немцами села. Тогда он, сержант-разведчик, предложил просто занять круговую оборону и отбиваться до последнего, как это делали многие. Но Мурзаков сказал: «Нет, так не пойдёт, Соболев. Какая польза, что ты, убив трёх-четырёх фашистов, сам погибнешь? Надо выходить. Ведь нужен ты будешь, ведь ты разведчик, артиллерист». И они пошли на прорыв. Тогда-то и свалила лейтенанта Мурзакова пуля. Прямо под обстрелом и захоронили они его в саду, очень мелко, надеясь, что гражданские перезахоронят...

Всё это встало в памяти, придало сил, помогло подняться из ледяного плена. Надо было пойти во что бы то ни стало. Спирт согревал и помогал, и он шёл быстро (так казалось ему). Сколько было времени, он не знал. Но стало ещё темнее – верный признак скорого рассвета. Изредка попадались замёрзшие трупы пехотинцев из роты, с которой он шёл в тыл. Один, как показалось ему, пошевелился. Да, это был ещё живой Колодецкий! (Из Тихвина).

Он не мог оставить его. Сперва нёс как мешок на спине, потом волок прямо по снегу. Думал: только бы дойти до леса, до погребов – места, куда часто ходил, откуда хорошо была видна и немецкая сторона, и наша.

Шесть километров ещё было до своих. «Успеем ли, дойдем ли?..»

Как будто подслушав его мысли, Колодецкий сел на снег. «Иди, тебе надо дойти. Я отдохну и приду».

Нет, если оставить, он уже никогда не придёт... Погреба лесника уже метрах в 500. Надо обязательно дотащиться туда, там больше возможности спасти Колодецкого.

Сколько времени, сколько силы потребовалось, чтобы пройти эти 500 метров по пояс в снегу с шестипудовым человеком... Но и в погребах ничего утешительного не было: заготовленные дрова и солома не горели, спички отсырели... С трудом разожгли костёр. Но надо было уходить, ведь немцы могли явиться в любой момент. Как это было несколько дней назад здесь же, когда они с Кушалиевым только чудом выбрались на сани, в которых была стереотруба – помогли тёмная ночь да умная фронтовая лошадь.

Но вот наверху зашумело. Много ног шло к погребу. Вот и конец... Взяв гранаты и «парабеллум», встал у входа...

Но услышал голоса своих, скрип саней. Аджибек Кушалиев не захотел верить в его смерть и приехал встречать. Вместе с ним были командир взвода Орлов и комбат Смирнов.

5.

...О чем думает солдат на берегу чужой реки, может, о далёкой реке Ельме, на которой родился и вырос, которая так часто вспоминается и которая не похожа ни на одну из виденных рек...

...875-й полк 226-й дивизии сформировали из остатков отходящих частей, пополнили казаками. Дивизия держала оборону на Донце, чтобы перейти весной в наступление.

Солдаты, частью ещё с первых дней войны; казаки – люди не молодые, не хотевшие терять свою славу. Творили невероятное: взвода, отделения, а иногда просто группы, где были и связисты, и пехотинцы, и разведчики, и артиллеристы, уходили в тыл и вырезали гарнизоны немцев, не были препятствием ни минные поля, ни проволочные заграждения...

Всё это встаёт перед глазами: бой за Рубежное, немецкие танки и автоматчики, прорвавшиеся в тыл. Надо было спасти из-под огня орудия. Люди падали, лошади выбивались из упряжек, но орудия были спасены.

Много людей осталось лежать там навсегда. Остался и молоденький наводчик, принявший на себя танки (пока остальные отходили): три танка расстрелял, а четвёртый взорвал вместе с орудием. Кто он был, так и осталось неизвестно... Много раз спрашивал себя: смог бы ты поступить так? Наверное бы, не смог... Хотя мне приходилось подбивать немецкие танки под Кременчугом, когда 150 солдат задерживали немцев, чтобы дать развернуться своей артиллерии. Половина солдат погибла, но и много вражеской пехоты и 10 танков были уничтожены... Но то был массовый героизм, а здесь один на один с танками...

...Большое майское наступление, так хорошо начавшееся, привело к окружению, из которого полк вырвался только благодаря спаянности. Весь состав был сконцентрирован у орудий, пробивались вплоть до рукопашного боя, как на границе в 1941 году.

Разбив наше наступление, немцы с марша хотели форсировать Донец, и на одном участке переправились. Наша пехота не могла сбить немцев, так как они создали сплошной огневой вал. Надо было во что бы то ни стало остановить накопление немцев и не дать им построить переправу.

За одну ночь был построен наблюдательный пункт на расстоянии 400–500 метров от немцев. Здесь и поселился бессменный (или как его окрестили «безнадежный») гарнизон из 4 человек: двое разведчиков, двое связистов. Мало было надежды выйти живыми из этого убогого убежища.

В течение двух недель они вели корректировку огня по скоплениям немцев, по плотам с пехотой и лёгкими орудиями, зная, что если немцы их обнаружат, то не отпустят живыми.

Шесть раз за эти дни немцы наводили переправу, и шесть раз её разбивала наша артиллерия...

И халатность связиста (закуренная папироса) едва не стоила им жизни. Первые снаряды показали, что они обнаружены, и выход один – уходить. Двое ушли, а он с виновником обнаружения остался ещё, пока не была перебита связь.

Они уползли под сплошным огнём. Молоденький связист за полчаса стал белым, как лунь.

Уже недалеко от леса что-то тяжёлое ударило по спине...

Через две недели он пришёл проведать свой наблюдательный пункт, немцев уже не было, и на той стороне снова стоял их 5-й полк. Вся местность была будто перепажана, очень много железа пришлось на четверых солдат. Но, как оказалось, они могли даже не уходить – ни один снаряд не попал точно в цель – в их укрытие.

6.

24 июня перед рассветом танковым ударом немцев 5-й полк был полностью уничтожен. Отступать было некуда – позади река. Солдаты гибли под гусеницами танков, подрывая их вместе с собой, в упор расстреливая из 45-миллиметровок и противотанковых ружей. Никто не хотел сдаваться. Выжили немногие.

Это было третье окружение, и на этот раз не дивизии, а армии. Окружённые бились насмерть. Патроны и снаряды кончились, продуктов не было. Пробивались на восток ротами, батальонами, полками. Шли в штыки. Гибли в рукопашных схватках. Кругом были горы трупов...

Горели танки, горели хаты, горела степь. Мелкими группами они пробивались через немецкие тылы. Ночами шли, днём прятались в оврагах. На десятый день он и разведчик Анохин – оборванные, голодные – за Осколом вышли к своим.

Это был 218-й запасный полк. Оружия у них не было, состав полка разношерстный. Каждый день забирали на передовую танкистов, пулемётчиков, «пэтээровцев», стрелков. Взяли и Анохина. Только его никто не брал – разведчики-артиллеристы были на особом учёте.

Кругом шли бои. Что они могли сделать без оружия, если прорвётся немец? – вот что тревожило солдат...

Фронт подошёл к Дону. Отрезанные от переправ части, переплывали реку на плотках. Немецкие самолёты, волна за волной, бомбили, на бреющем полёте обстреливали Дон.

Два раза он переправлял лошадей на тот берег: жалко было оставить. Первые шли плохо, метались от взрывов, выскакивали обратно на берег. Зато последние, как бы поняв, где спасение, сами потянулись за верховым.

Дважды переправил за Дон по три человека на плоту... И ещё раз отправил плот с тремя солдатами и со своей одеждой. Один взрыв – и ни плота, ни солдат, ни одежды... Впервые так жутко стало – один на один с тёмной ночью, раздетый, без оружия... Сумеет ли ещё раз переплыть реку?..

Дон нёс трупы людей и лошадей, разбитые плоты. С одного плота он снял пулемет «Максим», ленты к нему и вещмешок с одеждой...

Плотик развалился у противоположного берега. Не было уже сил бороться. Встал. К счастью, оказалось, что на отмели...

7.

...Взвод, оторвавшийся от своей части, шёл уже много дней. Давно кончились продукты, и солдаты питались мороженой прошлогодней картошкой, которую собирали на пепелищах сёл.

Несколько дней мела пурга, сбивая с ног, а взвод шёл и шёл. Обессиленные, перемороженные сталинградскими степными ветрами и морозом, падали и снова шли. Казалось, пурге и дороге не будет конца. Только на двенадцатые сутки стали появляться деревни, наполненные больными, обмороженными, тифозными...

Однажды ночью взвод зашёл в деревню, которая оказалась занята немцами. Немцы тоже гостей не ожидали, чувствовали себя в полной безопасности.

Только очень осторожный отход мог спасти взвод от уничтожения. Минуты решали всё. Если увидят в чистом поле, уничтожат наверняка. Поэтому решили, пользуясь внезапностью и темнотой, отбить несколько домов и укрепиться в них. Внезапная атака ошеломила немцев, они не знали, что атакует небольшое подразделение, и ушли из села, не оказывая сопротивления. Впервые за 14 суток взвод находился в тепло натопленных домах.

Двое последующих суток немцы обстреливали и атаковали село, но безуспешно.

Здесь героически погиб Дмитрий Жидких (Тульская обл., пос. Глушково, похоронен среди деревни)...

8.

...Батальон 37-й гвардейской дивизии, вклинившись в расположения немецких частей, потеряв много личного состава и не имея сил продвигаться вперёд, занял оборону.

Но можно ли это было назвать батальоном – полторы сотни пехотинцев и роту пулемётчиков?.. Правда, они были хорошо вооружены: имели 4 «Максима» и два ручных пулемёта.

Линии обороны наша и немецкая проходили в лесу на расстоянии 100–150–200 метров. Немцы, зная о малочисленности батальона, тревожили днём и ночью. Они вызывали ответный огонь наших пулемётов, чтобы в нужный момент их уничтожить. И это им частично удалось.

Я знал замысел немцев и кочевал с пулемётом, не открывая огонь с основной огневой точки.

В один из мартовских дней немцы обрушили на нас шквал огня из тяжёлых и лёгких орудий, чтобы выбить нас с этой важной позиции.

Падали вековые сосны, качалась под ногами земля, расчеты не выдерживали и отходили. Но немцы, боясь пулемётного огня, всю массу пехоты бросили туда, где была моя огневая точка, уверенные, что там не должно быть пулемёта.

В расчёте я мог надеяться на одного сержанта-сибиряка, уже немало повоевавшего. Остальные были ещё новички – два уйгура (китайцы) с 1927 года рождения.

Пять раз немцы поднимались в атаку, пять раз ложились. Но такой большой массе людей трудно сразу остановиться, и мы расстреливали их в упор. Только небольшое их количество прорвалось вглубь нашей обороны, но тоже были уничтожены.

А парнишки не растерялись в момент, когда секунды решали исход: подносили патроны, заряжали пулемётные ленты.

Мне бы хотелось узнать о судьбе этих людей: Сергей Кудрявцев – сибиряк, 1920 г. р.; двое уйгуров 1927 года рождения, оба ранены в ноги 24 июня 1944 года.

Не было возможности перевязать и перенести раненых вглубь обороны: наш расчет был на открытой местности в 100–200 метрах от немецкой линии. Спасти раненых можно было только, выбив немцев с их позиций. Мы пошли в атаку. Я был ранен на бруствере немецкой траншеи. Всего было более 400 раненых, но немцев выбили, отрезав Бобруйскую группировку.

Ровно через два часа немцы пошли на прорыв. Они шли уверенно, не спеша, зная, что им противостоит горсть раненых.

Мы решили умереть достойно: кто мог стрелять, кто ещё мог держать винтовку, гранату – все приготовились, как можно дороже отдать свои жизни.

Начался бой. Я стрелял из пулемёта. Но не мог один мой пулемёт остановить тысячную массу немцев...

И только «Катюши», выехав из леса, залпом смели эту лавину. Всё решали секунды, немцы были уничтожены за 200 метров от нашей обороны. Ещё бы чуть-чуть, и мы попали бы под огонь своих...

...Комбат – Новиков, старшина Хитров – земляк...

Это очень малая доля действительности, ведь всё не опишешь, это взяты единицы, ведь каждый бой, каждое отступление или наступление длились днями, неделями. Это путь от границы и до границы.

На этом запись в тетради закончилась. Вечная память...

«Коробово – родина моя...»

В паре километров от Новленского, на самом берегу Кубенского озера – деревня Коробово...

С Николаем Митрофановичем Алексеевым мы познакомились в Воздвижении, где освящался храм, а после этого был народный праздник. Меня привлекла тогда гармонная игра – двое гармонистов «разминались» в сторонке перед выступлением. Подошёл, разговорились, познакомились... Николай Митрофанович очень интересно рассказывал о родной деревне Коробово, о гармошке. Тогда я и записал его телефон, чтобы встретиться для спокойного подробного разговора...

Родился Николай Митрофанович Алексеев в 1949 году в деревне с замечательным названием «Москва» Вотчинского сельсовета (ныне Новленское сельское поселение), неподалеку от Соринского озера. Так и в паспорте записано: «Место рождения – деревня Москва»... Давно уж нет той Москвы – только точка на карте. А карта лежит передо мной на столе. «Вот она – Москва», – Николай Митрофанович показывает. Он-то и не по карте знает родное Кубеноозерье – сколько тут дорог-тропинок пройдено!.. Последний житель Москвы, уехавший из неё, примерно в 1970 году – родной дядя Н. М. Алексеева.

Когда Коле был год с небольшим, семья переехала в Коробово. Отец его, Митрофан Степанович, был классным трактористом, бригадиром тракторной бригады, а в Коробове была машинно-тракторная станция (МТС) – это и было причиной переезда. Так Коробово стало родным и самым дорогим для Николая Алексеева местом. Там прошло детство, там напиталась душа впечатлениями на всю жизнь, там свое личное счастье нашел – жену Надежду Николаевну, туда, где бы ни бывал, ни жил – душа рвалась, там, в родном Коробове, и сегодня, построив на месте старого родительского дома новый, живет большую часть года, родной деревне, озеру, землякам посвящает свои песни...

О Коробове, о Кубенском озере, о лодках, о гармошке, по признанию Николая Митрофановича, он может говорить бесконечно... Хотя, человек он, это сразу чувствуется – немногословный, не привык словами бросаться.

– У деревни Коробово очень выгодное географическое положение. На берегу озера, в устье реки Ельмы. Дорога от Вологды до конца 60-х годов была грунтовая – в году месяца три по ней можно было нормально проехать, поэтому водное сообщение тогда было основным. А в Коробове была пристань, сначала в озере, пока воду дамбой в Шере не подняли, потом уже на реке, прямо в Коробове, – рассказывает Николай Митрофанович. – Пять-шесть пароходов за день приставало, колесные ещё. У них маршрут был: Вологда – Сокол – Устье-Кубенское – Ко-

робово – Бережное – потом по Порозовице до Кириллова. И обратно. Названия пароходов до сих пор помню: «Чехов», «Бакунин», «Достоевский», «Медвежьегорск», «Крылов», «Папанин». Поэтому у нас всегда оживленное, многолюдное место было. Кроме МТС, где работал отец, была нефтебаза, большие соляные склады. В 1961 году открыли льнозавод – ещё людей прибавилось, построили много двух-четырёхквартирных домов. Жизнь кипела тогда... МТС располагалась в здании церкви Михаила Архангела. Когда церковь закрыли, не знаю. Наверное, ещё в тридцатые годы. Там берег у церкви от самого дна камнями выложен... Потом построили новые помещения для МТС, но что-то начальство передумало и МТС перевели в Песочное, что под Кубенским, а в новых помещениях и сделали льнозавод. Здание церкви хотели приспособить под Дом культуры. Колокольню разрушили – этому уже я свидетель был. Лебедку закрепили за комель огромной липы (их еще несколько осталось у развалин церкви), зацепили тросами и с помощью ручного ворота просто повалили. Со шпилем сорок метров высотой была... Так ничего там в церкви и не сделали, до сих пор развалины да остатки стен...

Что говорить – времена не выбирают, и дети принимали жизнь такой, какая она была. Бегали в школу в Новленское – зимой напрямую, по льду, в другое время по берегу и через старый еще деревянный мост. Конечно же, принимали участие во всех деревенских работах: и лен расстилали в колхозном поле, и сено для скотины (а коровы почти в каждом доме были) заготавливали...

– А косили как! – вспоминает Николай Митрофанович. – Ведь не давали в полях-то рядом с домом косить. На лодке за озеро ездили. Даже за Шелин мыс. Так что коровы у нас хорошего сена не едали – в основном осока была. Да и летом нельзя было косить, только уже в сентябре... Бывало, накосим, пока отец дальше косит, я на лодке отвезу, разгрузу и обратно к нему. Потом надо было траву у дома разложить, высушить, что на сеновал, а что в стог уложить... Сколько людей погибло из-за этого сена, вернее, из-за этих переездов с сеном. Озеро – это не шутка. Как волна вдоль озера разгонится – жутко... Я даже сам двух человек однажды спас. С дядькой поехали рыбачить. Смотрим, что такое?.. А у них лодка перевернулась, лежат оба на днище. Старик и парень. Пересадили их к себе, лодку к берегу подтянули. Они если бы и не утонули, так замерзли бы, если б на ночь там остались...

Конечно, кроме постоянного труда, были у людей и праздники...

– Новый год, конечно, отмечали. Ёлка в клубе и на льнозаводе в красном уголке – обязательно. И в домах ставили. Не так богато украшали, как сейчас, игрушки в основном, самодельные. Подарков тоже в те времена особо не дарили. Жили-то небогато. Я, наверное, в шестнадцать лет купил себе первые брюки более-менее приличные, которые можно было и на гулянку надеть. А то все какие-нибудь перешитые. А в школу все годы выходил с одной

полевой кирзовой сумкой. Вот как жили еще... Большим праздником, чем Новый год, считалась «Октябрьская». Это очень большой праздник был: все готовились, в гости ходили... Был еще старый деревенский праздник – Михайлов день, в честь церкви Михаила Архангела. Тоже поздней осенью уже. Праздновали, гуляли. Мать у меня мастерица была – домашнее пиво делала. На Михайлов день, как правило, бочоночек пива готовила... Ну, у нас, ребят, и кроме праздников, конечно, свои забавы были: летом – кругом же вода – купание, рыбалка; зимой – на коньках бегали. У некоторых уже коньки и на ботинках бывали, у меня дак на валенках. Когда первый лед появлялся, сантиметров пять-семь, колотушку сделаешь – деревянный чурбак, к нему палку – и по реке бегаешь, смотришь, где рыба стоит. Успеешь, пока не ушла рыба, бьёшь колотушкой по этому месту, глушишь, потом пробиваешь лунку и достаешь рыбу. Вот такая и забава и промысел. Я это дело до страсти любил. А весной бегали смотреть на взрывные работы – у моста разбивали ледяные заторы, чтобы его не снесло. Взрывы были, как в фильмах про войну показывают. А мы ниже по течению с сачками уже стоим, рыбу глушёную вытаскиваем. По ведру и более налавливали. Тоже семье поддержка...

Ещё в школьные годы и к гармошке потянуло Николая Алексева. Да так, что стала гармонь главным и любимым делом его жизни.

– Учился в восьмом классе, были зимние каникулы, – снова Николай Митрофанович вспоминает, – и я пошел, «по-вотчински» говоря, «на Москву», к дяде. У него гармошка была, больше взять было негде, а захотелось научиться. Двадцать пять километров шёл. Гармошка у него была маленькая, «хромка». «Дай, – говорю, – попробовать, может, чего получится». Гармошку в рюкзак и обратно в Коробово. Вот тогда и стал учиться играть. Никто ничего не показывал, все на слух подбирал. Потом уже с отцом купили гармонь «Беларусь» в магазине в Новленском... А после школы меня пригласили работать в Новленское, в клуб, заведующим. Я уже неплохо играл. Там и баян освоил. Два года до армии в клубе и работал. Молодёжи было очень много. Работы хватало. Кроме танцев – вечера, концерты. Была у меня бригада – ходили в Вотчу, бывали с концертами в Березниках, в Нефёдове, в Коробове... Да во всех окрестных деревнях, где были клубы, мы выступали. Я уже всё больше на баяне играл... Перед армией пару месяцев ещё на льнозаводе поработал. И ушёл в армию. На этом моя музыкальная деятельность на долгие годы и закончилась.

В армию Николая Митрофановича призвали в войска ПВО. После окончания срочной службы он женился и остался на сверхсрочную службу. Жена, Надежда Николаевна, тоже из Коробове, знакомы они были с детства.

– Я ещё в клубе работал – она моей невестой была, из армии ждала...

Часть стояла в Кичигино. Жили тринадцать лет, до увольнения с военной службы, в Огаркове.

– Предлагали и учиться, и в Москву звали служить – от всего отказался. Хотелось быть поближе к своим старикам, хоть со службы и нечасто удавалось в Коробово вырваться. Да и гармонь с баяном совсем забросил.

После армейской службы была служба в отдельном дивизионе ГАИ, учёба в Орловской школе милиции, которую Николай Митрофанович окончил с красным дипломом... Все эти годы, а жили уже в Лосте, баян лежал на шифоньере, а гармошки и вовсе не было – не до того было. Но в Коробове стал чаще бывать...

Отслужив положенный срок, Николай Митрофанович устроился работать на железную дорогу, ещё семнадцать лет обслуживал аппаратуру.

– Сначала у меня в здании конторы мастерская была, а потом перевели в компрессорную. Там появилась возможность побыть одному... Да в это же время сама судьба, видно, подталкивала, почувствовал, что у меня немеют на руках пальцы. Надо было разрабатывать. Сначала взял у знакомых гармошку, потом свою заимел. Стал вспоминать, пробовать. В пятьдесят три года. Тридцать лет не играл. В мастерской и играл, там никому не мешал. Вечерами после работы до мокрой спины играл, руки разрабатывал.

В это же время познакомился Николай Митрофанович с известным вологодским радиожурналистом, многолетним ведущим передачи «Вологодская гармонь» Николаем Коробовым.

– Вот эту гармошку, кирилловскую, мне уже Николай Александрович подсказал, где достать. У меня была сначала «двадцатипятка» – по двадцать пять кнопок с каждой стороны, а эта 21 кнопка и 12. Нигде больше я таких гармошек не видел, не считая маленьких саратовских, везде «двадцатипятки»... Я попросил Коробова достать мне магнитофонные записи гармонной игры. Он это сделал. Слушал я наших лучших гармонистов, и очень мне захотелось играть так же. Играл и играл. В результате этих занятий пальцы у меня пошли на поправку. Правда, на улице в холод играть не могу.

Первое публичное выступление состоялось в 2006 году в Вологде, в городском Дворце культуры.

– Волновался очень, но приняли хорошо меня. Исполнял я тогда «Северную кадрили» Сергея Алексея и свою песню о родной деревне.

С тех пор Николай Митрофанович и в Иванове на фестивале «Играй, гармонь!» побывал да и со многими лучшими гармонистами области познакомился. Да и сам одним из лучших стал...

– Лучшим гармонистом области из непрофессионалов я считаю Сергея Васильевича Алексея, он живет под Череповцом в Малечкино. Познакомил меня с ним Николай Коробов. Вот глядел я на своего однофамильца, Сергея Алексея, слушал его игру и думал: как можно так научиться играть? Как вообще после него играть? До того меня его игра

тронула... Много чего я взял у него. Много чего он мне рассказал, показал... Дружу я с Виталием Румянцевым из Березников, он тоже отличный гармонист. Настоящий профессионал, конечно, Николай Филин из Кубенского, прекраснейший мастер Геннадий Голубев из Кириллова...

И снова наш разговор вернулся к родной деревне Николая Митрофановича – Коробову. Ей он посвятил одну из своих песен, к которой написал и слова и музыку.

– Давно мне хотелось написать про родину, она у нас какая-то особенная. Отразить простор – озеро, реку... Вот слова этой песни:

*Коробово – родина моя,
Над водою алые закаты.
С детства мной любимая земля,
Память о тебе по жизни свята.*

*Кромка леса, ивы вдоль реки,
Озеро и эта даль без края...
Слышно, будто плачут кулики
В тишине, у берега порхая.*

*Помню нежный шелест тростников,
Крики на просторе белых чаек,
И лихие байки рыбаков –
У костра улов свой отмечают.*

*Здесь пошёл я в школу в первый класс,
И любовь здесь первую я встретил.
По весне смолил крутой баркас,
Годы пролетели – не заметил.*

*Милые окрестные поля,
Речка Ельма звёздами искрится.
Дом родной и Родина моя
Навсегда в душе моей хранится.*

– На месте родительского дома я поставил новый, – продолжает рассказ Николай Митрофанович. – Один срубил. Небольшой, но хороший получился домик. Говорят, кто сделает лодку – тот сделает всё, а я пять лодок с отцом делал, шестую уже сам, и она двадцать лет мне служила. Это всё с детства во мне. Где лодку делают или мотор лодочный перебирают, обязательно я тут. Всё, что связано с деревенским бытом, я могу сделать сам. Так всегда было в деревне – мужики умели делать всё. За домом у меня баня, у дома – огородик, 95 кг помидоров в этом году в теплице сняли. Всё цветами усажено – этим жена у меня занимается... Из местных сейчас, конечно, там уже одни старики живут. Для молодых после закрытия льнозавода работы в Коробове не стало. Есть и такие, как я – зимуют в городе. В основном теперь дачная деревня стала. Место удобное. Настроили дач от самой большой дороги, каждый метр занят. Деревня перестала быть той деревней, что раньше – с открытыми дверями и без заборов. Теперь кругом тыны двухметровые. Все обособились, недружно живут. Многие и не знают друг друга. Не то стало Коробово, – вздыхает Николай Митрофанович. – Все зациклились на своих огородах усадьбах. Случись беда – будет ли между нынешними людьми такое братство, как в войну, например, было? Не знаю...

У Николая Митрофанович и Надежды Николаевны сын Сергей, работает водителем на «скорой». В технике он разбирается, по признанию отца, не хуже его.

– А машины знает – мне уже за ним не угнаться. Это ему дано. – С гордостью Н. М. Алексеев говорит.

Ещё у Николая Митрофановича внучка и внук, школьники: Алёнка да Колька. Его радость и грусть...

И вновь он берёт в руки гармошку. Играет «русского», «Северную кадрили», «цыганочку», «Прощание славянки»...

Ох, как играет!.. Жаль – никакими словами игру эту не передать. Пальцы-то так и летают по клавишам. Меха-то расходятся во всю ширь, то толчками сжимаются. И расходятся снова. И гармонист то прильнёт к гармошке, будто слушает её, то откинется, будто не только гармошку растягивает – душу распахивает... И дальше, дальше... Глаза прикроет – словно уже и не здесь, а где-то там, может на Коробовских, Кубенских просторах летает душа его...

«Деревенька моя Будихино...»

Неподалёку от Новленского и сегодня есть деревенька Дмитриевская. А вот деревни Будихино больше нет... Вот что писала журналистка Нина Чухина в очерке «Память сердца»: «...деревня мужа со звучным названием Будихино – под мелиорацией. Стояла она в двух километрах от села Новленское и пропала бесследно. Под корень вырублены яблони, берёзы, вековые ели, а земля распахана. Ушла в небытие деревенька, единственная на всем белом свете для мужа и его сестёр, и «своя» – для замечательного русского поэта Сергея Чухина».

***

*Деревенька моя Будихино,
Соловьиное место.
И речонка такая тихая,
Словно голос из детства.
Старый мостик совсем горбатенький.
На перилах высоких,
Здесь когда-то лепил солдатиков
И бросал их в осоку.
А ещё мне внезапно вспомнилось,
Как с друзьями, босые,
Земляники кепчонки полные
Мы домой приносили.
Всё в деревне состарилось,
Глуше песни колодца.
Только детство всё ходит стайками
И счастливо смеётся.*

Это стихотворение Сергея Чухина, который часто гостил у своей бабушки (по отцу) в деревне Будихино...

А ещё в разговоре поведала мне Нина Алексеевна Чухина, что нет уже на белом свете («спасибо» все той же «мелиора-

----- Сергей Чухин

ции») и речки Будихинки, той самой, на перилах мостика через которую «лепил солдатиков и бросал их в осоку» Сережа Чухин, будущий поэт. Кстати, чтобы не возникло путаницы – Нина Алексеевна Чухина не находится с поэтом Сергеем Валентиновичем Чухиным в родстве, разве что в самом-самом отдалённом. Муж Нины Алексеевны – известный вологодский журналист Владимир Чухин был родом из той же деревни Будихино, что и отец поэта Сергея Чухина, были и ещё Чухины в той деревне. Не стало той деревеньки, разметало по свету всех Чухиных...

Вот что вспоминает младший брат поэта Сергея Чухина, Александр:

– Я помню, как отец меня возил сначала в Будихино, а потом в Дмитриевскую. Там дом-то ещё остался, большой такой. Там у нас тётя жила, старшая папина сестра. Я и бабушку свою, которая из Новленского, помню, деда не помню, он рано помер. Вот там мы с Сергеем каждое лето и были. Потом уж бегали из Дмитриевской в Будихино. Там ведь целые поля земляники. Наберём, бывало, полные кепки...

Бывал уже не в Будихине, а в Дмитриевской вместе с Сергеем Чухиным и Николай Рубцов. Одно из самых известных стихотворений Рубцова связывает молва (какие же могут быть в вопросах творчества документы) с Новленским и Дмитриевской...

ЗЕЛЁНЫЕ ЦВЕТЫ

*Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.*

*За нами шум и пыльные хвосты –
Все улеглось! Одно осталось ясно –
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.*

*Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь... чего-то не хватает...
Недостает того, что не найти.*

*Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зелёные цветы.*

Они ехали на пригородном автобусе до села Новленского, а потом, оставив за спиной «шум и пыльные хвосты» большой дороги, шли «многоцветным лугом» до деревни Дмитриевской...

Да ведь разве ж Чухин не тот самый друг, «который сам не терпит суеты»?.. И не переключкой ли с Рубцовым звучит его стихотворение:

***

Н. Рубцову

*Уходим за последними грибами
Под крапающим изредка дождем.
Хотя прекрасно понимаем сами,
Что ничего сегодня не найдем.
Уходим за последними грибами,
И для согрева пробуем бежать,
И сигаретки теплые губами
Стараемся подольше поддержать.
На пустоши давно ли огребали
Просушенное сено... А сейчас
Уходим за последними грибами –
За первыми ходили и без нас.*

Последний

Мы долго ехали вдоль вытянутого на семьдесят вёрст, на карте похожего на щуку, Кубенского озера, по той дороге, что ведёт в знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь. В селе Новленском свернули с большой дороги, потом ещё – на совсем уж просёлок.

Перед Филютиным дорога ушла влево, машина перемахнула мостик над застывшей рекой. Проехав ещё немного, мы остановились, как и было мне сказано, у бетонных плит раскрытой силосной ямы... Отсюда начиналась накатанная по насту снегоходная дорога – «минут десять ходу», по телефону сказал мне Александр Николаевич Широгородов, посетовав, что не смог завести снегоход.

...Иду по белому полю. Ещё не совсем рассвело – небо темно-синее, на снегу синие точки заячьих и лисьих следов. Всё – кусты вдоль поля, дылды борщевика, ошметки травы, выглядывающие из-под снега у телеграфных столбов, сами столбы, провода – покрыты инеем. Даже сам воздух, кажется, наполнен инеем, поэтому всё видится нечетким, будто размытым...

Морозно, чисто и тихо в этом сказочном мире. И на душе становится морозно. И чисто, и тихо...

След снегохода вдруг разделяется: куда ведут обе дороги не видно из-за молодого леса и кустарника. Достāju телефон – звоню.

«А, так это уже совсем рядом, – выслушав меня, отвечает Александр Николаевич, – я сейчас выйду, покричу...». И вскоре я слышу крик, и сам отзываюсь – разрываю морозную тишину. И тепло становится от того, что я не одинок в снежном, зарастающем мелколесьем поле. И ещё кричу, и голос отзывается мне.

Кусты раздвигаются, и видны будто ватой накрытые крыши, и прозрачные макушки деревьев над крышами... И по дороге идет ко мне человек, с которым знакомы лишь по телефонному разговору.

Деревня, как деревня. С незамысловатым названием Макарово. Новленского сельсовета. Домишки, искрящиеся штакетины наклонившихся палисадов, индевелые стволы деревьев...

– Только летом вон сосед приезжает, – кивает на один из домов Александр Николаевич, – а так – всё один. Последний в деревне остался...

Неожиданно возникает непонятное сооружение... Да это же мельница! Только без крыльев...

– Отец мой делал...

Тропка ныряет вниз, к реке. На этом спуске и стоит дом Широгородовых. Вкруг дома участок обозначен – там банька, верёвка с заледенелым бельём, присыпанные снегом кусты и яблони, полукругом стоящие ульи, тоже снегом присыпанные...

Заходим в дом, в избу. Тут тепло, пахнет печным дымком, простая мебель и утварь, фотографии на стенах, иконы. Телевизор бубнит... Нехитрый деревенский уют одинокого мужика.

Наливается в стаканы травяной чай (зверобой, ромашка, смородиновый лист), ни много ни мало – кастрюлька мёда на стол ставится...

Александр Николаевич Широгородов рассказывает:

– Я 1955 года рождения, здесь, в Макарове, моя родина, это – родительский дом. Когда-то, старики говорили, до сорока домов в деревне было, я ещё помню – пятнадцать домов... Речка у нас Кильба (так на карте написано), а по-местному – Кильбовка. Впадает в Большую Ельму. Раньше рыба из озера заходила в нашу речку, потом мост сделали – трубы положили, водопад получился в два метра, конечно, рыбе уже не подняться. Я думаю, исправить бы недолго – телегу-две щебня... Вокруг деревень много, да людей-то в них... В Кряжеве – ещё есть житель на зиму, ещё кое-где по одному-два человека зимуют, а так – пустуют деревни. На лето, если «дачники» приедут... Филютино – самая людная у нас в округе деревня, там много приезжих из других районов области, в нашем колхозе работают...

И вдруг без перехода сказал, горько покачав головой:

– Василий-то Иванович Белов скончался недавно... Бился за нас. Последний защитник деревни. В Думе пытался идеи свои говорить, так его же и за дурака считали... Сейчас-то все в ладоши хлопают, хороший, мол, был...

Что тут скажешь? Помолчали...

– Отец и мать всю жизнь в колхозе, – продолжил рассказ Александр Николаевич. Матери уже пятнадцать лет нет, отца недавно похоронили, на восемьдесят четвертом году умер... Две сестры есть – одна в Вологде живет, другая в Шексне.

– Отец рукодельный был, конструктор-самоучка, даже мельницу сделал. Да и не одну. Это, наверное, от того, что еще в колхозе мельником работал. Вся округа у него зерно молотла, сейчас уже там, где была колхозная мельница, нету ничего, все лесом заросло. Ещё он гармонист знатный был. Приезжало даже годов десять назад телевидение его снимать. Подъехали на «уазике» – гармонистов, мол, ищем, ваш адрес дали. Люди говорят – по телевидению видели эту съёмку.

В доме и сейчас несколько гармошек и без дела они не скучают, – Александр Николаевич – тоже гармонист.

– В 1972 году я закончил десять классов в Новленской школе, поработал в колхозе и ушел в армию. Служил в Германии в войсках связи, в километре от Берлина. После армии – опять в колхоз, выучился на водителя и трактористом тоже работал... Почему один-то живу? Да так чего-то, так... Жизнь я и заграничную повидал и столичную – учился на водителя в Вологде, а практику мы даже в Москве проходили, но вернулся домой... Но вот что в Германии запомнилось – там стараются все сделать для человека, где бы он ни жил... А у нас – как бы выселить из деревни, чтоб не мешали...

– Ну, у вас, хоть к вам и не проехать, даже электричество есть, – попытался я пошутить.

– Ой, электричество – это отдельная история! Линия высоковольтная прошла мимо нас в начале шестидесятых. Нам сказали: деревня не перспективная, незачем вам электричество, скоро выселят вас. Так и жили. Я в то время маленький был ещё, но помню всё. Отец всё же решил: худо без электричества. Пошёл по соседям договариваться: от Горбова, где трансформатор, в километре от нас, двадцать столбов надо было поставить. Все отказались. Один только старик, Филарет Подгорнов, восемьдесят лет было ему, отчаянный такой: «Я, – говорит, – хочу со светом пожить». В лес с отцом поехал. Вырубили они двадцать столбов, ямы выкопали (и мать помогала копать-то). Сами провели электричество, на свои деньги. Год строили линию и двадцать лет сами её обслуживали. Потом уже, в 80-х годах, новую линию поставили. Приехала бригада из Вологды – за день сделали...

Последние шесть лет Александр Николаевич живет в Макарове совсем один (больной отец жил у сестры в Вологде).

– Похоронили здесь, на кладбище рядом с деревней Горка (там же и мать). Там стоит церковь Ильи Пророка, недавно купол обвалился...

– Вы не охотник? – спрашиваю.

– Не охотник, а от медведей приходится отбиваться. Прямо по деревне ходят... Половину пасеки у меня года два назад один уничтожил. Я с вилами на пасеку ходил., – смеется Александр Николаевич. – Охотникам позвонил, целая бригада приезжала, лабазы построили, стерегли... А медведь-то хитрый, как приедут – вокруг деревни обойдет, а близко не подходит, как не приедут – опять на пасеку, улей возьмет (двум мужикам не поднять), в кусты утащит, там сожрет... Потом сказали мне охотники, что застрелили, мол, того медведя где-то в другом месте... Но на другое лето – другой медведь: гляжу, нажрался, да тут у огорода и спал... Кабаны тоже бегают – за один набег дак половину картошки уничтожили...

Не охотник Александр Николаевич, он рыбак! Настоящий.

– С детства рыбак, рыбачили и на реке, и в озере. До озера по прямой три километра. На озере в основном зимой рыбачили и с удочкой, и сетью. Раньше-то и на удочку хвата-

ло, рыбы полно было. И нельма, и сиг, и судак на удочку ловились. Жили рыбалкой. А как же – ведь у озера. А теперь мне сеть поставить нельзя, а Кубенский рыбзавод и какие-то «частники» тоннами рыбу выгребают из озера. Только рыбы почему-то свежей в продаже не видно. Магазин «Рыба» в Новленском пытались открыть. Я обрадовался – хоть людей рыбой свежей накормят. Захожу через месяц, уже не «Рыба», а «Мясо» на магазине. «Чего так?» «А нету рыбы!» Вот, у озера живём, а рыбы нет.

Конечно, люди всё равно ставят сети. Их ловят рыбинспекторы, штрафуют...

– В прошлую зиму сетку поставил, – рассказывает Широгородов. – (А ведь зимой сетку поставить – это особое искусство, не говоря уже о том, что голыми руками в ледяную воду и т. д. – Д. Е.)– Подъехали трое – показывай улов. «Вон – говорю, – три окунька». «Да, не лишка». «Я говорю – рыбы в озере не стало. Все озеро сетками заставлено, кому-то можно, кому-то нельзя...» Кивают и штраф выписывают...

– Какой же выход? – уже я спрашиваю.

– А лицензии! Были же лицензии, и большинство рыбаков их покупало. И деньги в доход государства шли, и люди спокойно рыбу ловили. Почему лицензии отменили?

Не пора ли вернуться к этой практике, к лицензированию рыболовства? Я обращаюсь уже к тем, от кого зависит принятие такого решения. Люди (не только Широгородов, я слышал об этом и от других местных рыбаков) – никакие не браконьеры, а те, кто всю жизнь живут у озера, ловили и будут ловить рыбу, они готовы заплатить за лицензию на рыболовство (потом уже можно регулировать размер ячеей сети и т. д.) – услышьте их! Или (такие предположения я тоже от многих слышал) – кому-то выгодно делать людей браконьерами – штрафы, конфискованные сети, конфискованная рыба?.. Кому это выгодно?

– Бог для всех озеро создал. И пока Его помнили, всем рыбы хватало... – сказал Широгородов.

Нам бы всем это помнить, не забывать.

Кстати, случайность это или нет, но факт – в тот период, когда действовали лицензии на лов рыбы, в Кубенском озере вновь появилась нельма. Потом не стало лицензий. Нельмы тоже не видно.

Пробили висящие на стене часы-ходики... Александр Николаевич взял в руки гармошку, заиграл сперва плясовую мелодию. Потом грустную песню из старого советского фильма (песня, кажется, народная), заиграл, запел... Душа пела у человека:

*Далеко, далеко, далеко журавли улетели
Сквозь снега, сквозь поля, на дороги, где нету метели.
А лететь журавлям, а лететь журавлям нет уж мочи,
И присели они на полянку в лесу среди ночи.*

*А наутро опять все на юг улетают далёкий,
Только в поле бродить он остался совсем одинокий,
Он кричал журавлям: «Помогите, любимые братцы,
Нет сил у меня, не могу я до цели добраться».*

*И вернулись они, подобрали любимого брата,
Словно зная о том, что законы о дружбе все святы.
Поднималась ввысь журавлиная стая большая,
Они брата того уносили, на юг улета.*

*Так и в жизни порой отстаём мы от стаи крылатой,
Хоть и знаем о том, что законы о дружбе все святы,
Но порою судьба начинает шутить и смеяться,
И друзья отойдут, и никто не поможет подняться...*

Александр Николаевич проводил меня до крайнего дома. А дальше я один по снеговой дороге шагал. Солнце уже поднялось в зенит. Снег искрился, искрился морозный чистый воздух, который хватал я грудью...

Шёл, оставляя за спиной деревню Макарово и её последнего жителя...

***

После публикации очерка «Последний» в газете «Маяк», я получил письмо жителя села Новленского Сергея Александровича Маслова...

«...Прочитал статью «Последний» и так защемило сердце. Моя родная деревня Бедрино в километре от Макарова, за ручьем. В ней сейчас нет ни одного жителя. Там за ручьем несколько деревень и все пустые, а ведь была там бригада совхоза «Новленское» № 11.

Я там родился и рос. Окончил Новленскую среднюю школу, затем три года отслужил в армии. После армии сразу поступил в Молочный институт, но проучился всего три месяца. Отец сказал, что нет ни сил, ни средств меня учить: «Пойдешь работать!»

У нас была семья: семеро детей да старенькая бабушка, родители – десять человек. В те годы еще трудились не за деньги, а за палочки-трудодни. Я кончил курсы трактористов и отработал 26 лет механизатором. Те все поля, про которые писали в статье «Последний» – моя родная земля: пахал, сеял, убирал комбайном... Завёл семью. У меня трое детей: сын и две дочери. Отремонтировал старый отцовский дом, а отцу с семейством поставил новый. Но вот беда – подросли дети, а начальную школу закрыли, а до Новленского 10 км. И из-за детей-школьников пришлось всё оставить и переехать в Новленское.

Теперь дети все взрослые, дочери кончили пединститут, живут и работают в Вологде. Сын воевал в Афганистане... У меня теперь пять внуков и одна правнучка.

Теперь бы вроде можно жить, но очень болит сердце за деревню, о том, что власть бросила её вместе со всеми нами. Летом ездил в родные места за грибами и не узнал своих мест. Двадцать лет мы живём реформами, а будто Мамай с ордой прошёл!

После всего увиденного я написал стихотворение:

БОРОЗДА В ЛЕСУ

*В родных краях лет тридцать не был,
Не видел я родных полей.
Здесь вырос лес – вершины в небо.
Над лесом стая журавлей.*

*Мне будто память изменила!
Попал совсем я не туда...
Но меж берёз и прутьев ивы
Ещё заметна борозда.*

*Я вспомнил, как весной, бывало,
Пахал, и пот застил глаза.
Привычны руки ко штурвалу,
За мной прямая борозда!..*

*Стою в лесу, а вижу поле.
Шумят колосья на ветру...
Вдруг – сердце стиснуло от боли,
Как будто чувствует беду.*

*Беда пришла – совсем не ждали,
Ушёл крестьянин от земли.
Поля давно позарастали.
Над лесом в осень – журавли.*

Извините... Душа обо всём изболела. Как будут жить мои внуки?»

Это письмо, эта типичная для сегодняшнего жителя русской деревни судьба – ещё одно подтверждение беды. Без войны теряем Россию. Разве нет? Деревни, где жизнь кипела – опустели. Поля зарастают дурнолесьем...

Как жить будем мы – дети и внуки поколения Сергея Маслова?

Думаю, ещё поборемся – вернём утраченную Россию своим детям.

Рыбаки

Александр Павлович Лапцов живёт на тихой, отделённой рекой от села Новленского Аулочке с красивым и добрым названием Заречная, что начинается сразу за мостом и тянется от большой дороги вдоль берега до охотничьей базы. На этой же улице и старинная больница, в которой, как я узнал позже, работает жена Александра Павловича.

Под береговым скатом течёт полноводная в этом году, а в иные годы пересыхающая до ручейка, но всегда бойкая, самая родная для новлян речка Большая Ельма – одна из десятков, наверное, питающих Кубенское озеро.

Дом, в котором живут Лапцовы – не изба, бывшее больничное строение, но живут в нём люди вполне по-деревенскому: печное отопление, огород вокруг дома, дворик, за огородом – баня, сарай, закуток с бесконечно кудахчущими курами... Тихо тут, спокойно... Двор весь в мягкой мураве, на грядках – обычные для наших мест овощи, парник. Деревце, кажется, вишня, обтянуто от птиц старой рыболовной сетью. Вот по этой сетке и можно догадаться, что живет здесь не обычный сельский житель, а рыбак...

Он сначала не очень и разговаривать-то хотел: «Уже писали обо мне, да и поопытнее меня есть рыбаки...». Но ведь и я не случайно именно к Лапцову приехал – посоветовали...

Расположились мы с Александром Павловичем на скамье у крыльца, закурили не спеша. Все здесь располагало к неспешному разговору. (А ещё, честно скажу, всё располагало к неспешному молчанию, и это очень важно, когда можно рядом с человеком и помолчать, не думая о том, вежливо это или невежливо, и, наверное, мы кое-что поняли бы друг о друге и не сказав ничего...)

Но, работа есть работа, стал я спрашивать, тем более, что кое-что узнать из специфики рыбацкой мне было интересно.

– Сколько всего бригад на рыбзаводе?

– Три бригады. Наша – Березниковская. Ещё бригады в Песках и в Новом... Мы облавливаем береговую зону – километра полтора-два от берега. Раскидываем невод, и четыре катера тянут его. Нормальный улов – от тонны до двух. С озера на тракторе к складу подвозим, там перевеска, потом сортируем: лещ – крупный, средний, мелкий. Щуку так же. Охлаждаем рыбу речной водой и сверху обкладываем льдом. На складе у нас яма – ледник, лед зимой заготавливаем... В бригаде одиннадцать человек. На трех судах по трое человек, на одном двое.

– А сегодня у вас выходной?

– В пугину наши выходные зависят от погоды... Да и выходим мы в озеро ночью.

Некоторое время назад я два лета подряд недели по три жил в Песках, у самого озера. И сейчас вспомнил, точно – часов в шесть-семь вечера рыбаки сталкивали на воду свои легкие лодки, плыли к катерам, правильное название которых мне тоже подсказал Александр Павлович – «мотоневодник», а потом, уже ночью, часа в два, слышно было, как разгружают они рыбу, а уже ближе к утру разъезжаются на мотоциклах да машинах по домам...

– А почему ночью-то?

– На закате ветер обычно успокаивается. Жары нет – рыба сохраннее.

– Когда путина начинается в Кубенском?

– Где-то пятнадцатого июня – плюс-минус неделя. Рыбинспекция даёт разрешение на лов, когда лещ отнерестится. И потом уже ловим до ледостава.

– Как в этом году дела идут?

– Так ещё только начали, первую неделю плохо порыбачили, а вторую неделю половили леща, погода тёплая была, тихая, – спокойно, рассудительно объяснял Александр Павлович. – У нас основной упор на леща, потому что его больше в озере. Ну, ещё плотва. И щука есть, и судак, правда, в этом году ещё не попадали. И нельмушка есть. Да вся рыба ещё есть, кроме нельмы.

– У Вас ведь и отец был рыбаком. Вы тоже с детства хотели рыбаком стать? В город не тянуло?

– Да, отец много лет рыбаком работал. Но я с отцом не успел в озеро походить, он уволился, когда я ещё маленький был. Нет, с детства об этой работе не мечтал. Выучился после школы на тракториста, но в сельское хозяйство не потянуло. И в город не захотелось. Так после армии в бригаду и пошёл, с тех пор и работаю.

– А зимой-то чем занимаетесь?

– Ребята и зимой ловят, а я в ЖКХ по договору работаю, в котельной...

Рассказал Александр Павлович немножко и о семье:

– Двое детей, жена в больнице работает. Старший парень – школьник, сейчас у деда на каникулах, дочь в садик ходит...

– А на удочку ловят такие рыбаки, как Вы? – поинтересовался я.

– Ловят. Я-то особо не увлекаюсь, но есть у нас такие любители. И зимней рыбалкой увлекаются.

– Сейчас по лицензии можно сетями ловить?

– Нет. Только промысловый лов. Остальные – удочками.

– Всё равно ведь ставят.

– Конечно... Да лицензии-то ведь только несколько лет были. Раньше тоже нельзя было сетями. Да раньше и сетей было не купить. Только кто сам вязал... Сейчас ведь тоже запретили продавать китайские сетки. Но они всё равно есть, только написано: «Сеть финская». И цена, соответственно, уже как за финскую.

– Не слишком жесткие законы? Жить у озера и рыбы не наловить...

– Думаю, что можно бы местному-то населению послабление сделать.

– Каждый вечер ходите в озеро?

– Собираемся каждый вечер, а там уже смотрим на погоду. Если такой ветродуй, как сейчас, так делать нечего...

Действительно, ветер налетал пронизывающими порывами, с утра так и дождь был, но к обеду перестал. Солнышко то выглянет, погрееет, то опять в тучевую хмарь спрячется...

– Как-то здесь такой ветер называется...

– Дольник, – подсказал Александр Павлович.

– Да-да, дольник...

– Дольник, – поправил Лапцов, с правильным ударением на последний слог. – Это юго-восточный или северо-западный ветер, вдоль озера идет, разгоняет волну. Ловить невозможно – невод закручивает.

– Тяжелая работа?

– Поначалу, пока не втянешься, тяжелая, физическая нагрузка солидная – руки, спина должны быть сильные.

– Какую самую большую рыбку доводилось ловить?

– Щуку на пуд ловил. Судака на десять килограммов видел. Леща – килограмма на четыре. У нас лещ медленно растёт.

Подошёл к нам сосед Лапцовых, Вениамин Клавдиевич, суховатый, в очках, с пучком зверобоя в руках.

– Вы-то не рыбак? – спрашиваю у него, пожав руку.

– Раньше на дорожку ловил.

– А на дорожку какую самую большую рыбу вытаскивали?

– На четырнадцать двести. Щуку.

– Как по-вашему, рыбы меньше стало?

– Конечно, меньше.

– Из-за чего?

– И вода хуже, и рыбаков больше. Посмотри-ка, всё озеро перегорожено. Дорожку сейчас не потянешь. Инспекция не успевает чистить. Раньше ведь и сетей-то не было.

– А в реке у вас рыба есть? – кивнул я в сторону Ельмы.

– Есть. Пока не обмелела. Мелочь-то всегда есть.

Всё же сподвигнул меня Александр Павлович и на поездку к Александру Ивановичу Букараеву. Поехали. Мимо выкошенных полей, перелесков; свернули к древнему Сямскому монастырю, с колокольней, уже который год обнесённой лесами; за монастырём ещё вправо, мимо сельского погоста, с полуразрушенной церковью, в деревню Горка-Покровская. Двор свободный, не замкнутый забором, и вообще, чувство свободы, воли-вольной не оставляло меня там – в этой деревеньке, и хоть озеро было не видно из-за деревьев и кустов, его вольное дыхание чувствовалось постоянно...

Вышел во двор хозяин, такой же, как и Лапцов, крепкий мужик, только прилично постарше...

– Думаю, что я – самый старый работник на заводе, с семьдесят шестого года, – отвечая на мой вопрос, сказал Александр Иванович (для разговора мы опять уселись на скамью во дворе). – Родом с той стороны из Усть-Кубинского района. До армии еще в колхозе ловил, на той стороне, вокурат напротив, колхоз «Заря», теперь там всё развалилось, катера все продали, да и людей-то не осталось. Дом-то ещё стоит там...

– Техники у Вас, гляжу, много... – рядом с домом стоял старенький «уазик», еще более старый трактор «Беларусь», лодка «Казанка» неподалеку.

– Всё, парень, надо...

– Хозяйство большое...

– Хозяйствишко, видишь, парень, держу. Не больно большое-то. Телёнка каждый год бе-

рем, откармливаем на продажу, для себя поросеночка держим, огород тут да в поле картошка...

Взблеивала коза, из сарая вышли курочки, а рыже-пестрый красавец-петух вспрыгнул на колоду, сперва прочистил горло, потом, распушив «воротник» на шее, выдал в полную силу свое «ку-ка-ре-ку», давая понять, кто во дворе хозяин...

– За сорок лет озеро сильно изменилось?

– Да нет... Рыба в озере есть. Да взять-то её... Видишь, парень, погода-то какая. Та неделька около дела постояла, так вроде что-то стало получаться. – И в манере говорить Александра Ивановича и даже в том, как он курил, чувствовалась неторопливая основательность, надежность и, конечно, жизненный опыт.

– А можете уже по опыту сказать – вот сегодня рыба здесь? – опять вопрос я задал.

– Этого никто не может сказать. Ветром озеро сейчас все взбаламутит, так где ее, рыбу-то искать... Очень трудно предугадать, где рыба.

– Нельмы-то лет пятнадцать нет в озере?

– Поменьше. Ну, лет десять-то не видели. Скорее всего, в Двину ушла.

– А как думаете, вернётся?

– Не знаю. Вон недавно, говорят, один из предпринимателей заловил пару штук. В прошлом году и мы поймали одну да и выпустили... И нельмушки меньше стало.

– А нельма – это вид более крупной нельмушки? – задал я вопрос, вызвавший улыбку у обоих Александров.

– Нет, нельмушка – это карликовый сиг, – разъяснил Александр Лапцов. Нельма совсем другая рыба, хотя тоже к сиговым относится.

Жил и работал Александр Иванович и в Песках, где и мне доводилось летами живать, вспомнили общих знакомых...

– Ну, а вы какую самую большую рыбу вылавливали?

– Лично сам в вершу поймал на тринадцать двести... А дед у меня щуку на два пуда в невод ловил. Окольцована была щука-то, сюда попала из Онежского озера, видать, по Мариинской системе... Доводилось и мне в Белом озере ловить, ездили туда с нашим бригадиром тамошних рыбаков траловой ловле учить. Там у них тралы были, но не такие, как у нас...

– Там рыбы больше?

– Этого не знаю, а что наша рыба гораздо вкуснее – это точно. Там рыба безвкусая, мне не понравилась...

– А почему?

– Там, видно, тины в озере нету...

– Кормовая база другая, – более «научно» добавил Александр Лапцов.

Спросил я и о семье:

– Парней двое у нас. Один в Песках живёт, другой в Вологде. Двое внуков и внучка...

– А кроме рыбалки да хозяйства, чем занимаетесь?

– Да чем... По молодости охотой баловался, а сейчас уж какая охота... И на зимней рыбалке в эту зиму не был... Ноги-то уж не ходят...

– А всё же работаете ещё...

– А куда я деваюсь...

– За сорок лет не надоело рыбачить-то?

– У нас, парень, как бывало – начинаешь весной вершами ловить на Токшинских озёрах, теперь уж давно это не практикуют. Надоело вершами – скорей бы перейти на трал, побулькаешься-побулькаешься – надоест, скорее бы на невод перейти, а неводом уж до морозу... Так что разнообразие было. А сейчас только неводом летом ловим... А ещё раньше мы с отцом ловили ботальницами.

– Что такое ботальница?

– Это сетка-трёхстенка, штуки три их вместе сшиваешь, и вот пока воды много – кустики обметаешь и потом рыбу там пугаешь, она разбегается – и в сетку... Но мелочь-то мы, парень, всегда отпускали да и сейчас отпускаем.

– С барконьерскими сетями что делаете?

– А что делать – приходится выбирать... А сейчас ведь браконьерство-то всё узаконено.– Тут Александр Иванович посуровел, резко заговорил. – Кто такие предприниматели? Лицензия у него есть, что он будет докладывать, сколько чего поймал?.. Всё озеро загадили этими сетками. Как по берегам ни посмотришь – одни сетки да бутылки.

– Но ведь веками люди жили вокруг озера и озером кормились.

– Верно. Кормились озером. Но ведь не было столько приезжих. Раньше, бывало, за весь день увидишь в озере одну лодчонку, на дорожку кто-то ловит. А сейчас? Раньше у озера был один хозяин – Кубенский рыбзавод. А теперь – и не знаешь, сколько этих хозяев. А мужик у берега сетку кинет, его поймают, оштрафуют. Местным-то надо бы разрешать и сетки, а вот тем, которые из города приезжают да сети стенами штук десять по девяносто метров ставят... Да ещё забудут, где и ставили. – Раздраженно рукой махнул. Но, поостыв, добавил: – Ведь никому же не жалко, если у берега сеточку метров двадцать поставит кто-то, ведь и земля, и озеро – это все на самом деле не чьё-то, это Богово...

– Молодёжь-то есть хоть в ваших бригадах? – решил я отойти от больной темы, да другую не менее большую тему задел.

– Мало. Сейчас ведь, вообще, мало молодёжи в деревне остаётся. Да и мы-то как живём – зимой даже дорогу к нам не чистят, только если на кладбище, когда кто-нибудь помрёт. Заболеет человек, так и «скорой» не проехать. Баллоны газовые не привозят. Сами в Березники везём пустые баллоны, потом забираем заправленные. Ладно машина есть, так съезжу и соседям привезу.

– Сколько здесь постоянно людей живёт?

– Шесть домов. Да ещё дачников вон целая улица, но те только на лето приезжают.

– Нормально-то когда жили?

– При Брежнев, – короткий ответ был. – И у нас на заводе хозяин был настоящий, Михаил Харитонович Тавалинский.

– Рыбак – это, видимо, какая-то особая психология? – закинул я «философский» вопрос.

– Ну, в рыбаки тоже не все по своей охоте идут. – Смеются оба рыбака и присоединившаяся к ним супруга Александра Ивановича. – Бывало, как кого из колхоза выгонят, так те и рыбаками становятся.

И уже серьёзно добавил Александр Иванович:

– В последнее время состав бригады как-то установился, давно не меняется, а одно время текучка кадров была сильная. Работа-то не из лёгких, а зарплата невелика...

Пора уже было расставаться, а о многом, как это зачастую бывает, не спросил. Да что спрашивать-то... Как там у Рубцова: «К мужику микрофон подносят, тянут слово из мужика...» Они немногословны эти рыбаки, живут на своей земле, делают свою работу, как делали её и их отцы, деды... Да и сто лет назад, и тысячу, такие же немногословные мужики выводили в озеро свои лодки, ловили рыбу, жили...

Сяма – земля крестьян, поэтов и святых

За Новленским снова можно свернуть ближе к озеру, на старую дорогу. Слева будут поля, справа тоже поля, за ними – прибрежные кусты и гладь Кубенского озера... То и дело, как приметы вечности, у обочины дороги сложены камни, небольшие или огромные замшелые валуны, уже тысячи лет «родит» их здешняя земля, и с неизменным упорством убирают крестьяне эти камни с полей...

Сергей Чухин писал об этой дороге:

***

*Приозёрная эта дорога
Торилась веками
Рыбаками, паломниками,
В катаниках, босиком...
На обочинах камни лежат,
Придорожные камни,
Как усталые люди,
Что в землю уткнулись ничком.
Что у них накопилось
Под задубелою кожей?
Рассказали б о судьбах
О мимо прошедших людских...
Но они не очнутся,
Пока не очнётся прохожий
И не сядет рядком,
Бесконечно задумчив и тих.
И, спиной привалясь
К разогретому солнцем граниту,
Вдруг почувствуешь ты,
Будто крылья растут за спиной.
Ты же с предками связан
Не просто незримою нитью,
А дорогой на родину,
Родиною самой.*

*Так и взмыл бы, как птица,
Над пойменными ивняками!
Только не торопись,
Подвигайся неспешно пешком.
Уступают дорогу тебе
Придорожные камни,
Поздоровайся с каждым,
Пусть он тебе не знаком...*

1. Благословенная Сяма

А вон впереди уже и благословенная Сяма – стены Богородице-Рождественского монастыря и рядом деревенька, в которой по переписи 2002 года население составляло 20 человек (11 мужчин, 9 женщин). Сейчас и того меньше.

В этой-то деревеньке на берегу Кубенского озера, согласно житию, родился Мартиниан Белозерский (мирское имя Михаил; около 1400–1483) – преподобный Русской православной церкви. Ученик преподобного Кирилла Белозерского. Основатель Вожеозерского Спасского монастыря, игумен Ферапонтова и Троице-Сергиева монастырей, духовник великого князя.

Память его празднуется в день представления святого 12 (25) января, в день обретения мощей 7 (20) октября, а также в Соборе Вологодских святых в третью неделю по Пятидесятнице.

*Богородице-Рождественский
монастырь*

Согласно житию преподобного, родился он в деревне Сяме в крестьянской семье Стомоновых и при рождении был наречён Михаилом. Примерно десяти лет от роду мальчик был приведён родственниками в Кирилло-Белозерский монастырь к преподобному Кириллу. Отрок сам упросил святого принять его в свою обитель.

После обучения одним из послушаний Мартиниана стало списание книг. Нёс монастырское послушание в хлебне и поварне.

В житии написано: «И воспринимал он пост словно некое наслаждение, а наготу – словно прекрасное одеяние, и таким образом томил свою плоть воздержанием, по словам апостола, «плоть изнуряя, душу же просвещая»».

Мартиниан ещё в юных годах был пострижен Кириллом Белозерским, а по возмужанию был сделан сначала клириком соборной церкви, а затем хиротонисан в иеромонаха.

Вскоре после преставления своего учителя (в 1427 году) Мартиниан в стремлении к безмолвию ушёл за сто вёрст от монастыря и поселился на острове на озере Воже. Но отшельничество Мартиниана на Воже длилось недолго. К нему вскоре пришли другие иноки из Кирилловой братии и уговорили святого принять их. Вскоре была поставлена церковь, которую освятили во имя Преображения Господня. Так возник новый монастырь, получивший впоследствии название Вожеозерского Спасо-Преображенского.

Однако вскоре святой покинул основанный им монастырь, чтобы стать игуменом Ферапонтова монастыря. Ранее основатель монастыря преподобный Ферапонт Белозерский по настоянию Можайского князя Андрея Дмитриевича покинул основанную им обитель, чтобы основать близ Можайска Лужецкий Рождества Богородицы монастырь.

Именно Ферапонтов монастырь со времени игуменства там Мартиниана долгое время носил название «Мартемьяновского».

Знакомство преподобного с великим князем Василием Тёмным произошло в 1447 году, когда тот, поддержанный большинством боярства, церковными иерархами и игуменами важнейших монастырей с новонабранным войском проходил через белозерские пределы. Великий князь посетил Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Житие рассказывает, что великий князь получил благословение у святого и выслушал его наставления. А вскоре преподобный был поставлен игуменом Троице-Сергиева монастыря. В декабре 1447 года Мартиниан Белозерский подписал послание иерархов Русской Церкви Дмитрию Шемяке уже как игумен Троице-Сергиева монастыря. Житие сообщает, что преподобный Мартиниан стал духовником великого князя.

В 1455 году преподобный оставил игуменство в Сергиевом монастыре и вернулся в Ферапонтов, ради безмолвия.

Однако и в Ферапонтовом монастыре ему не удалось в полной мере предаться безмолвию: братия упростила его занять должность монастырского строителя и продолжить попечение об устройстве обители.

В 60-х годах XV века Пахомий Логофет именно со слов Мартиниана написал житие Кирилла Белозерского.

Преставился преподобный Мартиниан Белозерский 12/25 января 1483 года.

Нетленные мощи преподобного Мартиниана были обретены 7/20 октября 1513 года. К лику святых преподобный Мартиниан был причислен в 1547 году.

Знаменита Сяма и Богородице-Рождественским монастырём, вокруг которого и раскинулась деревня (когда-то, видимо, село), и под стенами которого торговала когда-то знаменитая в Кубеноозерье Сямская ярмарка.

Дата основания монастыря – 1524 год. В 1613 году он был разорён польско-литовскими отрядами, но восстановился. В 1642 и в 1690 обитель полностью уничтожается пожарами, но вновь отстраивается. До конца 1760-х все строения обители были деревянные. В 1770 возводится первый каменный храм.

Монастырь действовал до 1924. С 1936 по 1983 в постройках монастыря располагалась Березниковская школа.

2. Родина дяди Гиляя и Ивана Евдокимова

С Сямой связано и имя «короля репортёров» В. А. Гиляровского (1853 (1855) – 1935).

Местом своего рождения сам Владимир Алексеевич Гиляровский называл «лесное имение графа Олсуфьева», где-то близ Сямского монастыря и деревни Березник. Отец его, Алексей Иванович, служил помощником управляющего этим лесным имением. Мать, Надежда Петровна, происходила из запорожских казаков.

Двойная дата рождения Гиляровского – не случайность. Действительно, долгие годы не вызывало сомнений то, что родился он в 1853 году. Лишь в 2003 открылись новые обстоятельства. Вот что пишет об этом Владимир Аринин («Гиляровский на Кубенском озере», «Красный Север», 2005, 1 октября): «Дата – 8 декабря 1853 года ни у кого не вызывала сомнения. Но грянула сенсация как раз в духе самого Гиляя. Сотрудник Госархива Вологодской области, археограф И. В. Игнатъевская, выполняя авторский запрос, не имеющий никакого отношения к Гиляю, в метрической книге Покровской церкви, что на Сяме, натолкнулась на столь нам известную фамилию – Гиляровский. Она обратила на это внимание опытного архивиста, заместителя директора Госархива по науке Любови Николаевны Мясниковой. Записи метрической книги Покровской церкви были сопоставлены с офици-

альными данными о Гиляровском в исследовательской литературе. И сразу стало ясно, что сведения о времени рождения Гиляровского неверны... Владимир Алексеевич родился не 8 декабря 1853 года, а на два года позже – 8 декабря 1855 года».

Выдвигает Владимир Аринин и свою версию о месте рождения В. А. Гиляровского, считая таковым деревню Горка-Покровская, но это предположение пока не нашло документального подтверждения.

В детстве большое влияние на Гиляровского оказал двоюродный брат деда, бывший матрос Китаев. После смерти матери воспитанием Гиляровского занималась вторая жена отца, родовитая дворянка Мария Ильинична Разнатовская. В 60-х годах семья переехала в Вологду, где Владимир Гиляровский поступил в гимназию. Не окончив гимназию, он убежал из дома и в течение десяти лет скитался по России, работал бурлаком, крючником, пожарным, артистом цирка. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, где за храбрость получил солдатского «Георгия». Первым опубликованным произведением В. А. Гиляровского стало стихотворение «Листок», напечатанное в вологодском гимназическом сборнике. В 1881 году Гиляровский поселился в Москве, где и начинается его уже профессиональная литературная и журналистская работа. В 80-е годы Гиляровский сотрудничал с юмористическими журналами «Зритель», «Будильник», «Развлечение», познакомился с А. П. Чеховым, дружба с которым продолжалась долгие годы. Продолжал писать и стихи. В 1887 году был опубликован сборник рассказов В. А. Гиляровского «Трущобные люди», но по распоряжению цензуры весь тираж сборника был изъят и уничтожен, сохранились лишь отдельные его экземпляры. В эти же годы Гиляровский много работает в московских газетах как журналист-репортёр. Он оперативно и ярко освещал события, волновавшие всю Россию: пожар на фабрике в Орехово-Зуеве (1882), железнодорожную катастрофу на станции Кукуй (1883), эпидемию холеры (1892) и др. Гиляровский был единственным, кто успел опубликовать тяжёлую правду о катастрофе на Ходынском поле во время коронации Николая Второго (1896). Лично участвуя во многих событиях, о которых писал, Гиляровский часто подвергался серьёзной опасности, но незаурядная физическая сила и смелость всегда выручали его.

Всероссийскую известность приобрели его репортажи о театральной и литературной жизни. Он принял своеобразное участие в работе театра МХАТ над постановкой по пьесе Горького «На дне»: пользуясь своими знакомствами, он водил по трущобам Хитрова рынка К. С. Станиславского и артистов труппы.

После революции Гиляровским были написаны и изданы книги: «Мои скитания» (1928) о бродячей жизни в молодые годы, «Люди театра» (1935, опубликована в 1941), «Москва газетная» (1934, опубликована в 1960) и др. Но наибольшую известность Гиляровскому принесла книга «Москва и москвичи», над которой он работал с 1912 по 1931 год.

Гиляровский был своего рода московской достопримечательностью. А. И. Куприн писал ему в письме: «Скорее я вообразу себе Москву без царя-колокола и без царя-пушки, чем без тебя. Ты – пуп Москвы!» Незаурядная внешность Гиляровского не раз вдохновляла художников и скульпторов: И. Е. Репин рисовал с него одного из казаков на картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», а скульптор Н. А. Андреев лепил Тараса Бульбу для барельефа на памятник Н. В. Гоголю. Кстати именно Гиляровскому принадлежит честь установления точной даты и места рождения Н. В. Гоголя.

Многие стороны разнообразной деятельности В. А. Гиляровского сегодня полузабыты, но его книги «Москва и москвичи» и «Мои скитания» и в наше время занимают своё, значительное место в русской литературе.

***

Иван Васильевич Евдокимов, отрывки из очерка которого уже приводились в этой книге в главе об усадьбе Спасское-Куркино, родился в Кронштадте 4 февраля (22 января по ст. ст.) 1887 года, когда отец его проходил там сверхсрочную службу фельдфебелем 4-го флотского экипажа.

Но родители его были коренные вологжане с Кубенского озера. Отец из деревни Котлово, мать из соседней деревни Никулинская. Раннее детство будущего писателя прошло в Кронштадте, а затем в Петербурге, куда перевели по службе отца. Прослужив во флоте десять лет, Василий Евдокимов вышел в отставку и вернулся на родину, в Котлово. Но поселилась семья на Кирилловском тракте, в Сяме. Там, по словам самого писателя, прошли его «самые ласковые и прекрасные годы жизни».

Учился будущий писатель сначала в земской школе, в соседней деревне Березники. А затем в селе Новленском, в двухклассном министерском училище. Уже в это время он прочитал всю школьную библиотеку, пробовал и сам сочинять рассказы.

В начале 20-го века семья переехала в Вологду, где отец будущего писателя сначала работал буфетчиком, а потом открыл и собственное «дело», стал купцом.

В Вологде Иван Евдокимов сблизился с революционно настроенной молодёжью, посещал рабочие сходки, конспиративные квартиры, охранял первомайские собрания, выступал перед рабочими фабрики «Сокол». В то же время увлёкся будущий писатель и театром, участвовал в самодеятельных спектаклях, много читал. «Я находился всецело под обаянием творчества Максима Горького, – вспоминал об этих днях Евдокимов, – старался ему подражать и буквально не расставался с зеленоватыми книжками издательства «Знание». Биография Максима Горького, пережитая как воображаемая личная жизнь, конечно, ещё более усилила мечту о писательстве... Возникло сознание необходимости стройного, сис-

тематического образования. Университет становился так же притягателен, как недавно притягателен был театр».

Чтобы осуществить эту мечту, нужно было окончить гимназию или, по крайней мере, экстерном сдать на аттестат зрелости. Лишь в 1911 году, после попыток учёбы на общеобразовательных курсах в Петербурге, после окончания курсов бухгалтерии и стенографии в Москве, вернувшись в Вологду, он получает заветный аттестат и вскоре, наконец, становится студентом Петербургского университета.

Евдокимов окунается в культурную жизнь столицы – театры, концерты. Знакомится с литераторами – К. Бальмонтом, А. Толстым, С. Городецким... Упорно занимается изучением древней русской литературы, увлекается пушкинской эпохой. За сочинение о Сергее Глинке получает серебряную медаль.

В 1913 году вышла в свет первая, изданная за собственный счет книга Ивана Евдокимова – сборник стихотворений «Городские смены». Книга не имела успеха, и большую часть тиража молодой писатель утопил в Неве.

Он все больше внимания уделяет древнерусскому искусству и истории. В 1912 году в Вологде Евдокимов становится членом недавно образованного Общества изучения Северного края. Знакомство в 1913 году с И. Грабарем, в то время хранителем Третьяковской галереи, стало еще одним важным шагом в становлении Евдокимова как искусствоведа. Его статьи об искусстве печатаются в лучших столичных журналах. В Вологде издаются его книжки «Вологодский иконник Григорий Агеев» и др.

В 1915 году Евдокимов из-за разногласий с руководством Общества изучения Северного края выходит из него. В это же время разоряется его отец, вскоре умирает мать... Иван Евдокимов вынужден покинуть университет и поступить на службу в управление железной дороги, работа эта оставляла мало времени для творчества. Но уже в 1918 году он работал заведующим библиотекой Вологодского молочно-хозяйственного института. Другим местом его работы в это же время было соседнее Агафоново, где он заведовал школой первой ступени. В это время Иван Евдокимов написал свой крупнейший искусствоведческий труд «Север в истории русского искусства», а также книги «Вологодские стенные росписи», «Два памятника зодчества в Вологде» и др.

В 1922 году И. В. Евдокимов переезжает в Москву, работает редактором в Госиздате, где, в частности, составлял и редактировал четырёхтомное «Собрание стихотворений» Сергея Есенина, увидевшее свет уже после смерти поэта в 1926 году.

Расцвет творческой деятельности Ивана Евдокимова падает на вторую половину двадцатых годов, когда один за другим создаются и выходят в свет повесть «Сиверко», роман «Колокола», трехтомный роман «Заозерье»... Это годы самого высокого взлета и небыва-

лого успеха писателя. В это время имя Евдокимова не сходило со страниц печати. Он был одним из наиболее активно читаемых писателей. Высоко отзывалась о нем и тогдашняя литературная критика.

Успех этот сменился неудачами. Они начались с романа «Чистые пруды» и затянулись надолго, почти на целое десятилетие. За «Чистыми прудами» следовал роман «Зеленая роща», затем повесть «Дорога», документальное повествование «Архангельск», автобиографическая повесть «Портрет Василия Мещерина», роман «Жар-птица». Все они подверглись отрицательной, а зачастую и просто уничтожительной критике, порой справедливой, но иногда и слишком жесткой... В этих условиях писатель сначала возвращается к искусствоведческой деятельности и создает книгу «Суриков», изданную в одном из первых выпусков знаменитой серии ЖЗЛ, затем разрабатывает жанр биографической повести – «Репин», «Левитан», «Крамской», а незадолго до смерти завершает работу над первой книгой большого биографического романа «Михаил Лермонтов»...

Лучшее из творческого наследия Ивана Васильевича Евдокимова и сегодня не потеряло своего литературного и искусствоведческого значения.

3. «Сямское землячество» – стояние за родину

Юрий Михайлович Кумзеров – председатель общественной организации «Сямское землячество». Он и рассказал об этой уникальном содружестве земляков... Да, уникальном. Региональная общественная организация РОО «Вологодское землячество» действует в Москве (есть, кажется, отделение этой организации и в Петербурге), существуют и другие региональные организации, «землячества» организованные по национальному признаку, а вот такой организации, объединяющей людей даже не одного района или сельсовета, а скажем по-старому, волости, как «Сямское землячество», похоже, что больше и нет... В нашей области нет точно...

– Наша маленькая организация, принятая, между прочим, в качестве «коллективного члена» в Вологодское землячество, – рассказывает Ю. М. Кумзеров, – поначалу не была никак официально зарегистрирована...

Начиналась эта организация, по словам Юрия Михайловича, с общения бывших одноклассников.

– Наша дружба не прекращалась и после того, как мы, окончив школу, разъехались по разным городам и весям... По возможности мы встречались в основном в Сяме, там, где в бывшем монастыре до начала восьмидесятых и была наша школа. Эти встречи сближали нас. Были и застолья, конечно, но главное, что мы общались, помогали друг другу, а потом и какие-то совместные мероприятия стали проводить...

Одним из таких общественно значимых мероприятий, организованных Сямским землячеством, стала установка памятного знака в Березниках в честь 60-летия Победы. На территории сельсовета, около пятисот жителей которого не вернулись с полей Великой Отечественной, до того времени не было памятника в честь Победы.

– Все, кто чем мог, помогали, собирали материальные средства. Один из наших товарищей, Юрий Александрович Маслов, помог брусчаткой, которой выложена площадка у памятного знака. Помогал, конечно, и совет ветеранов, и колхоз...

Теперь памятный знак стоит у конторы колхоза «Ильюшинский», там всегда чисто, красиво, в День Победы там проводятся торжественные мероприятия, туда приходят и ветераны, и школьники. Вот это и есть патриотическое воспитание, не на словах – на деле.

– Потом, – вспоминает Ю. М. Кумзеров, – было столетие Гиляровского. Ну неужели мы могли пройти мимо такой даты? Нет! Естественно, мы связались со школой, с библиотекой. Там уже велась исследовательская работа в этом направлении...

Результатом совместной работы Сямского землячества и березниковской общности стала установка в Сяме, на малой родине «короля репортеров», памятного камня знака...

Официально землячество было зарегистрировано как общественная организация в 2006 году. Сегодня некоммерческая общественная организация «Сямское землячество» насчитывает 17 членов. Есть совет организации из пяти человек, есть два сопредседателя и председатель. Среди членов землячества и те, кто сегодня живут далеко не только от Сямы, но и от Вологды, но помнят и любят родной край. Например, Б. М. Хайдин живёт в Подмосковье, работает в Москве. Землячеству он подарил картину «Сяма середины XIX века».

– Борис Михайлович – не профессиональный художник, но его картины принимали участие во многих выставках, в том числе и за границей, есть его работы и в районном музее в селе Кубенское, – рассказывает председатель землячества. – Наталья Николаевна Вяткина тоже живёт в Москве, она художник, скульптор, подготовила медали, которые мы вручаем активным участникам Сямской ярмарки.

Кстати, ежегодная ярмарка в Сяме – ещё одно, и, пожалуй, наиболее известное сегодня направление работы Сямского землячества.

– Уже состоялось пять ярмарок. С одной стороны – это восстановление традиции. Ведь ярмарки издавна проводились под стенами Сямского монастыря, основанного в XVI веке. Причем, раньше они проходили три раза в год. Традиция эта сохранялась до 30-х годов XX века. С другой стороны – это желание помочь сегодняшним крестьянам, нашим землякам попробовать заработать какую-то копейку в свой бюджет. Местный житель набрал брус-

ники, клюквы, вырастил овощи на своём огороде, сделал какие-то поделки из дерева – и ему не нужно ехать на ярмарку в Вологду или еще куда-то... Да к тому же – ярмарка это и праздник... Но я против тех организованных праздников, которые сейчас во множестве проводятся, в том числе и в нашем районе. Когда на оргкомитете ярмарки стали звучать слова, что надо бы и нам всё делать, как на тех праздниках и т. д., я сразу сказал: не надо организовывать. Нет денег на городских артистов – и не надо! Выступили самодеятельные артисты из местного Дома культуры – и спели, и сплясали. Если у людей будет работа, будет перспектива нормальной достойной жизни на этой территории, люди сами сделают праздник, – рассуждает Ю. М. Кумзеров, и с ним трудно не согласиться.

– Мы давно дружим со школой традиционной культуры из Вологды, – продолжал Юрий Михайлович. – На территории нашего поселения ребята из этой школы собирали фольклорные материалы – обряды, частушки, местные легенды. Потом на основе этих материалов была издана замечательная книжка «Древо жизни». Ребята из этой школы принимают участие и в наших ярмарках – в народных костюмах, как старинные коробейники предлагают товары, следят за чистотой и порядком на территории монастыря...

Пожалуй, главным и хорошим отличием Сямской ярмарки является то, что на ней совсем не продается алкогольная продукция. Нет пьяных людей на этой ярмарке...

– Когда мы только задумывали нашу ярмарку, стали думать, чем она будет отличаться от других подобных мероприятий, в чем будет её особенность? И решили, что наша ярмарка будет «чайной». Столько лугов кругом, столько полезных лекарственных трав! И теперь на нашей ярмарке люди пьют не пиво, а вкусные и полезные травяные чаи... Никакого спиртного на нашей ярмарке нет категорически!

– Ещё задачу землячества, – продолжал Юрий Михайлович, – мы видим и в том, чтобы доводить до власти, до широкой общественности мнения, проблемы, насущные нужды наших земляков. Так, например, случилось со святым источником в Елегонке. Его обустроили, стали проводиться молебны – хорошее дело! Но когда люди узнали, что там же планируется организация торговли, какие-то шашлыки, песни и танцы, люди стали возмущаться. Нельзя это делать в святых местах! Об этом мы от имени землячества и жителей поселения и написали в открытом письме главе Вологодского района, которое было опубликовано в «Маяке». Нельзя устраивать гулянки и автостоянки у святых мест! Там надо расчистить дорожки, сделать освещение, поставить наряд милиции от пьяных – все, больше ничего не надо. Для автостоянки есть хорошее место километрах в двух от источника – большая поляна, там, где раньше стояла деревня Токарево, между прочим, родина моего отца. Вот там и сделайте стоянку, там может быть и торговля, и предоставление других услуг, а к источнику пройдите пешком. У нас так и было исстари. Я сам ещё в детстве бывал на этом

источнике. Дорога к источнику тогда была со стороны деревни Еленьги, ныне не существующей, на её месте остались лишь огромные тополя. В этой деревне жили наши родственники, мы бывали у них в гостях. От деревни к лесу и дальше к источнику шла тропа. У входа в лес у тропы лежал большой камень, он и сейчас там лежит. Я не видел, но рассказывают, что на камне был четко виден отпечаток стопы. По преданию – это стопа Богородицы. Люди, ходившие к источнику, оставляли на этом камне денежки, на которые потом бабушки, следившие за порядком на источнике, нанимали мужиков подновить гать, еще что-то поправить там... Нашлись инициативные сельсоветчики – срубили тот след, там на камне видны сколы. И все в округе прекрасно знают, у кого из тех сельсоветчиков потом рука отсохла, кого камнем придавило, у кого дом сгорел... Это все правда. Это всё было. Об этом надо бы помнить и сегодня. Потому что, то, что сейчас происходит у источника, это кошунство...

Конечно, в таком разговоре не могли мы не коснуться судьбы и самого Сямского монастыря, который сегодня, к сожалению, находится без постоянного присмотра, монастырские здания ветшают и рушатся, реставрация колокольни заморожена... Долгие годы после закрытия школы здания находились на балансе ВГПУ, приезжали туда студенческие экспедиции. Проживание вольной студенческой братии не пошло на пользу помещениям. Всё там, по словам Юрия Михайловича, было разворочено и загажено...

Сегодня два здания, двух- и одноэтажное, признаны памятниками регионального значения, колокольня, по причине ветхости к числу памятников не отнесена, хотя и был начат её ремонт, реставрационные леса, уже обветшавшие, и сегодня остаются вокруг неё... Не может пока оказать помощь и епархия. Священники приезжают на праздничные богослужения (в одном из зданий для этого оборудована комната), этим всё пока и ограничивается...

– Мы просили в безвозмездную аренду одно из зданий, – рассказывает Ю. М. Кумзеров, – но пока и это не получается. Все-таки что-то пытаемся сделать: вставили окна, отодвинули землю от фундамента, чтобы здание «дышало»... Оборудовали комнату для богослужений. А хорошо бы иметь там и музейное помещение, собрать старинные вещи, имеющие отношение к монастырю, школе, деревне. Ведь у этого края богатейшая история! С ним связаны имена святого Мартинаана Белозерского и Владимира Гиляровского, по нашей старой Кирилловской дороге проезжали цари и великие князья... Кроме того, надо бы сделать комнату для проживания. Чтобы в ней мог отдохнуть или переночевать, приехав на богослужение, священник. Да и не только священник, если мы думаем о развитии этой территории. Можно сделать и небольшой пищеблок, колодец рядом, можно провести водопровод. Землячество собирает библиотеку – ей бы тоже место в этом здании... Задумок и планов по обустройству монастыря и ближайших территорий много. Но одним нам не справиться.

Со стороны власти пока мы видим лишь попытки найти «инвестора», который вложил бы деньги в эти помещения и территорию. Но нужен ли нам инвестор со стороны, который, прежде всего, будет думать о том, чтобы заработать. Мы представляем, что здесь появилось бы, прежде всего, развлекательное учреждение с баней и т. п. А надо бы организовать здесь рабочие места для своих, местных людей, которые не гнались бы за прибылью, а старались бы сохранить это историческое место. Необходимо взаимодействие землячества, местной и районной администрации, церкви. Мы работаем в этом направлении и готовы к сотрудничеству. Но главное – это найти отклик и привлечь на свою сторону общественность. Посмотрите, в Кубенском именно благодаря общественности открылась церковь, восстанавливается храм в Кулемесове...

Кроме больших, можно сказать, глобальных мероприятий по проведению ярмарок, обустройству территории монастыря, Сямское землячество принимает активное участие в жизни сельского поселения...

– Мы подключились к ежегодно проводящимся соревнованиям на призы Ильюшина. На эти соревнования в Березники приезжают команды из всех окрестных поселков и деревень. Проводятся лыжные соревнования, по мини-футболу и волейболу. Землячество учредило два переходящих кубка для лыжников – юношей и девушек. По возможности оказываем помощь школе, библиотеке. Ежегодно выписываем на Березниковскую библиотеку какую-нибудь газету... Но и люди, местные жители, всегда помогают нам. Например, приходят на субботник перед ярмаркой. Самые добрые отношения сложились у нас с председателем СХПК «Ильюшинский» А. А. Клековым, он является членом оргкомитета ярмарки, принимает участие во всех значимых мероприятиях.

Рассказал Юрий Михайлович и о себе...

– Нас у родителей было пятеро детей. Мы все родились во Фрязинове. Когда-то это было село в полтораста домов, был и храм. Сейчас там два дома, храма давно уже нет... Там родилась мать, а отец из деревни Токарево, естественно – они крестьяне. Он участник войны, защищал Ленинград, мама во время войны работала на лесозаготовках. В 1958 году переехали в Сяму. После школы я работал в совхозе, после срочной службы в армии работал в Вологодском райкоме комсомола, в горкоме, а затем был направлен на службу в КГБ. Девять лет служил в Таджикистане, а затем в Вологде. И всегда помнил, что в Сяме – родительский дом. Знал, что родина всегда ждет, всегда примет. Поэтому нам и надо стоять за свою родину.

Думаю, не будет преувеличением, если скажу, что создание «Сямского землячества», его работа – это и есть пример стояния за свою малую и большую Родину.

Березники – «Ильюшинский»

Миновав Сяму и Горку Покровскую, почти сразу увидишь впереди крыши деревни Березник (или Березники).

Деревня большая, ещё недавно центр сельсовета. С 2009 года входит состав Новленского сельского поселения. По переписи 2002 года численность населения – 451 человек (209 мужчин, 242 женщины). Есть школа, детский сад, библиотека, клуб...

...В канун Дня Победы в этом клубе (старом деревянном здании) было собрание ветеранской организации. В большинстве своём ветераны здесь (как и везде) женщины – старушки, всю жизнь проработавшие на фермах да в поле.

И было всё, как обычно бывает на таких мероприятиях: отчёт председателя местной ветеранской организации, поздравление от районных властей, подарки. Выступали с военными песнями правнуки тех ветеранов, что сидели в зале неказистой избушки, называемой клубом...

Все вместе под баян спели «День Победы».

Районное начальство уехало, молодёжь убежала, а бабушки-ветераны всё не отпускали своего бравого баяниста: под drobный перестук каблуков пели частушки своей молодости. И горькие, и озорные...

*Ягодиночку убили –
Лежит под Севастополем,
Его общая могила
Под высоким тополем!*

*Не война бы окаянная
Не Гитлер бы на нас,
Не гуляла я бы девушка
Без милого сейчас.*

*Вот и кончилась война,
Пошли ребята ротами,
Девушки молоденьки –
Не будьте полоротыми.*

*Ты дроби, дроби подруга,
Да и я буду дробить,
Моего ты любила,
Твоего буду любить!*

*Задуманная подруга,
На границе тишина.
Сорок пятого, девятого
Закончилась война!*

И ещё, и ещё – в перепляс пускаясь, «дробили» женщины, которые в те страшные годы «пахали на быках, боронили на коровах». Сколько уж лет прошло, а всё помнится...

С полей сражений той страшной войны не вернулись 472 березниковца. Памятник им стоит неподалёку в сквере.

А рядом контора когда-то совхоза, а ныне СХПК «Ильюшинский» – местного «градообразующего» предприятия, трудами работников которого обрабатываются окрестные поля и луга, строятся фермы, доятся коровы, строится даже и новое жильё...

СХПК «Ильюшинский» – сосед «Новленского», о котором я уже рассказывал. В этом предприятии, как и в «Новленском», активно применяются новые технологии, внедряется новая техника. Так, например, именно в «Ильюшинском» впервые в районе была применена технология закладки силоса и плющеного зерна в рукава.

Не буду останавливаться на всех новшествах, применяемых в «Ильюшинском», одном из лучших сельхозпредприятий Вологодской области – их много. Но об одном очень показательном моменте расскажет сам председатель СХПК Андрей Александрович Клёков, который работает в хозяйстве с 2000 года.

– В апреле 2010 года меня пригласил на встречу глава соседнего Кирилловского района. Объяснил ситуацию, сложившуюся в колхозе «Свобода»: задолженность по заработной плате, по налогам, производством практически не занимаются. Предложил посмотреть хозяйство. Съездили со специалистами, посмотрели – впечатление осталось не лучшее. Но тот факт, что у хозяйства была оформлена в собственность земля в количестве 1100 га, стал основным аргументом в пользу того, чтобы взять это хозяйство под свою руку. Мы как раз испытывали трудности с объёмом заготавливаемого корма, нам не хватало своих площадей. Конечно, взяли мы и фермы. С декабря 2010 года уже официально «Свобода» перестала существовать, а «Ильюшинский» получил новое подразделение.

О. В. Разживин, А. А. Клёков

– На момент присоединения, – продолжал рассказ А. А. Клёков, – на фермах в Колкаче содержались 345 коров, давали они по 2,5 – 3 литра молока в сутки. Что и неудивительно, работали там по большей части «граждане из стран ближнего зарубежья», которые в производстве заинтересованы не были, получали по ставке свои 15 тысяч рублей. При этом в штате хозяйства числилось большое количество людей, которые уже и на работу не ходили, потому что зарплату не получали.

С работы с людьми и начали. Поговорили с каждым работником, числящимся в штате, подписали договоры, всем предложили работу...

Начали потихоньку выбраковывать коров, потому что перспективы в старом стаде не было никакой, и к концу года сократили дойное стадо до 120 голов, до того количества, которое реально могло хоть что-то дать, остальные коровы просто проедали корма. Параллельно выполнили проект реконструкции и тем же летом 2010 года осуществили реконструкцию ферм. Два двора полностью под беспривязное содержание реконструировали, построили новую ферму. Построили молокоприемный пункт, в котором разместили и доильный зал. Там же располагаются холодильные установки и все кабинеты специалистов. Одновременно мы ограничили продажу нетелей в «Ильюшинском» и выставили их на фермы в Колкаче. Так постепенно заменили практически все стадо... Вложили только в реконструкцию ферм и оборудование 54 млн. рублей...

Сейчас на ферме Колкач содержатся 210 коров, средний удой за 2011 год составил 7000 кг – прибавка составила 3 336 кг (увеличение в два раза!). 12% молока, надоенного в Кирилловском районе в прошлом году – это уже молоко из Колкача. В текущем году планируется довести поголовье дойного стада в Колкаче до 270 голов, получить удой 7500 кг. И к такому результату есть предпосылки, прибавка молока за 1-й квартал составила 600 кг.

Повезло нам и с механизаторами – все они местные, колкачские, все ответственные, трудолюбивые... Уже в 2011 году именно там, в Колкаче, было заготовлено 5,5 тыс. т силоса (всего «Ильюшинским» было заготовлено 21 тыс. т силоса) да и урожайность зерновых составила 30 ц/га.

– Зарплату месяцами не получали... Совсем было плохо, – рассказывают доярки. – Но Клёкову поверили, знали, что «Ильюшинский» – очень сильное хозяйство. Сейчас и условия работы хорошие и зарплату вовремя получаем...

– Думали ведь, что и нам как-то будет. Потому что много хозяйств в районе погибло, – говорит Владимир Павлович Гудков, механизатор, намолотивший в 2011 году больше всех зерна в Кирилловском районе – 1270 т. – Хорошо, хоть Андрей Александрович к нам пришёл. Мы поверили ему...

...С того времени прошло несколько лет. «Ильюшинский» и его подразделение «Колкач» остаются лидерами сельхозпроизводства теперь уже двух районов – Вологодского и Кирилловского, земля пашется, коровы доятся...

Хорошо, что есть такие руководители, как Олег Владимирович Разживин в «Новленском» и Андрей Александрович Клёков в «Ильюшинском». Крестьяне им верят, идут за ними... На труде этих крестьян и сегодня держится Россия.

Однажды, возвращаясь в машине из Березников в Вологду, беседовали с Андреем Клёковым: – Возможно, не за горами время, когда на селе по пятьдесят тысяч будут платить, и всё равно никто в сельское хозяйство не пойдёт. Потому что зарплата – это не вся жизнь, нужны и условия, инфраструктура, – рассуждает председатель. И рассуждает он абсолютно правильно, и не только рассуждает, но и старается что-то сделать для того, чтобы жизнь хотя бы у людей, работающих в «Ильюшинском», была лучше, интереснее. Хозяйство постоянно строит дома, покупает квартиры (все приезжающие работать в «Ильюшинский» из других районов получают жильё), участвует в жизни сельского поселения – помогает школе, библиотеке, клубу, возрождающемуся Сямскому монастырю... Но ведь главная задача предприятия – производить продукцию, и даже такому крепкому предприятию, как «Ильюшинский», очень непросто живется и лишних денег у него нет. Почему же все проблемы на него-то валятся? Кто везет – на того и грузят? Где на деле, а не на словах забота государства о сельском труженике? Где, простите, новый Дом культуры в Березниках? Будет он когда-нибудь? На что глядя, оставаться-то молодежи?..

Впрочем, Андрей Александрович Клёков из тех, кто не унывает (да ему за делами и заботами и некогда унывать-то). И это не только русское «авось» – это, прежде всего, желание жить и работать. И помогать в этом другим.

– Вы к своему председательству, к своей работе, как к бизнесу относитесь? – спрашиваю у Андрея Александровича.

– Надо бы, как к бизнесу, а вот не получается...

Многое у Клёкова получается, а вот это не получается. Бизнес – это же «чистая математика», как говорится в одной телевизионной рекламе. А руководство сельхозпредприятием – это и бизнес, но и равнодушное отношение к людям, к земле, на которой живёшь и трудишься. Скажу красиво: у него, у Андрея Клёкова, душа за своё дело болит, как и у большинства доярок и механизаторов, как у многих-многих истинных сельских тружеников. На это и надежда...

Библиотекарь с Кубенского берега

1.

Наталью Николаевну Фарутину я знаю давно. Часто встречаемся на мероприятиях в областной библиотеке имени Бабушкина или в крохотных сельских библиотеках, где она устраивает выездные выставки. Вот и на этот раз встретились в Березниковской библиотеке, на краеведческих чтениях, посвящённых Ивану Евдокимову. В сельской библиотеке школьники и взрослые читатели могли взять в руки, полистать редкие книги и журналы, изданные ещё в начале прошлого века. Такая возможность и в городе-то не у всех есть. И появилась такая возможность у сельских книголюбов благодаря влюблённости Натальи Николаевны в своё дело. Оказалось к тому же, что у неё и корни из этих мест...

Мы договорились о встрече и разговоре в Вологде. И вот я беседую с заведующей сектором редких книг отдела книгохранения Вологодской областной универсальной научной библиотеки Натальей Николаевной Фарутиной. Конечно же, в библиотеке.

– Мой отец, Фарутин Николай Степанович, родом из деревни Владычное, это по Кирилловской дороге. Родился в 1919 году. Всё детство провёл во Владычном, учился в Сяме. Обыкновенная крестьянская семья, шестеро детей. Ещё папа учился в Никольском Торжке в школе по гармонному делу и потом какое-то время даже в Вологде на фабрике баянов работал. А жил в Вологде на квартире у сестры Сергея Владимировича Ильюшина. На улице Мира, за баней у неё был свой дом, и она земляков привечала. Был случай: в 1937 году она отправила папу в Москву к Сергею Ильюшину, потому что долго не было от него писем. Ильюшин уже работал конструктором. Какая-то короткая встреча у них была (позже были ещё встречи), папа писал об этом в воспоминаниях... Кстати, заместителем директора областной библиотеки тоже работала родственница (кажется, племянница) конструктора Мария Геннадьевна Ильюшина.

В 1939 году Н. С. Фарутина призвали в армию, и здесь не обошлось без «случайности», во многом определившей его дальнейшую судьбу...

– В 1939 году папу призвали в армию, – продолжает рассказ Н. Н. Фарутина. – По случаю призыва была гулянка, и какой-то парень заехал ему кирпичом в ухо. Папу отвезли в больницу в Кубенское, и поэтому он уходил в армию недель позже. Все его односельчане попали служить на западную границу, в район Бреста, а он – на Северный флот. Там и война его застала. Он был рядовым краснофлотцем, служил в дальнобойной артиллерии на полуострове Рыбачьем. Писал стихи и заметки для военной газеты, его публиковали. А в конце войны он уже и служил в газете, даже присвоили ему звание лейтенанта. Так

журналистика и стала делом всей его жизни... После армии он вернулся в Вологду, а два его брата погибли.

В 1946 году познакомились родители Натальи Фарутиной. И опять случай... О, эти случаи, вершащие наши судьбы!..

– Мама жила в Кубенском, закончила учительский институт, работала в конце войны в Сяме в школе. Младший брат папы у неё учился, так что семью она уже знала. Даже бывала в их доме – в углу стояла гармошка, и родители говорили, что это сына, который в армии... А потом они случайно встретились в Кубенском, папа ехал в отпуск и помог маме подняться в «грузотакси»...

После переезда в Вологду Н. С. Фарутин работал в газете «Северный путь» (газета Северной железной дороги.), затем долгие годы в «Красном Севере»... Любил и умел писать фельетоны, сейчас этот жанр почти пропал. Очень много писал об участниках Великой Отечественной войны. Открыл несколько имён вологжан Героев Советского Союза. Его очерки публиковались во многих коллективных сборниках, оставил Николай Фарутин интересные воспоминания.

Кубеноозерье, старая Кирилоовская дорога, озеро – память детства Натальи Николаевны Фарутиной...

– Я, конечно, с раннего детства каждое лето бывала во Владычном, ездила туда к бабушке и дедушке. Мы ещё ездили по старой дороге, которая шла через деревни вдоль Кубенского озера... Помню огромные наполненные водой колеи... Автобусы тогда не ходили, а были так называемые «грузовые такси» – крытые грузовики. Иногда папа брал от «Красного Севера» «козлик»... Выезжали из Вологды рано утром, приезжали во Владычное вечером. Вот какая дорога была... Дедушку почти не помню. Но с ним связано одно из самых первых детских воспоминаний: рядом с домом был старый колодец, я к нему подошла, и дедушка заругался, я побежала домой и кричу маме: «Поехали домой!» Дед пришёл, говорит: это я её напугал...

Дед был настоящий русский дед с окладистой бородой... В нашей семье есть легенда, что он сидел за одной партой с будущим писателем Евдокимовым в земской школе в Березниках.

Озеро от нашей деревни было далековато. А выход в озеро был через реку... Помню эту каменистую речку Делялевку, на которой полоскали бельё... Огромный камень на берегу, на который с трудом залезали...

В каждом детстве – своя речка, камень или заветное дерево, то, что остаётся с нами на всю жизнь символом того, светлого, невозвратного...

2.

– Я очень любила ходить в библиотеку. Мне нравилось в нашей школьной библиотеке даже как сидит библиотечкарь, как она книги выдаёт...

А я вспоминаю Антонину Дмитриевну Чухину (жену поэта Сергея Чухина), которая выдавала мне книги в библиотеке 24-й вологодской школы... Всего лишь выдавала книги, а помнится...

– А сюда я устроилась «по блату», – продолжает и смеётся Наталья Николаевна. – После школы я не поступила в институт и 17 декабря 1974 года пришла сюда. Это папа помог устроиться, конечно. Он был знаком с директором библиотеки Анной Георгиевной Серебренниковой, она тоже была ветеран войны, служила на Северном флоте. И она взяла меня. Мне дали должность младшего библиотекаря с окладом 62 рубля 50 копеек. С тех пор я здесь: из подвала поднялась на шестой этаж, – опять смеётся моя собеседница. А я думаю, все бы так «по блату» на всю жизнь приходили и любили бы свою работу так, как Наталья Николаевна.

– Потом я закончила заочно Кирилловское культпросветучилище и институт культуры в Ленинграде. Мне повезло, что в отделе книгохранения под своё крыло меня взяла Нелли Николаевна Белова. С ней очень интересно было работать...

И началась эта работа у Натальи Фарутиной едва ли не сразу с настоящего открытия...

– Я совсем тогда недавно работала и случайно нашла в книгохранении уникальную рукопись: «Азбука языка словенского». Она стояла в общем фонде и её не увезли. Ведь в 50-е–60-е годы от нас очень много рукописных и старопечатных книг вывезли в Москву или передали на хранение в Вологодский областной краеведческий музей. А эта рукопись благодаря тому, что стояла в общем фонде, осталась у нас. Я случайно её увидела – она необычной формы, в кожаном переплёте. Оказалось, что это рукописная книга создана в конце XVII века в Великом Устюге... Каждая буква выписана пёрышком, некоторые настолько мелко, что не сразу и поймёшь, что это буквы... Такие открытия бывают и до сих пор. Лет пять назад приезжали ко мне из Спасского-Куркина школьники, тогда там только началось восстановление усадьбы. И я показывала ребятам библиотеку из усадьбы, раскрыла одну книгу, а там между страниц засушенный цветок... Мы постоянно занимаемся реконструкцией стародворянских библиотек. Устанавливаем бывших владельцев книг по владельческим и дарственным надписям... Иногда это сродни распутыванию детективной истории, – рассказывает Наталья Николаевна.

«Редкий фонд» – книги, изданные до 1918 года, составляет в Вологодской областной библиотеке 80 тыс. единиц. Так что открытия, я уверен в этом, ещё будут. При одном обязательном условии: если будут в библиотеке работать увлечённые своим делом люди, такие, как Н. Н. Фарутина.

О книгах, о библиотечном деле Наталья Николаевна может рассказывать, кажется, бесконечно. А я бы слушал и слушал... Я ведь тоже, признаюсь, влюблён с детства и навсегда в книгу. Этот книжный запах, эти родные строгие или весёлые имена на корешках... Великое счастье, что здесь и сейчас, чтение, общение с книгой, с автором дано каждому из нас. Каждому человеку. И как же унижены и несчастны люди, лишённые книг. А ведь есть и те, кто сами лишают себя этого счастья...

С пятого этажа мы поднимаемся ещё выше, на тот самый шестой этаж, где хранятся самые старые и редкие экземпляры.

Стеллажи, книги в специальных футлярах...

Но вот Наталья Николаевна открывает сейф с настоящими книжными ценностями...

Книга с автографом Николая Рубцова. Алексей Ганин: «Вологодской публичной библиотеке от Алексея Ганина». Автограф Гиляровского: «Подарено Сергею Васильевичу Рухлову...»

А вот прижизненное издание Константина Батюшкова: «Опыты в стихах и проза» из библиотеки Вологодской духовной семинарии.

А вот автограф классика русской литературы Всеволода Гаршина, жившего в имении Красково. Там же, в Красковском детском доме, волею всё того же «случая», спустя годы оказался мальчик Коля Рубцов. Теперь книги с их автографами в одном сейфе, их литературное наследие – в едином «сейфе» русской литературы.

Вот ещё надпись на книге: «Прислана от господина Николая Михайловича Карамзина в Вологодскую семинарскую библиотеку 1806-го года мая 15-го дня. Ректор архимандрит Амвросий».

– Прочитав эту надпись, я стала заниматься и узнала, что во время работы Карамзина над «Историей государства Российского», была послана заявка в семинарию переписать Великоустюжскую летопись, и они для него за месяц всё переписали, а он в знак благодарности прислал около двадцати книг, – рассказывает Наталья Николаевна. И уже показывает следующий раритет – ту самую, найденную ею рукопись в кожаном переплёте: «Азбука языка словенского»...

Спасибо, Наталья Николаевна...

***

...Километра через два от Березников по старой Кубенской дороге – крохотная деревенька Дилялево. В ней родился и жил великий человек, именем которого назван не только местный совхоз, а ныне СХПК, но и легендарный «самолёт победы» Ил-2. Я говорю о Сергее Владимировиче Ильюшине. Том самом – трижды Герое Социалистического Труда (1941, 1957, 1974), единственном лауреате семи (!) Сталинских премий... Здесь вот он и жил – бегал в Березниковскую школу, туда же, в Березники возил на маслозавод молоко... Отсюда ушёл он в большой мир. Впрочем, о легендарном авиаконструкторе написаны книги, сняты фильмы... А местные ещё вспоминают, что, приезжая в родную деревню, Ильюшин прежде всего встречался со своим дружкой, с которым когда-то сидел за одной партией – тот работал в совхозе конюхом...

Как же богата эта полоска земли вдоль Кубенского озера! Людьюми богата...

Сергей Владимирович Ильюшин

Минино – время и вечность на ладони (рассказ археолога)

В разговоре о Кубеноозерье нельзя не поговорить об археологических древностях этого края (потому что их много и они интересны), а когда подъезжаешь к деревеньке Минино, появляется и повод об этом поговорить.

Здесь, вблизи нынешней в основном дачной деревеньки, стоящей неподалеку от устья речки Дмитровки, в середине 90-х и начале 2000-х годов велись археологические раскопки, давшие поразительные результаты.

Впрочем, те, кто хотят знать подробности работы на поселении Минино, могут найти в библиотеках трехтомник «Археология северной деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Научный руководитель и ответственный редактор член-корреспондент РАН Н. А. Макаров», Москва, Наука, 2007.

Я эти книги нашёл, частично прочитал (рекомендую!), но для своего путешествия по старой Кирилловской дороге выбрал всё-таки не обзор этих хоть и интересных, но очень специальных книг, а живой разговор с участником этих раскопок, известным вологодским археологом и историком, заместителем директора научно-издательского центра «Древности Севера» Александром Валерьевичем Суворовым.

– На Кубенском озере археологические работы велись достаточно давно, – рассказывает Александр Валерьевич. – Но это были эпизодические обследования: в конце 20-х годов, в 60-е годы, случайные сборы подъемного материала в 80-е годы прошлого века. Кубенское озеро как объект обстоятельных исследований выбрал для себя Сергей Юрьевич Васильев – археолог-вологжанин, которого, к сожалению, уже нет на свете, он умер в 1996 году. Он был и основателем нашего центра «Древности Севера».

Он начал свои исследования в конце 80-х–начале 90-х годов, и в ходе семи сезонов озеро было обследовано целиком, насколько это позволяли технические и материальные возможности того времени (социально-экономическая ситуация в стране была очень сложная, нестабильная). Было выявлено около ста восьмидесяти памятников археологии, но обследование их было едва начато, раскопками были частично изучено только несколько памятников разных эпох.

Мне посчастливилось быть участником тех экспедиций. Я в то время был студентом Вологодского пединститута, а Сергей Юрьевич – моим руководителем курсовых и дипломной работы.

Идеальные условия для работы археологов на Кубенском озере – поздняя осень, когда вода опускается особенно низко, и на моторной лодке (которой у нас и не было) во все эти протоки не пройти. Поэтому мы обходили заранее намеченные для обследования участки берега на байдарке. Из памятников, найденных тогда С. Ю. Васильевым, особенно интересным оказался памятник Минино-1, относящийся и к эпохе первобытности (до IX тысячелетия до н. э.), и к древнерусской эпохе, отделенной от нас тысячелетием. Это то самое время, когда формировалась наша русская народность, когда шёл процесс, который называется «древнерусская колонизация», и потоки переселенцев, в которых преобладали славянские черты, но присутствовали элементы балтских народностей, финно-угров, осваивали огромные территории нынешнего Русского Севера.

Впрочем, всё это стало ясно гораздо позже, а тогда было вот как: был конец лета 1991 года, наш небольшой отряд из четырех человек под руководством Сергея Юрьевича Васильева стоял на восточном берегу Кубенского озера, в устье реки Чёрной. Поздним вечером, когда улеглась волна, мы переправились на другой берег (пришлось дважды пересекать озеро) и встали лагерем в устье реки Дмитровки. На следующее утро мы стали закладывать шурфы в местах, которые указал Сергей Юрьевич, а он пошел в сельсовет отметить командировочное удостоверение. Вернувшись, он рассказал нам о попытке государственного переворота в Москве, это было 19 августа 1991 года. Мы, конечно, были очень обеспокоены, собрали всё наше имущество, дошли на байдарке до Песков и рейсовым автобусом вернулись в Вологду. Так и случилось, что памятник «Минино-1» был документирован как следует только в 1993 году, когда заложили шурф 4 x 4 метра. И вот же совпадение! – опять это происходило во время трагических событий в Москве 3–4 октября.

Тогда в Минино были найдены первые погребения. Они были очень странного вида, без инвентаря. Мы сначала их не смогли датировать. Потом в процессе раскопок уже 1996 года они были датированы каменным веком. Вот еще одна удивительная страница истории Кубеноозерья – погребения каменного века (до 9, 5 тысячи лет назад) с прекрасной сохранностью кости. Это большая редкость для всей европейской части.

Но главные находки и открытия, сделанные в Минино, относятся к древнерусскому времени – с X по XIII век.

Настоящий размах работы на Минино получили в 1996 году, когда там начала работать Онежско-Сухонская экспедиция Института археологии Российской Академии наук и центра «Древности Севера». Сергей Юрьевич Васильев умер за два месяца до начала работ экспедиции, когда уже была достигнута договоренность о совместных работах.

Руководил экспедицией в то время перспективный кандидат наук Николай Андреевич Макаров, вскоре защитивший докторскую диссертацию (вскоре он был избран и членом-корреспондентом РАН и директором института археологии РАН). Он был избран тогда же и директором института археологии РАН. Опыт исследования средневековых памятников у Макарова был колоссальный (до этого многие годы он работал в Белозерье). Памятник Минино привлёк его внимание прекрасной сохранностью культурного слоя: развалы печей-каменок, кости, чешуя рыб, обожженные зерна злаков – прекрасный археологический источник. Работы велись с 1996 по 2003 год. В 2004–2005 годах я продолжал обследование захоронений каменного века (это моя специализация) и древнерусских захоронений.

Выделяют два направления колонизации на территории нынешней Вологодской области. Один – «верховой» – из Новгородской земли, и «низовой» – со стороны Ростовской земли. Расселялись они на свободных территориях вдоль водных путей. Вот такие группы поселенцев осели и на Кубенском озере. Это происходило в конце XX века. На протяжении XI–XIII веков на Кубенском озере расцвела одна из таких групп древнерусского населения. Что это были за люди, на каком языке они говорили? Мы можем судить об этом только по косвенным данным. Недавно в Вологде была найдена берестяная грамота, она относится к XIV веку, написана на русском языке. В Минино мы надписей не обнаружили. Но если взять древнерусские летописи, в которых пишется о Белоозере – одном из крупнейших городов того времени, который расположен рядом с Кубеноозерьем, то видно, что уже в XI веке его жителей называют не чудью, не весью, а именно белозерцами, как рязанцев, тверичей и т. д. Речь уже идёт о древнерусском населении, которое наверняка говорило на русском языке и являлось представителем смешанного населения, которое объединяло и местных финно-угорских поселенцев и славян, пришедших из Новгородской земли и из Поволжья.

Есть и такое мнение, мол, славяне жили на Русском Севере с каменного века, они там ещё на мамонтов охотились... Это всё фантастические конструкции, которые мы здесь обсуждать не будем. Ведь реалии – они тоже очень интересны: оказывается, что уже в древнерусское время здесь было развито ремесло (например, найдены кузница и литейные печи); население было плотно включено в международную торговлю. Что вологжане того времени могли предложить миру? Как сейчас для экономики России важнейшее значение имеет экспорт нефти и газа, так в то время главным экспортным продуктом была пушнина: мех куницы, белки, бобра... Костями этих животных буквально усеяны все поселения древнерусского времени. Основное направление экспорта – страны Центральной Азии и Переднего Востока, Северная Африка, Европа (разумеется, сами мининцы туда не плавали, это был многоступенчатый обмен). А оттуда поступало на территорию Руси, в том числе и Вологодчины, и поселения Минино – восточное серебро, кавказский горный хрусталь,

египетские стеклянные бусы, восточные и европейские монеты, прибалтийский янтарь... Кубенское озеро – это и начало пути в Приуралье. Нами найдена бронзовая подвеска в виде медведя в «пермском зверином стиле», такие же предметы находят в Приуралье, у нас есть керамика оттуда – это свидетельства и торговых обменов, и движения населения.

Торговля шла по крупным водным путям, которыми так богата Русская равнина. Вся наша русская цивилизация возникла на этих путях. В Вытегорском районе расположена точка «Атлека», это слово состоит из названий Атлантического и Ледовитого океанов и Каспийского моря. Это удивительная точка, из которой вода, выпавшая с дождем, с равной вероятностью может утечь в один из этих трех бассейнов. Она имеет высоту над уровнем моря всего около 300 метров. Интересно, что подобные точки, разделяющие три водных бассейна, есть еще в горах Турции и в Скалистых горах в США, но там высота этих точек над уровнем моря около 2000 метров, а расстояние до моря несколько десятков, максимум – сотен километров. А у нас – тысячи километров. Это означает, что наша равнина очень полого, и реки, которые текут по ней – спокойны, а значит, судоходны. Вот этот масштаб водных путей и задал масштаб всей нашей русской цивилизации. Значение этих водных путей мы сейчас, может быть, недооцениваем, а они создали костяк русской цивилизации, которая в те века и формировалась. На этих огромных пространствах всегда было что-то, что объединяло мелкие племенные группы – общность политических интересов, общность экономики, язык, вера.

Минино – одно из многих сотен поселений, но ему была уготована очень интересная судьба: через сотни лет его нашли и исследовали. В Минино собрана крупнейшая в мире коллекция вещей из сельских поселений древнерусского времени. Во всем огромном древнерусском мире нет более обследованного сельского поселения, чем Минино. Работы там велись специалистами-археологами высокой квалификации: это и специалисты по древнерусскому времени, специалисты по тем или иным категориям находок – кость, дерево, металл, керамика; это антропологи, роль которых была незаменима при исследовании могильников; это специалисты по исследованиям костей животных. Отбирались пробы грунта в поисках зерна и в итоге получены данные о земледелии: в древнерусское время, тысячу лет назад, здесь уже возделывались злаковые культуры...

Жители Минино были членами огромного древнерусского сообщества, занимали в нём своё место. Не надо думать, что они «жили в лесу, молились колесу» – в XI веке это были добрые христиане (в течение XI века на территории Вологодской области произошёл переход от обряда сожжения умерших к обряду трупоположения, это безусловно свидетельство о распространении христианства). Найдены и на поселении, и в захоронениях предметы личного благочестия – иконки, крестики...

Дома древних мининцев были скромных размеров: 3х3–3х4 метра, обычно состояли из одной отапливаемой части и иногда какой-нибудь пристройки. Но люди того времени уже занимались земледелием и возделывали те же культуры, что и нынешние крестьяне – ячмень, пшеницу, рожь, овёс, просо... Они пекли хлеб, они делали блины (мы это знаем, потому что нашли сковороды). Они ловили рыбу, били зверя – и пушного, и лося, и бобра. Активно торговали. Хозяйство мининца XII века было более товарным, чем у крестьянина XIX века.

Но в XIII веке всё это пошло на спад, и в XIV веке активная жизнь на Монино прервалась, хотя и не угасла полностью – деревенька Монино и сегодня стоит примерно на том же месте.

На смену колонизации промысловой пришла колонизация сельскохозяйственная, люди стали селиться там, где удобнее заниматься сельским хозяйством, а не охотой. Сельскохозяйственное освоение края привело к тому, что мы получили ландшафт, который видим сегодня – поля, перелески, пойма озера, заросшая кустами. В древнерусское время эти места выглядели иначе: бескрайние леса с небольшими участками полей и сенокосов вдоль рек и вдоль озера.

На протяжении более 10 тысяч лет (от 9 тысячелетия до нашей эры) люди жили и хоронили своих мертвецов на одном и том же месте. Конечно, нельзя сказать, что это были сменявшиеся поколения одного и того же населения. За тысячелетия разные племена бывали на этом берегу. Но безусловный факт, что природа нашего Кубеноозерья была привлекательна для людей всегда. И сегодня мы точно так же, как они, те люди, радуемся хорошему улову, солнышку, урожаю, рады зачерпнуть воды из ручейка или озера...

...Конечно, есть особое чувство, магия, когда в твоих руках оказывается предмет, который века и тысячелетия назад принадлежал нашим далеким предкам. Эта магия и манит в археологи многих людей с романтическим настроением. Сама атмосфера поиска, атмосфера лагеря – все это, конечно, романтично. Но надо знать и помнить, что раскопки – это, прежде всего, тяжёлая, кропотливая, иногда нудная, работа. Приходится перебирать, срезая тонкими слоями, многие кубометры земли, просеивать через сито, промывать. Это тяжёлый труд, от которого устают колени, спина... И все-таки это очень интересное и нужное дело – археология. Ничуть не жалею, что посвятил ему свою жизнь...

Александр Валерьевич подаёт мне обломок керамического горшка с каким-то орнаментом: «Вот это второе тысячелетие до нашей эры», – поясняет он... Тысячи лет назад человек касался этой глины, лепил горшок, в котором варил пищу... Время сжимается в моей ладони, разжимается и становится вечностью...

Историю делают люди (Нефёдово – Сеничев и другие...)

Нефёдово – последний крупный населённый пункт на Кирилловской дороге, относящийся к Вологодскому району, в восьмидесяти с лишним километрах от Вологды, дальше уже Кирилловский район. Когда-то Нефёдово было центром сельсовета, ныне входит в Новленское сельское поселение...

Проводником по Нефёдовскому сельсовету (назову по-старому) я выбрал Бориса Геннадьевича Сеничева. Впрочем, он, скорее, «проводник по людям», по судьбам. Уже несколько лет Борис Сеничев разыскивает нефёдовцев – участников войны, эти поиски, как нитка из клубка, тянут за собой всё новые и новые данные, факты, имена...

Сам он родом из деревеньки Мальгино.

– Если ехать из Вологды в Кириллов и повернуть к Нефёдову, то сразу тут за поворотом и есть Мальгино, а потом уже за ним Нефёдово, – объясняет Борис Геннадьевич. – Родители тоже нефёдовские – отец, Геннадий Васильевич, из Нефёдова, а мать, Ирина Павловна, – из Окунькова, сейчас этой деревни нет, – рассказывает Сеничев. И тут же добавляет: – Сейчас многие из тех, кто проживают в Березниковском поселении, наверное, даже не знают, что такие деревни, как Лепигино (нет сейчас), Нагорная, Фрязеново, Токарёво, Копытово, Рудино, Тараска, Малашка, Омогаев, все относилось к Нефёдовской волости, а позже – сельсовету. Только недавно объединили поселения... Хотя, мы это уже проходили примерно сто лет назад – в 1924–29 годах, тогда тоже Вотчу, Новленское, Березники и Нефёдово объединяли... Потом снова разъединяли: были отдельные сельсоветы: Шолоховский, Вотчинский и Краснобереговой... Это ведь разные территории: Вотча – лесной край, Нефёдово – озеро... А людей сколько жило! Вот, например, – он достаёт из папки лист: – 1920 год, Нефёдовская волость: детей от 0 до 10 лет – 1551 человек, детей от 11 до 20 лет – 1404, остальных от 20 лет до 60 – 3226. То есть, еще не вошли те, кто старше 60 лет и те, кто в Гражданскую войну воевал на фронте. Общая численность – 6181 человек, если взять со стариками – 7000 примерно. В некоторых районах области сейчас столько нет людей, сколько жило в начале прошлого века в одной Нефёдовской волости!

Как многие жители Нефёдова да и всего Кубеннозерья, семья Бориса Сеничева была тесно связана с озером: дед, Василий Аркадьевич, был рыбаком (бригада рыбзавода), он погиб на фронте в 1944 году. Старший брат деда, Аркадий Аркадьевич, был «обстановочным старшиной» – несколько человек под его руководством занимались обслуживанием баке-

нов в озере. Ещё один брат, Сеничев Александр Аркадьевич, вернувшись с фронта инвалидом, тоже обслуживал бакены.

– Тогда на лодке ездили зажигать бакена (судоходство было активное), потом гасили... И только уже ближе к 80-м годам появился катер «Ястреб», сменивший лодки, – рассказывает Борис Геннадьевич.

...Я вспоминаю, что случилось и мне (я тогда жил с ребятами из православного лагеря в Песках, рядом с храмом) бывать на этом «Ястребе» (а еще есть «Коршун, кажется). Капитан и команда без всякой платы прокатили ребят из лагеря по озеру – заходили в устье реки Порозовицы, подплывали в озере к какому-то островку... Ещё и рыбы дали...

Родители Бориса Сеничева работали в совхозе «Нефёдовский». В 90-е годы совхоз стал СХПК, а потом вдруг и банкротом...

– А ведь наш совхоз был передовым! – сообщает Борис Геннадьевич. – Я нашел документы – еще в 30-е годы нефёдовские передовики производства ездили в Москву на ВДНХ. А в 60-е годы, когда директором был Пеньков Владимир Александрович, участник войны – «Нефёдовский» был передовым в области центром по выращиванию уток. Утиная ферма была в Песках, держали уток на речке Кой. В совхозе была своя самоходная баржа, называлась «Иволга», и вот на ней уток возили в Вологду на мясокомбинат, он тогда находился в Заречье, где-то в районе нынешней площади Чайковского. А работники совхоза на этой барже ездили на рынок торговать в Печаткино по озеру и Сухоне. Отец мне рассказывал: ездили и продавали там со своего огорода огурцы, картошку. Видимо, там был хороший рынок... Это 50–60-е годы. Пристань была в Песках, рядом с церковью, там приставали пароходы и теплоходы. Было удобнее из Вологды, например, а уж тем более из Сокола, добраться до Нефёдова по воде (вернее до Песков, а там уж недалеко)...

...Так и представляю я это плавание в зелёных берегах реки Вологды, Сухоны, прохождение шлюза, простор озера, Спас-Камень...

Итак, Борис Сеничев родился в Нефёдове (точнее, в Мальгине), учился там до 8 класса, а 9–10 классы в Новленском. А после школы – армия, потом 23 года служил в милиции в Вологде. Сейчас основным его делом стало разыскание данных об уроженцах Нефёдовского сельсовета – участниках Великой Отечественной войны. О своих поисках и находках Борис Геннадьевич не раз писал и в «Маяке». «Я пишу не очень хорошо, но пишу с надеждой, что кто-то увидит и откликнется», – говорит сам Сеничев.

– Заинтересовали меня люди нашего Нефёдова... Вот в День Победы, бывало, говорят всё об одних и тех же, а ведь мы знали, что это далеко не все... Вспоминают Клубова и Кабелова, но ведь надо помнить и остальных. Взял я в сельсовете список воевавших земляков

и стал этот список добавлять. Сейчас у меня более 900 человек из Нефёдова, и список пополняется...

Борис Геннадьевич знает, кажется, всё обо всех более чем девятистах из своего списка. И готов говорить о них часами. Он, не побоюсь этого слова, любит тех, кого ищет и находит, о ком рассказывает. Каждое новое имя – праздник, каждое добавление, уточнение к биографии – событие... Причём находит и тех, память о ком, казалось бы, стёрлась на малой родине.

– Приезжаю в Нефёдово после статьи в газете, мне говорят: «Слушай, мы таких и фамилий не помним»...

...А он напомнил. Мы, может, даже не вполне понимаем, как это важно, чтобы помнили. А будут помнить – там, глядишь, и помянут...

А Сеничев продолжает:

– Вот наглядный пример: вышла картотека награждённых в 1985 году орденами Отечественной войны. И там чётко указано: Варезков Фауст Николаевич, награждён орденом Отечественной войны первой степени, деревня Пантелеево, Кубеноозерский район. Пантелеево – точно наша деревня. Я открываю свою картотеку, 12-й год, вот он – в списке, родился на территории нашего сельсовета, дальше роюсь, а там его биография. Он пишет: «Я родился в Москве в 1913 году... Мои родители жили в Москве» и т. д. Но он же наш – нефёдовский! Пошёл в государственный архив, поднимаю метрическую книгу – точно, у таких-то родился сын Фауст. Видимо, семья переехала в Москву, и он даже не знал, что здесь родился.

– Или лётчики!..

...Борис Геннадьевич сел на любимого конька и нескоро слезет с него, будет рассказывать и рассказывать. Конечно, нет никакой возможности даже упомянуть здесь всех, кого нашёл, кого ищет, о ком знает Борис Сеничев. Нужна отдельная книга. Пусть это будет первый том с пометкой, что по мере поиска будет выпущен второй том и т. д.

Здесь всё-таки упомяну о нескольких наиболее ярких судьбах, найденных Борисом Сеничевым, людей...

– В Нефёдовском сельсовете четыре летчика. Один погиб ещё на Халхинголе в 1939 году, летчик истребитель Ядыгин Дмитрий Дмитриевич.

Другой, Муравьёв Гурий Александрович, погиб в Великую Отечественную. Он, кстати, с Клубовым воевал в одной дивизии, в разных полках. Он бы стал и Героем Советского Союза, но не дожил до этого – у него было 10 сбитых самолётов. Они с Клубовым одним приказом по четвёртой воздушной армии награждены орденами Отечественной войны 1-й степени.

Ганичев Александр Павлович, 1918 г. р., он из Колышкина, погиб в 1944 году, по предварительным данным, летал на «Дугласе» (это военно-транспортный самолет), скорее всего, возил десантников.

Фукин Александр Дмитриевич – пока единственный из лётчиков-вологжан, который не только начал воевать с первого дня, но и в первый день «Мессершмита» сбил. 22 июня 1941 года, в районе Бреста. Он не погиб, но, видимо, он тяжело ранен где-то в начале 1942-го, лежал в госпиталях и потом был в запасном полку лётчиком-инструктором, в Нефёдово он уже не вернулся.

Ещё добавлю людей из наших мест, не только нефёдовских, связанных с небом: Полетаев Николай Константинович из Шолохова, он летал штурманом звена на американских Б-20, бомбил даже Берлин. Из Лепигино – Полетаев Николай Александрович на ИЛ-2 летал, погиб. С Пучки – Стафеев Николай Александрович летал на ИЛ-2, тоже погиб на Карельском перешейке в 1944 году. Из Борисовского сельсовета – Мойкин Николай Васильевич, летал на истребителе, полковник, жил в Киеве, умер не очень давно.

А кто знает, что был такой Чегодин Василий Ильич из Кубенского сельсовета? Он летал всю войну воздушным стрелком, погиб 22 апреля 1945 года – их сбили, они упали в Балтийское море в районе Пилау. Самое интересное, что он награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда» и еще орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени, а он был всего лишь старшиной. Ему дали такую награду потому, что он был «флагманским воздушным стрелком-радистом», начальником над всеми стрелками-радистами в эскадрильи.

А знают ли в Вотче об Александре Павловиче Трошине? А ведь он повторил подвиг Мересьева – выпрыгнул из горящего самолета и по снегу, весь обгорелый, пробирался к своим. Награждён медалью «За отвагу» и орденом Красного Знамени...

...Наверняка, не меньше, чем в авиации, кубеноозеров служило и в танковых войсках, и в артиллерии. Что уж говорить о пехоте! Но здесь приведу ещё один рассказ Сеничева о подвиге на море...

– Сизьмин Павел Николаевич из Кубенского служил на подводной лодке (так называемой «щуке») у знаменитого Лунина, Героя Советского Союза. Они совершили несколько походов, потопили, кажется, семь кораблей противника. Лунина повысили, он перешёл на другую лодку, а командиром «щуки» назначили Ведяева. (В Мурманской области есть посёлок, названный в его честь). И в первом же походе лодка подорвалась на mine в подводном положении. Подорвалась кормовым отсеком, в котором были Сизьмин и еще пять человек. Как положено в такой ситуации, они задраили отсек и стали бороться за живучесть

корабля. Шесть часов в холодной воде – откачивали, заделывали пробоину. Своими действиями они спасли лодку и экипаж – лодка всплыла, но двигаться не могла. Передали на базу сигнал о помощи. Ближайшую лодку направили к ним. А их стало сносить к берегу, занятому немцами (в Норвегии). Тогда они из тента сделали и установили парус. Когда за ними пришла другая лодка – их на месте не было, а на горизонте виднелся... парусник. Связались и встретились. Кстати, этот случай послужил основой фильма «Командир счастливой «щуки». Их хотели на буксир взять, но не смогли – была сильная волна, тросы рвались, тогда сняли экипаж, а лодку торпедой утопили. Павел Николаевич Сизьмин умер в 1980 году. О нем есть упоминание в книге «Подводный флот»... Знают ли о нём в Кубенском?..

Или вот, интереснейшая судьба: Выжилов Николай Александрович. Он из Мешаково, деревни Нефёдовского сельсовета, а жил в Прилуках. Участник войны с Финляндией. Когда вернулся с «финской», его даже приглашали перед школьниками выступать. Потом призвали на Великую Отечественную. Он был санинструктором и попал в плен. Бежал и примкнул в Белоруссии к партизанам. Был начальником разведки и контрразведки четвёртого партизанского отряда бригады «Спартак». И что интересно – в его же отряд попал Тошачков Николай Николаевич из деревни Матвеевской Кубенского сельсовета. Они вместе воевали и потом дружили до конца. Выжилов был ранен в июле 1944 года, переправлен на советскую территорию и больше не воевал. Он имел медаль «Партизан Великой Отечественной войны» 1-й степени...

...Борис Геннадьевич постоянно работает в архивах Вологды, пишет письма в архивы и различные организации других городов, огромной радостью для него становится каждый ответ, проливающий свет на судьбу того или иного человека...

– Были ответы из Самары, из Владимира, из Риги, из Белоруссии (Гродно), с Украины (из Днепропетровска), из архива погранвойск, из архива ФСБ, из гимназии № 67 Нижнего Новгорода, из Ивановской прокуратуры. И сейчас более 10 запросов направлены в разные места, – рассказывает Борис Сеничев.

Поиски продолжают и приносят зачастую очень интересные результаты:

– Вот нашёл, пока фамилию говорить не буду, он полковник внешней разведки, в войну работал в Китае с 1940 по 46, умер в 1971 году...

А планы у Сеничева простые и интересные: искать дальше и дальше. И не только о том, что связано с войной.

– Чем больше ищешь – тем больше попадается самых разных документов и становится все интереснее и интереснее, – говорит он. – Среди моих земляков есть мастер спорта СССР по тяжёлой атлетике, кандидат медицинских наук. Ефимов Александр Павлович был

первым секретарем Иркутского обкома и Хабаровского крайкома КПСС. Или Мариничев Анатолий Дмитриевич – закончил Литературный институт в Москве. Работал корреспондентом и редактором газет в Ленинградской области, был знаком с Рубцовым. Николай Рубцов заходил к нему в гости в городе Ломоносове, брал конспекты для института... Это ведь тоже интересно!

...Конечно, интересно. И очень нужно всё это знать и помнить... Столько замечательных людей вышло в мир из Нефёдова, из других деревень и сёл. Кто-то вернулся, кто-то нет... Но жизнь-то кипела! Из этой кипящей жизни и выковывались, наверное, характеры... А сегодня – молодежи нет, закрываются школы, библиотеки... Вот же и сам Борис Сеничев после ухода в армию не вернулся в родное Нефёдово...

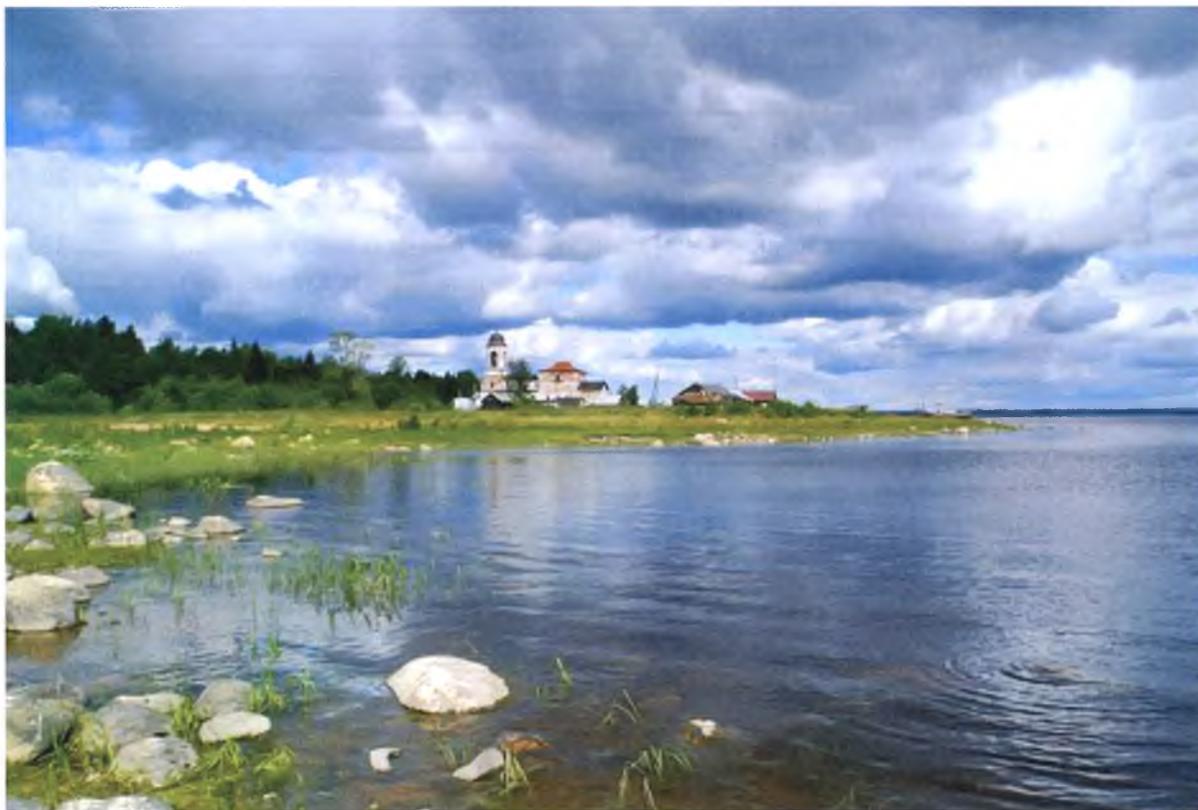
– Тогда уже в 1970-80-е годы стало всё угасать. К чему было возвращаться молодым – к клубу в здании 1895 года постройки? Надо было тогда заинтересовывать людей, молодежь не только работой. Ведь хотелось нам заниматься и спортом, и в какие-то кружки ходить. Было бы это, и люди бы оставались. Ведь Нефёдово – благодатный край: ягоды, грибы... Озеро!..

...Так рассуждает Борис Сеничев. Наверное, он прав... Жестокая мысль, настигает меня: а может, всё это так и должно быть? Уходит «та», давняя жизнь, «те» люди – появится что-то новое, другое. Разве это не закон жизни – старое умирает, новое живёт?.. Да вот только будет ли новое-то, если забудем и потеряем всё старое? Поэтому надо помнить и знать старые деревни (пусть их уж и нет на земле), помнить те «гремевшие» когда-то колхозы, людей, живших, воевавших, трудившихся на своей земле, в своем озере...

– Для чего я этим занимаюсь? – переспрашивает Борис Геннадьевич. И отвечает: – Чтобы не забыть нашу историю, а историю делают люди.

***

...Я уехал в Пески. Пришёл к храму святого Антония, на берег, где, как огромные поплавки, лежат бакены, и приткнулся к берегу трудяга «Ястреб». Поднял обкатанный водой камень, подержал на ладони... и опустил... Можно бы и ещё продолжать этот путь по старой дороге. Но пусть это делает кто-то другой, а моя дорога кончается здесь, где встречаются земля и вода, вода и небо...

СОДЕРЖАНИЕ

Ода дороге	5
Золотое сердце Вологды (поклон родному городу).....	8
Прилуки – память сердца	14
Живая память о Герое (деревня Ярыгино).....	20
«На жизнь не жалеюсь...».....	27
А деревья растут... (деревня Чашниково).....	30
Святыни бывшими не бывают... (Заоникиевская Владимирская пустынь)	35
Земное и небесное (храм Василия Великого на реке Едке, д. Кулемесово).....	40
Светлые аллеи усадьбы Спасское-Куркино.....	47
Учитель Емельянов.....	58
«Вот и вся наша жизнь...» (деревня Долгово).....	64
Кубенское – бойкое село	67
У самого синего моря.....	77
Из деревни Харитоново.....	83
Профессор и поэт.....	90
Село Песочное – деревня Песочное – Песоцкий монастырь	99
Спас-Камень	106
Русские судьбы	116
«Музыка, сердце моё...»	124
Крест и память.....	128
По Кирилловскому тракту 225 лет назад	136
Не лишняя деревня Пучка – село Покровское.....	141
Трактор, небо, крест	146
Неунывающий Механиков и его команда	153
Огненные вёрсты сержанта Соболева.....	157
«Коробово – родина моя...».....	168
«Деревенька моя Будихино...»	174
Последний	177
Рыбаки.....	184
Сяма – земля крестьян, поэтов и святых	191
Березники – «Ильюшинский».....	203
Библиотекарь с Кубенского берега	207
Минино – время и вечность на ладони.....	212
Историю делают люди	217

Литературно-художественное издание

Ермаков Дмитрий Анатольевич

ПО СТАРОЙ КУБЕНСКОЙ ДОРОГЕ

(ВЁРСТЫ, ЛИЦА, СУДЬБЫ)

Ответственный редактор Ласточкина Е. В.

Художественный редактор Пушкова Е. В.

Корректор Алфеева И.

Подписано в печать 01.07.2017

ООО «Издательский дом Вологжанин». г. Вологда, ул. Пушкинская, д. 52. Тел. 79-51-99

Отпечатано в типографии «Альфа-принт». г. Вологда

Тираж 800 экз.

23.11.2017 - вост ос

21.02.2018 - в. банк и Корол.

04.02.2019 25484

29.04.2021 36518

15.07.21 в ос

13.01.2022 21559

(Bernard)

16.07.22 18448

1.09.22 осп

05.04.23 Прием ОРК

28.06.23 Прием ОРК

30.11.23 осп

[300p.]

Карта 1792 г.

Дмитрий Ермаков родился в Вологде в 1969 году. Член Союза писателей России, журналист газеты Вологодского района «Маяк», лауреат премии журнала «Наш современник», лауреат международной литературной премии «Югра», лауреат первой международной православной литературной премии «Благословение», и ряда других премий и конкурсов.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Москва», «Север», «Двина», «Сибирские огни» и др. Автор нескольких сборников прозы. Живёт в Вологде.

ISBN 978-5-905324-30-7

9 785905 324307